

В.А. Осипов

ЦИКЛИЧНОСТЬ СМЕНЫ ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ В XX ВЕКЕ

В.А. Осипов

ЦИКЛИЧНОСТЬ СМЕНЫ
ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ
В XX ВЕКЕ

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

В.А. Осипов

**ЦИКЛИЧНОСТЬ СМЕНЫ
ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ
В XX ВЕКЕ**

Монография

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2020

УДК 338
ББК 65
О-74

Рецензенты: *В.Н. Ембулаев*, д-р экон. наук, профессор ВГУЭС;
А.В. Дышин, канд. экон. наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии ВИ-ШРМИ ДВФУ

Осипов, Виктор Алексеевич

О-74 **Цикличность смены парадигм управления экономикой России в XX веке** : монография / В.А. Осипов; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2020. – 200 с.

ISBN 978-5-9736-0578-0

Раскрыты новые представления о 25-летней экономической цикличности развития экономики России и в связи с этим о цикличном изменении парадигмы менеджмента. Рассмотрена концепция развития экономики и изменения системы управления от кризиса к кризису. Выявлены причины кризисов, в основе которых лежат как внешние политические и экономические неблагоприятные факторы, определяющие циклы, так и внутренние, предполагающие коренные изменения в системе управления. Исследованы некоторые проблемы управления современной экономикой РФ и пути ее развития в условиях рыночных отношений.

Для научных работников, студентов и аспирантов всех экономических специальностей.

УДК 338
ББК 65

ISBN 978-5-9736-0578-0

© Осипов В.А., текст, 2020

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», оформление, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава 1. ГИПОТЕЗА 25-ЛЕТНЕЙ ЦИКЛИЧНОСТИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ МЕНЕДЖМЕНТА И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ	13
Глава 2. ПЕРИОД 1891–1915 гг.	36
2.1. Российская промышленность в конце XIX – начале XX в.	37
2.2. Банки и промышленность. Формирование финансового капитала.....	41
2.3. Иностраный капитал в России	43
2.4. Столыпинская аграрная реформа.....	45
2.5. Динамика промышленного развития 1891–1915 гг.	50
2.6. Социальное развитие Российской империи в 1891–1915 гг.	53
Глава 3. ПЕРИОД 1916–1940 гг.	59
3.1. Начальный этап социалистической индустриализации.....	60
3.2. Причины и результаты коллективизации.....	64
3.3. Индустриальное развитие СССР в годы первой пятилетки	67
3.4. Экономика СССР во второй половине 40-х годов XX в.	74
Глава 4. ПЕРИОД 1941–1965 гг.	81
4.1. Советская экономика в годы Великой Отечественной войны	82
4.2. Восстановление народного хозяйства в послевоенные годы	92
4.3. Подъем сельского хозяйства. Хозяйственная реформа 1953 года.....	101
4.4. Реформа 1957 года и изменение системы управления народным хозяйством	106

Глава 5. ПЕРИОД 1966–1990 гг.	113
5.1. Экономическая реформа 1965 года.....	114
5.2. СССР на пороге кризиса	121
5.3. Перестройка в СССР	128
5.4. Научно-техническая революция и ее влияние на ход общественного развития	138
Глава 6. ПЕРИОД 1991–2015 гг.	148
6.1. Формирование российской теоретической концепции рыночной экономики 1991–2008 гг.....	149
6.2. Первые итоги трансформации экономики в 1991–1999 гг. («полупериод» Б. Ельцина)	156
6.3. «Путинский полупериод» развития российской экономики с 2000 г.	170
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	189
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	197

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа представляет собой не историческое, а экономическое исследование. Более того, ее можно отнести к исследованиям по управлению. Историки найдут в ней массу неточностей, которые не совпадают с предложенной концепцией периодизации смены парадигм управления Россией, происходившей в XX веке. Сознательно допущены пропуски в описании некоторых важных с позиции политики исторических событий, произошедших с Россией. Тем не менее, по мнению автора, для понимания смены парадигм управления эти события могут оказаться несущественными. Автор полагает, что с точки зрения историчности следовало бы рассматривать периоды существования Российской Империи, далее развитие РСФСР, затем СССР и, наконец, Российской Федерации. Однако выводы по смене парадигм управления могут быть достаточно аргументированы по динамике наиболее существенного объекта – экономики России, так как она всегда доминировала в этих процессах. Впрочем, автор всегда был и остается открытым для дискуссий и критических замечаний по существу работы.

Главная гипотеза данного исследования состоит в том, что все кризисы и цикличность экономики определяются недостатками, накопившимися в господствующей парадигме управления экономикой и обществом, и становлением новой системы парадигмы на следующий период времени. Понятие «парадигма менеджмента» еще не стало общепринятым и не получило однозначной трактовки. Однако, опираясь на понимание парадигмы в основном в технических областях науки, под ней можно понимать *одну доминирующую или несколько фундаментальных теорий, пользующихся всеобщим признанием в данной экономической ситуации в течение какого-то времени, направляющих развитие общества в целом или в рамках*

отдельной страны. Если в технических и естественных науках создаются учебники, на основе которых формируется парадигма этой отрасли науки как некоей временной базы для формирования методик изучения природы, то в общественных науках, в частности в менеджменте, рассматриваемом в широком смысле как процесс удачного управления экономикой страны и обществом в целом в определенный период, парадигма определяется «генеральной линией руководства», зафиксированной в центральных документах в виде Конституции, государственных законов, программах доминирующих политических партий. На уровне предприятий это все повторяется в виде Уставов, Положений о бухгалтерском учете, внутренних инструкций и др.

К написанию настоящей работы автора подтолкнули идеи, изложенные в книге американского историка науки Томаса Куна «Структура научных революций». Ученый предложил рассматривать научные революции как процесс смены парадигм понимания окружающей природы. Эти идеи в приложении к науке «менеджмента» дают интересные результаты, особенно в случае объяснения революционных переворотов.

Т. Кун во введении к своей книге дал следующее понимание парадигмы: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений». Наличие парадигмы отражает «нормальную науку», которая подразумевает господство определенных идей, в рамках которых ученые придерживаются определенного консенсуса. При этом научная революция определяет период, в которой появляется новая парадигма, опровергающая предыдущую. Две соперничающие парадигмы, отмечает Т. Кун, несоизмеримы, и переход от одной к другой возможен лишь путем глобальной конверсии, не сводимой к чисто рациональному продвижению вперед. В общественных процессах это означает, что в конце существования определенной парадигмы формируется новая идеология и основанная на ней новая система регулирующих документов. Поэтому эту книгу следует рассматривать как поиск доказательств смены парадигм менеджмента в историческом процессе, а не как историческое исследование, которых в последнее время предостаточно.

Взяв за основу методологию Т. Куна применительно к менеджменту, понимаемому с широким смыслом как успешное управление (от англ. to manage – справиться, суметь, править, ухитриться, стоять во главе, удаваться и др.), автор попытался найти в историческом развитии подтверждение, что цикличность экономики России определялась либо слабым управлением (ошибками в управлении), либо внешними причинами непреодолимой силы. Автор убежден, что понимание роли сложившихся систем управления в конкретных условиях, управляющих воздействий лиц, принимающих решения (ЛПР), в процессе исторического развития только в теоретическом аспекте не всегда будет соотноситься с реальностью, поскольку иногда требует абстрактного осмысления. Это типичный метод экономической и управленческой науки – преобладание абстрактного мышления как основы в аргументации истинности идей и построение упрощенных моделей для понимания в целом механизмов управления и движения экономики.

Если опереться на методологию определения цикличности, предложенную в свое время Н.Д. Кондратьевым, то можно предположить, что все даты предлагаемой нами периодичности имеют некий диапазон. Не 1915 год как граница событий в периодичности, а 1915 год плюс-минус три или даже четыре года. В этот период попадает и дата августа 1914 года как реального момента совершения ошибки руководства России – вступление в Первую мировую войну с последующим падением экономики и революционными преобразованиями. Так следует понимать историчность смены парадигмы менеджмента на уровне страны. Периодичность в 25 лет следует понимать как некую абстрактную гипотезу всеобщей периодичности развития российского общества, охватывающего более чем столетний период. Концепция парадигмы управления как сложившейся системы управления предполагает даже не обращать внимания на некоторые переходные детальные моменты в краткие периоды смены парадигм (периоды военного коммунизма и др.).

В данной работе исторический аспект сводится к поиску фактов, подтверждающих гипотезу о 25-летней периодичности смены парадигмы менеджмента в России. Иногда она происходит в виде революций. Рассматривая общественные движения широко, все революции и восстания предстают довольно обычными явлениями в истории, происходящими как за рубежом, так и в России. Как сви-

детельствуют классические теории и подтверждает реальный исторический процесс развития человечества, революции в обозримом прошлом были довольно обычными процессами смен общественного строя и соответствующей парадигмы управления. Более того, очевидно, что всякая революция, как и кризис, в управлении экономикой возникает вследствие неэффективного управления. Ни одно общество не стоит на месте. Все, что имеет начало, рано или поздно увидит свой конец. Как бы ни были успешно разработаны законы, их смена происходит либо в виде решения накопившихся проблем управления сверху (той или иной глубины реформы), либо снизу в виде бунтов, революций и т.п. процессов. Это можно наблюдать на разных по уровню иерархии управленческих проблем – от смены устаревших инструкций на предприятиях и законов в рамках государств. Нерешенным пока является вопрос о выборе момента смены этих парадигм управления. Проблему накопления недостатков в системе управления и нарастания потерь от неприятия «непопулярных», как говорится в последнее время, решений оставим пока в стороне.

Конечно, процессы экономического развития экономики и причины смены парадигм управления имеют различную реальную периодичность, но для экономического исследования движения масс, людей, капиталов, а также интересов классов имеют гораздо более размытую периодизацию. В каждом обществе в определенный момент времени можно наблюдать наличие разных характеристик общественно-экономических отношений между людьми, элитами и классами. Так, например, в Англии и Японии можно наблюдать рудименты Средневековья в виде сохранившихся (а в современной Испании и восстановленных) королей и императоров. В то же время в этих странах кроме современного капитализма проявляются элементы социализма (в виде патернализма (в Японии) и др. общественных явлений, связанных с управлением общества (северо-европейский социализм)). Поэтому, говоря о смене парадигм управления, этот процесс может охватывать несколько лет, а то и десятилетий. Другими словами, в отличие от исторического исследования диапазон «ошибки» может быть существенным. Так, рассматривая дату смены парадигмы 1915 года, автор, конечно же, расширяет диапазон, включая лучший 1913 год царской России по экономическим результатам, а также реальные процессы смены

систем управления после вступления России в Первую мировую войну в августе 1914 года до послереволюционных преобразований в системе управления посредством введения системы управления Военного коммунизма и НЭПа. С позиций исторического развития они сыграли существенную роль в конкретных условиях гражданской войны и разрухи, но в целом не легли в основу новой парадигмы управления экономикой страны, существовавшей в последующие 25 лет.

По сути дела, здесь применена классическая методология, предложенная Н.Д. Кондратьевым в изучении «восходящих» и «нисходящих» волн в экономике разных стран, которые он рассматривал в широком диапазоне изменения тенденций в периодичности развития европейской экономики. При этом границы разных периодов и циклов с «размытыми» границами охватывали несколько лет. Автор данной работы для определения старта цикличности Российской экономики опирался на последний описанный Н.Д. Кондратьевым спад мирового 50-летнего цикла, приходящегося на период около 1890 г.

Повторим, что эта книга не претендует на статус исторического исследования. Пусть специалисты в области истории экономики исследуют детально все перипетии и нюансы экономических движений в прошлом. Мы преследуем задачу найти в историческом развитии подтверждение, что цикличность экономики России определялась либо слабым управлением и, следовательно, ошибками в управлении первых лиц, либо внешними причинами непреодолимой силы.

Бесспорно, найдутся те, кто захочет обвинить автора в некоем механицизме в понимании истории. Но автор надеется на понимание, что предмет исследования предполагает и использование своей, индивидуальной, методики исследования.

Широк спектр изучения принятых решений: ошибки вследствие неполной информированности и непонимания протекающих процессов в экономике страны; ошибочные решения с позиции национальных интересов в стратегических целях; чрезмерной централизации и бюрократизма в системе управления; «неверные» решения «в пользу других стран»; слабое или попустительское управление (пример М. Горбачева); реализация идеологии «отсутствия управления», например, когда внедряется принцип «Laissez-faire»

(от фр. – «позволить делать»), который часто упоминается идеологами рыночной экономики со времен А. Смита и др.

Оставляя политические и идеологические вопросы соответствующим авторам, в этой книге можно найти попытку подойти с «технической стороны» к менеджменту как к инструменту управления независимо от сущности идеологических целей и выявить ошибки в управлении. Как известно, политика «есть «концентрированное выражение экономики» [12, с. 278].

В.И. Ленин вывел формулу революционной ситуации: «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому» [10, с. 69–70].

В целом пример становления и распада СССР в рассматриваемом периоде только подтверждает правоту К. Маркса о том, что побеждает тот общественный строй, который создает новую более высокую производительность труда. Этому вторил и В.И. Ленин. Поэтому все революционные перевороты, которые в историческом аспекте случались на протяжении всего развития человечества, объективны. Они происходят вследствие открытого К. Марксом исторического пути через революции и, по сути, в длительном историческом аспекте объективно необходимы. При этом он показал, что каждый новый общественный строй должен быть более эффективным по сравнению с предыдущим в отношении к интересам основной массы населения данного общества. Экономика СССР в конце его существования вследствие разных причин, рассмотренных в последующих главах, перестала повышать главный показатель конкурентоспособности страны – производительность труда. Вследствие чего уровень благосостояния населения уменьшился, что, в конечном итоге, привело к его отставанию в экономическом и социальном развитии и последующему разрушению. Современный истеблишмент, менеджмент, руководство Российской Федерации пока не предпринимают видимых и реальных усилий по повышению эффективности экономики, что неминуемо приведет к некоей новой революционной ситуации в классическом понимании этого слова.

Это вообще приближает нас к понятию смены парадигмы управления обществом. Общество всегда будет производить определенные блага. Иначе говоря, в каждом из общественных формаций экономика будет существовать. А вот само изменение понимания того, как управлять и что делать, – это процесс искусства, точ-

нее науки управления в рамках новой парадигмы управления. Вообще «малые революции» существуют всегда, и в «длительном периоде времени» их можно рассматривать как нормальный процесс. В науке и технике это проблемы от выбора конкурирующих вариантов знаний, техники и технологии до изменения формы организации системы управления. В системе управления данный процесс включает изменения инструкций управления отдельной организации до смены губернаторов и т.д.

В обществе проблемы его управления также решаются путем изменения парадигмы менеджмента: изменения целей господствующего класса, применяемых средств управления, формирования систем интересов для управляемых членов общества. Будь то изменение системы управления «сверху» – реформа или «снизу» – революция.

Особенность и сложность проведения реформ состоят в том, что в первом случае руководителю морально тяжело изменять (убирать) «свои» верные кадры, поставленные сверху. При этом если они не хотят изменяться, то приходится их принудительно устранять, что морально, а иногда и юридически, тяжело. Что касается революции, то изменение «снизу» в этом смысле для лиц, принимающих решение («революционеров»), морально легче. Снимать старые управленческие кадры легко: они «не свои, чужие и даже враги». После революции на их место в системе управления становятся «свои – соратники-революционеры». Тогда процесс цикличности новой парадигмы (формирование, развитие и конец) начинается вновь.

В современной ситуации, когда в Правительстве страны находятся «свои люди» для президента, верующие во всемогущество рыночной экономики, но никак не специалисты в области управления, наблюдается упорство выполнения устаревшей парадигмы менеджмента. Осознание этого придет через появление существенных затрат или явных ошибок в управлении, когда может повториться исторический опыт смены парадигмы управления.

Главный результат производства для нации видится в обеспечении процесса жизнеобеспечения, рассматриваемого в широком смысле этого слова от сохранения самой жизни населения, сохранения условий существования нации до роста потребления (уровня жизни) как главная цель. В этом смысле любое общество является

обществом потребления, поскольку любое производство создается ради потребления продукции. В этом случае принято рассматривать этапы развития России с позиции уровня жизни общества, или того, как происходил процесс улучшения жизни нации («россиян»). Здесь существует, разумеется, определённая неточность. В России живут и развиваются более 150 наций, поэтому, строго говоря, этот термин для страны использовать не совсем корректно. С другой стороны, существуют понятия национальной обороны, национального дохода, внутреннего национального продукта, которые не имеют отношения к «чистому» определению нации. Но пониманию экономических процессов это не мешает, аналогично тому, как в США, в «котле наций», этот термин используется без каких-либо проблем, и все понимают, о чем идет речь.

Задача любого экономического исследования – дать руководителю любого уровня понимание того, какая ответственность на него ложится, когда он принимает на себя бремя руководства.

В сравнительном анализе должны рассматриваться системы на одинаковом иерархическом уровне. Так, правомерно считать, что Сталин победил Гитлера, но именно СССР победил фашистскую Германию.

Когда система рассматривается как объект изучения, то ее победы и поражения всегда персонифицируются. Так, битву при Ватерлоо проиграл Наполеон, а не его армия. Войну 1812 года выиграл Кутузов. В поражении всегда виноват лидер или тот, кто принимает решения. А в том, что Советский Союз был ликвидирован, виноват М. Горбачев, отстранившийся от власти в кризисный период.

Ответственность за кризис и последующее разрушение системы всегда падает на первое лицо. Сегодняшние партийные лидеры должны брать ответственность за ошибки в управлении. А для этого, прежде всего, нужно публично признать свои ошибки.

Глава 1. ГИПОТЕЗА 25-ЛЕТНЕЙ ЦИКЛИЧНОСТИ СМЕНЫ ПАРАДИГМ МЕНЕДЖМЕНТА И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Главная гипотеза данного исследования состоит в том, что цикличность развития экономики определяется ошибками в ее управлении («менеджмента» (от англ. management), понимаемого как успешное управление в широком смысле этого слова). При этом ошибки в управлении определяются накопившимися недостатками в парадигме управления обществом. Кризис является причиной становления новой системы парадигмы менеджмента на следующий период до очередного кризиса. В основе начала цикла лежит всегда кризис как любое нарушение нормального хода производства. Следствие из этой гипотезы: причина кризисов независимо от уровня и глубины всегда кроется в ошибках в управлении. Все кризисы есть следствие недостатков в управлении экономической, социальной, политической и др. системами, которые можно объяснить нехваткой времени для осмысления либо нежеланием лиц, принимающих решения, вникать в сущность проблем управляемой ими системы. Сказанное можно проследить на экономических системах разного иерархического уровня – от предприятия (и его подразделений) до государства.

В современной системе управления «коммерческая тайна» – ключевой фактор рыночной экономики. В политических процессах – государственная тайна также сопровождает процесс его управления.

Практика показывает, что на любом уровне управления в России никто из руководства никогда не признается в своих ошибках, что усугубляется современной концепцией, разделяемой многими

теоретиками: рыночная экономика вообще, согласно современной экономической теории, не должна управляться. Это неминуемо порождает кризис и на более общем уровне управления. Поэтому многие организации и государства «вдруг» или «неожиданно» становятся банкротами.

В экономической литературе последнего времени, оправдывая существование перманентного экономического кризиса в России, довольно часто предлагается рассматривать кризис как положительный или, как минимум, естественный процесс развития экономики, приводящий к смене технологий и в конечном итоге развитию производительных сил общества. В нашем исследовании предполагается, что в период кризисов происходит смена парадигмы менеджмента попадающей в кризис экономической системы.

Научное осмысление данного феномена – исследование смены парадигм менеджмента в социальных системах следует начинать вообще с разбора понятия «парадигма» и в дальнейшем применять это явление к управлению обществом и экономикой. Если, конечно, существующее управление вообще можно понимать как процесс, осуществляемый на научной основе.

Преодоление кризиса системы всегда сопровождается изменением элементов парадигмы менеджмента, т.е. революционными изменениями на каждом из уровней экономики, или, что то же самое, на соответствующем, т.е. более высоком относительно кризисной системы иерархическом уровне управления. Упреждающее преодоление кризиса – это реформа (революция сверху).

Примеры, подтверждающие этот тезис и которыми можно оперировать, имеются в открытой печати. Другим источником данных в этой области может служить собственный опыт многолетних наблюдений за менеджерами различного уровня. Иначе говоря, в основе настоящей работы лежат официальная статистика, историография и др. известные факты.

В технических науках понятие «научная парадигма» (от греч. *Paradeigma* – пример, образец) получило разное толкование. Она рассматривается разными учеными по-разному. Не сложилось еще окончательного общепринятого научным обществом термина. Так, например, она рассматривается как совокупность научных достижений, признаваемых всем научным сообществом в тот или иной период времени и служащих основой и образцом новых научных

исследований [27]. Другое понимание парадигмы формулируется как «особенно яркий пример или модель, служащая эталоном мышления...» [24].

Понятие парадигмы и ее смены в естественных науках стало популярным после выхода в свет книге американского философа и историка науки Т. Куна «Структура научных революций» (1962). Ученый пишет: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [9]. Здесь Т. Кун впервые рассматривал научные революции как смену парадигм в системе знаний.

Нормальное состояние науки («нормальная наука», по выражению Куна) предполагает временное господство парадигмы, т.е. совокупности теорий, технических приемов, ценностей, проблем, метафор и т.п., которую в ту или иную эпоху разделяют представители той или иной научной дисциплины; это та «предметная матрица», которая позволяет им понимать друг друга и продвигаться вперед. «Нормальное» поле исследования, таким образом, обозначено вехами предыдущих открытий, а работающие в этом поле ученые придерживаются между собой определенного консенсуса. Они согласны друг с другом не только в признании ценности уже совершенных открытий, но и в том, что следует открывать дальше, какими методами и с какой целью.

Напротив, научная революция знаменует собой период, в которой появляется новая парадигма, опровергающая предыдущую и предлагающая решение вопросов, прежде считавшихся не имеющими решения. Некоторые вопросы отменяются, и на их место ставятся новые. Именно таков был переход от классической (ньютоновской) механики к релятивистской физике (теории Эйнштейна и его последователей). Он сопровождается не только новыми решениями, но и новыми проблемами, трудностями и процедурами. Две соперничающие парадигмы, отмечает Кун, несоизмеримы, и переход от одной к другой возможен только путем глобальной конверсии, не сводимой к чисто рациональному продвижению вперед. Поэтому судить об одной теории в терминах парадигмы, к которой она не принадлежит, нельзя. Это, разумеется, не отменяет прогресса, но предостерегает против его понимания как линейного и непрерывно-

го процесса. Интересно рассмотреть процесс смены парадигм в управлении.

В общественных науках, которые должны давать, в конечном счете, рекомендации по совершенствованию системы управления обществом, и в менеджменте понятие «парадигмы менеджмента», как уже отмечалось, еще не стало общепринятым. Тем не менее, опираясь на понимание парадигмы в других областях науки, под ней можно принимать *одну доминирующую или несколько фундаментальных теорий, пользующихся всеобщим признанием в данной экономической ситуации в течение какого-то времени и направляющих развитие общества в целом или в рамках отдельной страны*. Под парадигмой, следовательно, понимается широкий спектр законов и правил, применяемых в данном обществе в определенный период. При этом следует предполагать, что эти периоды определяются более или менее стабильными законами, отражающими успешное управление. История дает множество примеров изменений парадигм путем революционных преобразований, дворцовых переворотов (малых революций), рабовладельческих и крестьянских восстаний (даже неуспешных, «расшатывающих согласно общепринятой терминологии существующий строй»), которые по существу выступают предпосылками для смены парадигм управления в данном обществе. Причина в том, что в конце каждого такого периода нарастает число неверных решений в рамках сложившейся и постепенно устаревающей парадигмы менеджмента, что приводит к снижению эффективности управления экономикой, обществом и отдельными предприятиями и даже к явным потерям в обществе. В то же время предполагается, что развитие производительных сил данного общества – процесс постоянный, опирающийся на совершенствование производительных сил, техники, технологии, развитие науки и образования и другие факторы. Иначе говоря, развитие производительных сил общества – процесс перехода от одного качественного состояния в другое, более эффективное, объективный и независимый от сложившейся парадигмы менеджмента. Попытки изменения парадигмы в условиях централизованно управляемой системы (а государство – это всегда централизованно управляемая система) осуществляются с момента осмысления устаревания парадигмы и на основе осознания потенциальных или реальных потерь общества от использования существующей (устаревшей) парадигмы

управления. Процесс перехода к новой парадигме всегда происходит в условиях сопротивления старой. В истории можно наблюдать одновременное существование старых и новых идей, т.е. борьба консерваторов и «новаторов» – революционеров. Острота борьбы бывает разной – от научных дискуссий до угрозы жизни авторам новой парадигмы. Поэтому «новые» идеи часто «подталкиваются» фактическими бунтами общества, или заимствуются из истории других стран как образец, или вообще маскируются под сложившимися терминами старой парадигмы. С другой стороны, реально новые революционные идеи совершенствования парадигмы под страхом наказания «за отступление от идей (или веры)» могут долгое время скрываться или защищать себя. Другой вариант латентного существования новых идей – под привычными формулировками удобными власти предрежащих. Это политическая мимикрия, когда иносказательно зреет новое в общественной теории. Но такое откладывание решения проблем сопровождается процессом накопления проблем, которые в будущем потребует еще больших затрат (жертв) по их разрешению. В отличие от естественных наук, где появление новых знаний более или менее равномерное, в общественной жизни именно скрытое формирование новой парадигмы управления системой считается нормальным явлением. В общественных науках, если «верхи», находящиеся в системе управления, «не видят нарастания проблем в условиях существующей парадигмы управления», то для них, разумеется, выплеск накопленных новых идей в форме кардинальных проявлений является неожиданностью. Отсюда революционная ситуация становится для них смертельно опасной.

Возникновению новых теорий, которые в будущем составят новую парадигму менеджмента, как правило, предшествует период обострения неуверенности в работе действующей системы управления. Эта проблема становится острее, когда люди, принимающие решения, сознательно отбрасывают непонятые факты и процессы, не укладывающиеся в правила существующей парадигмы. Все это порождает кризис в управлении. Новая теория предстает как непосредственная реакция на кризис, требующий качественно новых подходов к управлению. Как в науке, так и в производстве смена оборудования, технологии, инструментов – крайняя мера для этих производственных систем, другими словами, когда осознается

величина потерь от продолжения существования старой парадигмы. Роль кризисов как фактора смены большинства существующих технологий и инструментов достаточно полно описана в экономической литературе.

Любой кризис в экономике сопровождается разрастающимся сомнением в парадигме и последующим расшатыванием правил нормального управления. Формируется идеальный образ новой парадигмы управления (веры в единого бога, нового царя-спасителя, справедливость, благосостояние, централизацию-децентрализацию управления и т.п.). Экономический кризис сначала порождает новые идеи, сопровождается борьбой идей (старых и новых, новых и новых). Вследствие этого возможны следующие выходы из теоретического тупика:

Иногда «нормальная» парадигма доказывает свою способность разрешить проблему, порождающую кризис, и продолжает быть доминирующей (несмотря на новые необъясненные факты окружающей среды, при этом они могут быть даже объявленными «ересью», засекречены, т.е. происходит нейтрализация «неудобных» знаний любыми способами).

Паллиативное решение проблемы – большинство ЛПР и лиц, находящихся у власти, понимают, что при сложившемся положении вещей решения проблемы не предвидится. Решение проблемы откладывается в надежде на ее решение с помощью более совершенных идей в старой парадигме.

Формирование и победа новой парадигмы, а также последующая борьба за ее принятие и внедрение в систему управления всегда сложны. Борьба нового со старым может быть долгой и противоречивой, так как у руля экономики стоят генералы, которые готовятся к прошедшей войне. Два шага вперед и шаг назад – это норма победы новой парадигмы. Практическая реализация текущих решений вследствие этого всегда отличается от идеального образа и в истории часто сопровождается смертельной борьбой. Иногда новое побеждает только отстранением (физическим) носителей старой парадигмы. Справедливо и то, что носители новой парадигмы тоже бывают жертвами верующих в старую парадигму. Можно вспомнить трагические истории о Дж. Бруно и выжившем в борьбе научных парадигм Н. Копернике.

В конечном итоге процесс развития парадигм всегда приводит к третьему пункту процесса. Это, конечно, сильно упрощённый механизм смены парадигм управления. В реальности в конкретных исторических условиях он сопровождается разнообразными колебаниями «вперед, назад и вбок». То одна идеология побеждает, то другая. В предисловии к французскому изданию «Капитала» К. Маркс образно отметил сложность формирования новых парадигм в общественной науке: «В науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам» [12].

В современное время появились так называемые «цветные революции», цель которых мягко нарушить доверие к руководителям. Особенно когда они вследствие ложно понимаемого либерализма сами отдают (прекращают) функции руководства. Отсутствие управления порождает кризис. Если создаются предпосылки нарушения доверия, то действительно происходит революция в виде «отворачивания масс от руководства», поскольку оно не в состоянии обеспечить веру в высшие для общества цели.

Пример с первым президентом М.С. Горбачевым. Возможно, действительно, «короля делают подчиненные». И если нет общей цели, нет доверия к руководителю, нет реальной функции руководителя, следовательно, нет и самого руководителя. Когда все отворачиваются, то нет и потребителя главной функции руководителя – вследствие утраты доверия к нему. Достаточно прервать его каналы прохождения информации к исполнителям. Такая мягкая революция не требует смещения руководителя, он «сам» уходит. Здесь в качестве инструмента привлекаются пропаганда, недоверие, шумы, ложные цели и прямая информационная диверсия. Все может быть использовано для расстройств нормального прохождения информации до исполнителей. Так разрушается процесс управления, происходит мягкая революция, без крови.

Надо признать, что в управлении обществом, рассматриваемом в исторически длительных периодах времени, эти процессы носят колебательный характер. И волны здесь не на поверхности (аналог поперечных волн), а внутри системы (аналог продольных волн в системе). Победа новой парадигмы – всегда временное явление. И в основных формах рассмотренный цикл всегда повторяется. Таким образом, процесс формирования новой парадигмы управления, при-

водящей к революции, можно рассматривать следующим образом. Начинается все с одного человека или малой группы людей, осознающих губительность существующего строя, – основатели нового политического течения, партии. Это те, кто первыми начинают видеть мир по-другому, так как они сосредотачиваются на проблемах, объективно порождающих кризис. Как правило, это ученые, или молодые политики, или вообще новички в данной области знаний, охваченной кризисом. Научный характер новой парадигмы, как правило, в этот период не разделяется большинством других мыслителей, освещающих общественные процессы. Их способность осуществить переход к новому видению определяется конкретными обстоятельствами, которые сосредотачивают их видение. Так, в качестве примера можно рассмотреть становление новой парадигмы перехода от капитализма к социализму в обществе согласно теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Конкретизация этой парадигмы в России была сделана В.И. Лениным. В этом случае можно привести пример концепции «о победе социализма в одной стране». Если рассмотреть переживаемый нами «процесс перехода России от социализма к капитализму», то можно отметить следующую особенность: никто еще не говорил, что это происходит на научной основе или на непротиворечивой системе знаний. Действующая сегодня парадигма управления в России построена не на теоретическом или даже философском осмыслении происходящего, а на простом сопоставлении фактических недостатков развития страны. Накопленные недостатки в управлении страной группой лиц (Е. Гайдар, А. Чубайс и др.) в философском понимании общественных процессов привели к так называемой перестройке и перевороту 90-х гг. Многие указывают на то, что личные интересы обогащения лиц, принимающих решение в этом перевороте, были доминирующими. Этот процесс невозможно назвать революцией, так как не было и нет теоретического осмысления общественных процессов, а главное – результаты управления по «новой парадигме» привели еще к более глубокому кризису в экономике, чем это было до того. В этом процессе нельзя забывать и об их личных интересах, которые этими группами политических деятелей были вполне реализованы. В данном смысле переворот был успешным.

Такая упрощенная модель смены парадигмы управления, конечно, не охватывает всех сложностей реальных политических про-

цессов и проявлений правящих партий. Возможно, действующая власть и прикормленная оппозиция олицетворяют собой старую парадигму (если рассматривать этот процесс более широко с «революционных позиций», более чем за столетний период). Оппозиция – это как отголосок, носитель предыдущей парадигмы. А новая парадигма появится на свет как третья революционная сила, как альтернатива существующей власти, как носитель новой парадигмы, обеспечивающий хотя бы на модельном уровне концепцию повышения эффективности производства. Таким образом, в любой взятый абстрактно момент времени в системе управления можно наблюдать три группы носителей парадигм: носителей победившей парадигмы управления, носителей старой парадигмы – оппоненты всех мастей, а также слой «революционеров», формирующих новую парадигму управления. Отсюда следует, что появление этой новой революционной теории и в последующем третьей политической силы будет наиболее интересно с научной точки зрения.

Распространение новой парадигмы, кроме существования объективных противоборств со стороны носителей существующей парадигмы, объективно затруднено сложностью предмета теории. Это предполагает скрытое накопление «критической массы» новых знаний, которая порождает новую революцию. Если научные революции в естественных науках начинаются с возрастания осознания научным сообществом, что существующая парадигма знания перестала адекватно отражать сущность исследуемой природы, и с ограниченного круга людей научного сообщества, которые активно меняют систему взглядов на существующую систему знаний, что происходит более или менее безболезненно (за исключением личных амбиций ученых, которых низвергают с «научного Олимпа»). Политические революции (как общественные перевороты на основе научных знаний, формирующих новую парадигму менеджмента) начинаются с роста осознания, что существующие институты в рамках действующей парадигмы перестали адекватно реагировать на проблемы, возникающие в производстве. Часто они зарождаются в рамках неких тайных сообществ, поскольку эти идеи направлены на изменение политических институтов незаконными с позиций действующей парадигмы способами. В условиях доминирования какой-либо парадигмы (а без этого невозможно управление обществом) эти проблемы часто порождаются этой устаревающей пара-

дигмой. Массовое осознание нарушения функций управления, которые осуществляет управляющая система, составляет предпосылку революции.

Революция в отличие от бунта предполагает осознание обществом реальных причин ухудшения дел и выработку программ изменения системы менеджмента к лучшему. Поэтому успех революций вынуждает частично отказаться от ряда институтов в пользу других. Общество разделяется на враждующие лагеря или партии; одна партия пытается отстоять старые социальные институты, другая – установить некоторые новые. Когда такая поляризация произошла, политический выход из создавшегося положения оказывается невозможным. Подобно выбору между конкурирующими политическими институтами, выбор между конкурирующими парадигмами оказывается выбором между несовместимыми моделями жизни общества. Когда парадигмы, как это и должно быть, попадают в русло споров о выборе парадигмы, вопрос об их значении по необходимости попадает в замкнутый круг: каждая группа использует свою собственную парадигму для аргументации в защиту этой же парадигмы. В рамках одной парадигмы невозможно найти аргументацию в пользу другой. Результат – почти всегда силовое решение проблемы смены парадигмы.

Если в рамках новой парадигмы управления решения принимаются на основе объективных процессов, то в результате объективного изменения управляемой среды происходит нарастание проблем принимаемых на основе догматически понимаемых правил устаревающей парадигмы. Если эта стабильность в парадигме существует, то элита перестает работать. И любая система управления, которая перестает выполнять свою функцию, начинает деградировать. Потому что если есть функции управления системой, то нужно привлекать достойных, чтобы эту функцию реализовывать. Когда нет функции, привлекают не достойных, а наиболее удобных. Иногда в элиту принимают «новую кровь» для обновления системы мышления (см. Комедию русского драматурга А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты»).

Следовательно, причины неверно принимаемых решений в рамках действующих парадигм могут быть разными: от неспособности понимания нарастающих проблем лицами, принимающих решения (ЛПР, «элитой»), от неполной информированности ЛПР о

протекающих процессах в экономике и обществе; неверных с позиции национальных интересов стратегических целей; чрезмерной централизации и бюрократизма в системе управления; принятия «неверных» решений в пользу других стран (по существу предательство «элит»); слабого или попустительского управления. Можно привести примеры последних лет управления страной царем Николаем II, генсеком Л.И. Брежневым и, конечно, президентом СССР М.С. Горбачевым. Вообще периоды «отсутствия управления», когда реализуется принцип «laissez-faire» (с фр. – «позволить делать»), для России исторически довольно частое явление. Если для европейских стран подобное теоретически мало применимо, то в СССР и в современной России эта идея приобрела распространение символа веры в «новой науке рыночной экономики», что привело к новой революционной ситуации. После политического переворота в управлении РФ доминирует новая парадигма управления на основе идеи монетаристской экономики. Практика ее реализации привела к снижению эффективности производства и потери конкурентоспособности промышленности по сравнению даже с ближайшими соседями.

Как уже говорилось, В.И. Ленин вывел формулу революционной ситуации в обществе: когда «верхи не могут управлять по-старому, а низы не хотят жить по-старому...». При этом возможны и случайные проявления революционных ситуаций в результате явных ошибок действующего руководства. Например, В.И. Ленин предполагал наступление революционной ситуации только за пределами его жизни. Но случай вступления России в Первую мировую войну и последующие малоэффективные процессы управления руководства царской России резко ускорили приход революционной ситуации. Октябрьская революция состоялась в неподготовленной парадигме нового строя. Вообще пример становления и распада СССР в рассматриваемом более чем столетний период подтверждает правоту К. Маркса. Все происходившие революции-перевороты, от которых в историческом аспекте никуда не деться, укладываются в рамки открытого К. Марксом исторического пути через революции. При этом он показал, что каждый новый общественный строй побеждает тем, что должен быть более эффективным по сравнению с предыдущим в отношении к основной массе данного общества. Ему вторил В.И. Ленин: «Производительность труда, это в послед-

нем счете самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [10]. Экономика СССР в конце его существования вследствие разных причин, рассмотренных в последующих главах, перестала повышать главный показатель эффективности страны – производительность труда, вследствие чего уровень благосостояния населения уменьшался, что в конечном итоге привело к его отставанию в экономическом и социальном развитии и к его разрушению. Возможно, что этот процесс привода к кризису осуществлен сознательно.

Современный «истеблишмент», менеджмент, руководство Российской Федерации не знают, видимо, экономической истории и пока не предпринимают видимых и реальных усилий по повышению эффективности экономики, что неминуемо приведет к некоей новой революционной ситуации в классическом понимании этого слова. Правда, после избрания на новый срок в майском указе Президент В. Путин указывал на необходимость «прорывного развития экономики» страны. Однако предпосылок для этого пока не выявлено.

В этой книге представлена попытка подойти с «технической стороны» к менеджменту как к инструменту управления независимо от сущности поставленных целей и выявить ошибки в управлении.

Это вообще приближает нас к понятию смены парадигмы управления обществом революционным способом. Экономика, понимаемая как процесс совокупного производства, распределения и обмена продуктами, функционирует на протяжении всего периода существования человеческого общества. А вот как изменяется понимание, как управлять и что делать, это процесс искусства управления и развития науки управления (менеджмента). «Малые революции» в науке были и будут возникать всегда. И это можно рассматривать в качестве нормального процесса смены парадигм управления в «длительном периоде времени».

А. Файоль отмечал: «Чтобы удержать единство и правильность функционирования, руководитель должен устранить или предложить устранение всякого функционера, ставшего по каким-либо причинам неспособным выполнять возложенные на него задачи. Это требование долга, всегда сложное, часто тягостное. Эта обязанность взывает к высшим нравственным качествам начальника и, в

частности, к известному гражданскому мужеству, которое подчас труднее осуществлять, чем военную храбрость» [30].

Революция как изменение снизу в этом смысле морально легче. Снимать старые управленческие кадры легко – они «не свои». После революции на их место в системе управления становятся «свои – революционеры». И если в дальнейшем эти «буйные революционеры» в новых «нереволюционных условиях» не в состоянии войти в новую систему управления, они либо мягко, естественно уходят на второй и третий планы системы управления, либо их «нейтрализуют, включая в бессмысленные почетные комитеты», либо убирают каким-либо способом. «Революции пожирают своих детей».

Рассматривая общественные процессы управления государством, очевидно, парадигма менеджмента изначально формулируется в центральных государственных актах (конституциях), определяющих основные положения системы управления. Эти «революционные» изменения в последующем преобразуют по иерархии и другие документы – кодексы, инструкции, положения и т.п. В этом процессе наблюдается некая корреляция появления таких документов и смены лидеров. На примере России прослеживается историческая повторяемость формирования новых парадигм менеджмента, начиная с Кондичий, предьявленных в 1730 г. Анне Иоанновне. Длительность «конституционного цикла» в России варьирует в диапазоне от 13 до 26 лет. При этом средняя продолжительность цикла повторяемой конституционной активности с *середины XVIII в.* составляет 19 лет. Опираясь на эту цифру можно не удивляться будущему появлению новой конституции.

Таблица 1

Конституционные циклы в истории России

Название конституционных документов в России (СССР)	Год	Период от предыдущего документа, лет
Кондичии Анне Иоанновне	1730	-
Елизаветинская уложенная комиссия	1754	24
Екатерининская уложенная комиссия	1767	13
Жалованная грамота	1785	18

Окончание табл. 1

Название конституционных документов в России (СССР)	Год	Период от предыдущего документа, лет
Конституционные проекты Негласного комитета	1801	16
Конституция царства Польского	1815	14
Издание Полного собрания законов Российской империи	1830	15
Конституционные проекты при вступлении на престол Александра II	1856	26
Конституционный проект М. Лорис-Меликова	1881	25
Манифест 17 Октября	1905	24
Конституция РСФСР (Ленинская)	1918	13
Конституция СССР	1924	6
Конституция СССР (Сталинская)	1936	12
Конституционный проект Н.С. Хрущева	1962	26
Конституция СССР (Брежневская)	1977	15
Конституция РФ (Ельцинская)	1993	24
Новая конституция	???	>25?

Примечание: сост. по [18].

Интересно отметить, что Сталинская конституция просуществовала рекордный срок в России – 41 год. Смена конституции – это главный фактор формирования новой парадигмы менеджмента в данной стране. Ожидание появления новой парадигмы менеджмента опирается на осознание того, что Российская экономика находится в перманентной рецессии. Другими словами, практически не восстановилась после кризиса 1991 г.

Главный результат производства для нации состоит в обеспечении процесса жизнеобеспечения, рассматриваемого в широком

смысле этого слова от сохранения самой жизни населения, сохранения условий существования нации, рост потребления – главная цель производства. Другими словами уровень жизни зависит от эффективности экономики и конкретнее от роста производительности труда.

В этом смысле любое общество является обществом потребления. Так как любое производство создается ради потребления продукции. В этом случае принято рассматривать этапы развития России с позиции уровня жизни общества, т.е. того, как происходил процесс улучшения жизни нации («россиян»).

В развитие главной гипотезы данной работы можно сказать, что любая парадигма управления самая современная и эффективная на какой-то период времени и будет таковой. Тем не менее, если она не будет изменяться в соответствии с развитием производительных сил, то начнет не только отставать от развития управляемой системы, но и тормозить ее. Все наблюдаемые кризисы и цикличность экономики в целом и российской в частности определяются недостатками в парадигме управления обществом. Историческое развитие общества обусловлено сложившимися производственными отношениями и их динамикой. В последнее время это связывают с изменениями в парадигме менеджмента.

Процесс смены парадигм в естественных и технических науках может происходить постепенно по мере накопления научных фактов, а также в виде мелких «научных революций». Он включает такие длительные процедуры, как появление новых идей и знаний у одного ученого, опубликование в одной статье, расширение этих знаний в научном обществе, проверка на практике в одной–двух лабораториях или вариантах техники, издание монографий, а на основании их – новых учебников, по которым научатся новые поколения студентов, которых впоследствии становятся у руля формирования новых парадигм. Каждый из этих этапов, по сути, миниреволюция в отдельной области знаний.

Именно эту совокупность обычно передают студентам, благодаря чему они получают возможность приобщиться к современному им научному знанию, найти в науке свое место и плодотворно работать в ней. Нормальное состояние науки («нормальная наука», по выражению Куна) подразумевает господство парадигмы. Поле исследования, таким образом, обозначено вехами предыдущих откры-

тий, а работающие в этом поле ученые придерживаются между собой определенного консенсуса.

Напротив, как уже было сказано, научная революция знаменует собой период, в которой появляется новая парадигма, опровергающая предыдущую в коренных позициях и предлагающая решение вопросов, прежде считавшихся не имеющими решения.

Идеальное представление о становлении парадигмы в «чистой науке» выглядит примерно так: новая концепция публикуется в отдельной статье или малоизвестном издательстве, затем она завоевывает признание в узком кругу ученых. Далее в виде монографии или другого крупного труда публикуется большим тиражом (например, «Богатство народов» А. Смита), где уже научная общественность признает ее право на существование. Затем она попадает в учебники и становится реальной парадигмой, на основе которой некоторое время более или менее равномерно осуществляется развитие науки. Затем процесс повторяется вновь. Многие теории на этом пути не «пробивают» себе дорогу, что в целом не останавливает развитие науки.

В экономической науке, особенно в менеджменте, процесс становления новой парадигмы существенно другой. Он сопровождается борьбой реальных интересов, формируемых собственностью на средства производства. Управление в экономике всегда происходит в рамках какой-либо собственности. При этом если в естественных науках можно «отложить» некоторые концепции до появления новых фактов и теорий, то в экономике, менеджменте наука должна давать ответы одновременно на фоне протекающих процессов, которыми надо управлять «сейчас». При этом ошибки в управлении неизбежны вследствие этого одновременного участия ЛПП и управляемого им процесса.

Сейчас существует множество концепций причин и классификаций экономических кризисов. Но, несмотря на разнообразие подходов, в основе кризиса всегда лежит кризис перепроизводства продукции. Вследствие этого возникают лежащие на поверхности кризисы нехватки оборотных средств, финансовые, банковские, военные и др.

Отечественный классик Н.Д. Кондратьев открыл большие 50-летние циклы и причиной этого процесса рассматривал коренное обновление технологии хозяйства. Мы «привязываемся» к послед-

нему полуциклу – «понижательной волне», после кризиса 1880-х, точнее к 1890 г., после которого предполагалась повышательная волна. К этому мы прикладываем гипотезу о 25-летнем цикле смены парадигм управления страной.

Период с 1890 по 1915 г. содержит множество событий, повлиявших на развитие России. Это период ускоренного подъема экономики, который сопровождался усилившимся процессом сращивания банковского и промышленного капитала. Приток иностранных капиталов при достаточно сильном контроле государственного управления в российскую экономику направлялся в промышленность, главным образом в тяжелую, в отраслях которой зарубежные инвестиции достигали 3/5 всей суммы капиталовложений, в банковское дело и т.п. Развитие промышленности, строительство железных дорог, столыпинская реформа в сельском хозяйстве и другие меры привели к тому, что 1913 год в последующем был для российского (и советского) менеджмента образцовым. Относительно этого года составлялись показатели развития России в последующие 50 лет и далее. Главная ошибка в управлении государством в конце рассматриваемого периода (1914 год) – вступление России в Первую мировую войну.

Период 1915–1940 гг. – начало кризиса с последующим падением экономики и резким снижением уровня жизни населения. Великая Октябрьская революция 1917 г., гражданская война, интервенция иностранных государств, восстановление народного хозяйства характеризуются централизацией управления всей экономики. Хотя это было свойственно и экономике царской России, где государственным структурам принадлежало около 80% промышленного производства. Далее началась эпоха ускоренной индустриализации на основе централизованного управления, которая практически вывела страну на передовой по тем временам уровень промышленного развития. План Государственной электрификации России (ГОЭЛРО), развитие черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, удобрений, коллективизация. Произошло превращение страны из аграрной в индустриальную, делался упор на обеспечение ее экономической независимости и укрепление обороноспособности, что создало материальную базу победы над фашистской Германией. В целом период характеризуется жесткой централизацией управления экономикой.

Период 1941–1965 гг. – кризис начался с момента интервенции фашистской Германии, которая к концу 1941 года заняла территорию, на которой до войны проживало около 40% населения Советского Союза, сосредоточивалось 47% посевных площадей, производилось более 30% всей промышленной продукции, свыше 40% электроэнергии, добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна и 58% стали, производилось 84% сахара. Встал вопрос о выживаемости государства, а, следовательно, ужесточилась централизация управления всеми отраслями и производствами. Первые полгода войны были самыми трудными для советской экономики. Промышленное производство сократилось более чем в два раза, прокат черных металлов – в три раза, цветных металлов – в 430 раз, производство шарикоподшипников – в 21 раз и т.д. Резко сократилось производство самолетов, танков, боеприпасов, поскольку в это время основные мощности по их производству перебрасывались на восток страны. Эвакуация промышленных мощностей, воссоздание практически второй индустрии на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане. Было перемещено 2593 предприятия.

В дальнейшем после окончания войны требовалось скорейшее восстановление народного хозяйства. Необходимо было накормить население, переселить из бараков и т.д. Только в результате реформы 1957 г., с образованием совнархозов – региональных экономических правительств – была преодолена чрезмерная централизация управления. И это в условиях «холодной войны» и возрастающего напряжения в последующие десятилетия. Конфронтация между враждующими блоками характеризовалась борьбой на экономическое истощение стран.

14 октября 1964 года руководитель страны Н.С. Хрущев был смещен «по состоянию здоровья».

Период 1966–1990 гг. – начало нового кризиса вследствие слабой эффективности экономики и истощения ее в «холодной войне». Советский Союз проиграл «холодную войну» экономически. Вследствие этого в очередной раз существенно снизился уровень жизни населения. Денежные реформы и другие меры, предпринятые правительством, не приводили к росту экономики. Это усугублялось чехардой со сменой стареющих первых лиц в управлении страной. Отсутствие долгосрочной стратегии, нарастание бюрократизма в управлении, планирование «от достигнутого» привели к тому, что

ресурсы экстенсивного роста экономики истощились и темпы производительности труда стали приближаться к нулю. За бодрыми «победными» реляциями и звонкими названиями пятилеток («эффективности», «качества» и др.) неблагоприятное положение с производительностью «задвигалось» в самые «глухие углы» торжественных докладов.

Попытка изменить ситуацию под названием «Горбачевская перестройка» в период 1985–1987 гг. успеха не имела. Появилась концепция перехода к «регулируемой рыночной экономике», которая превратилась в новую парадигму управления.

Период 1991–2015 гг. На базе теоретических рассуждений, пришедших из-за рубежа, произошла идеологическая революция «сверху», в основе которой лежат идеи монетарных методов управления экономикой. В результате развалился Советский Союз.

В конце 1991 г. правительство, возглавляемое Е.Т. Гайдаром, разработало программу радикальных реформ в области народного хозяйства. Предлагавшиеся программой меры «шоковой терапии» были нацелены на быстрый перевод экономики на рыночные методы хозяйствования.

Важное место в программе реформирования экономики занимала либерализация цен – освобождение их из-под контроля государства. Переход на свободные (рыночные) цены и тарифы был начат с января 1992 г. За государством сохранилось регулирование цен лишь на некоторые товары и продукцию производственно-технического назначения. Либерализация цен вызвала резкий скачок инфляции. За год потребительские цены в стране выросли почти в 26 раз. Снижился уровень жизни населения: в 1994 г. он составил 50% от уровня 1990 г. Обесценились денежные сбережения граждан, хранившиеся в Госбанке, были прекращены их выплаты.

Основная идея руководства страны в тот период – тотальный переход к рынку. При этом главная роль в процессе перехода к рынку отводилась приватизации («разгосударствлению») собственности. Ее результатом должно было стать превращение частного сектора в преобладающий сектор экономики. Приватизация госсобственности охватила, прежде всего, предприятия розничной торговли, общественного питания и службы быта. В результате политики приватизации в руки частных предпринимателей перешли 110 тыс. промышленных предприятий. Грабительская, по выражению жур-

нала «Economist», ваучерная приватизация 1992–1994 гг. и последующие приватизационные акты привели к потере государственным сектором ведущей роли в экономике. Сейчас в собственности государства находится всего около 15% всех активов. Для сравнения: в Германии – 40–45%, в США – около 30%. Таким образом, Россия по показателю приватизации стала впереди планеты всей, что, в общем, так и не привело к передовым позициям. Россия превратилась практически в сырьевой придаток развитых стран, к которым можно сейчас отнести и Китай.

За 25 лет после реформ Россия так и не догнала уровень развития экономики бывшей РСФСР в составе СССР. Попытки увеличить ВВП в 2,2 раза определялись именно этой целью. Россия не вышла из кризиса 1990-х. Экономика перманентно существует на уровне 60–70% по сравнению с 1990 г. Согласно отчетам руководства страны темпы роста экономики составляли в 2017 г. 2%. При этом к передовым отраслям можно отнести только 19% производств. То же самое можно сказать и о темпах развития Приморского края. Тем, кто умеет считать, эти данные показывают, что при темпах инфляции порядка 4% реальное падение производства составляет 2%. Фактически экономика России сейчас находится на пороге нового цикла.

Таким образом, предлагаются меры затратные, а результатов не предвидится. Решений по усилению государственного вмешательства в экономику также не предвидится по причине безудержной веры в рыночную экономику. Несмотря на то, что если что-то и получается в экономике России, то только с помощью участия государства. Разработчикам программы неплохо бы открыть глаза и посмотреть вокруг. Нужно освободиться от мантры, что у нас новая экономическая реальность и что эволюционным путем все разрешится. Сказкам про то, что научно-технический прогресс в рыночной экономике был начат в гаражах, а крупные бизнесы развиваются только за счет предпринимательской активности, верят только наивные. Всегда в условиях кризиса любая производственная система выходит за пределы своей компетентности и обращается с просьбой о помощи к вышестоящей системе. В системном кризисе, как у нас, – это государство. И помощь может оказываться как финансовым, так и административным методом. В зависимости от

глубины кризиса диапазон может достигать предельных значений до непосредственно прямого управления.

Западные экономисты 30-х годов практически отождествляли экономику СССР и Германии. Несмотря на то, что в первом случае была максимальная национализация средств производства, а во втором нет. Напомним, что в гитлеровской Германии, находившейся в глубоком кризисе после Первой мировой войны, управление, по существу, шло через экономических комиссаров, которые были направлены государством на все крупные частные предприятия и управляли ими по единому плану до выхода из кризиса. Опыт управления СССР мог бы сейчас пригодиться и для нынешнего руководства. Сейчас следовало бы обратиться к усилению местного самоуправления и мягко обойтись организацией системы управления, аналогичной Хрущевским совнархозам в 50-е гг. XX столетия с использованием функций, адаптированных современным реалиям.

Можно напомнить, что «развитие» – это необратимое изменение системы к новому качественному состоянию. В экономике это означает переход к более эффективному состоянию по сравнению с исходным. Если этого нет, то ни о каком стратегическом развитии речи быть не может. И стратегия должна применять меры, которые эти качественные изменения предполагает и видит как средства достижения целей. Сейчас все более или вновь назревает вопрос об институциональном изменении системы управления экономики государства. Что поделаешь – цикличность рыночной экономики – это переход от одного кризиса к другому.

Управление экономикой всегда осуществляется в рамках какой-либо системы. Реальная власть – власть экономическая. То, что в рамках собственности правительства осталось малая часть от бывшего национального производства, требуется ряд мер мобилизационного характера – власть употребить. Варианты «ручного управления» будут эффективны по многим производствам. Вплоть до национализации ключевых отраслей. Надо ввести прогрессивную шкалу налогов на доходы. Надо уничтожить коррупцию в распределении госзаказов (экспертная оценка – снижение затрат до 20–30%). Важно реально бороться со всеми видами преступности, все преступники – непроизводительные потребители созданных благ. Чем сильнее государство в этом отношении, тем меньше совокупных затрат – издержек. Это все идеи. Их реализация зависит от глу-

бины кризисного процесса и, главное, глубины понимания, как следует управлять экономическими системами, под которыми понимаются домохозяйство, бизнес, регион, страна.

Сейчас в Правительстве России ключевые посты занимают глубоко верующие в рыночную экономику люди. Согласно доминирующей теории они сейчас фактически сидят и ждут, когда наступит конец кризиса и проявится благодать послекризисного роста. Когда наступает кризис, нормальные люди, принимающие решения (менеджеры), обычно начинают с удвоенной энергией искать пути выхода из него. Но в нашем случае все спокойно. Правда, когда в военной и политической сфере произошли опасные для страны явления, то эти отрасли существенно улучшились с точки зрения управления. Если вернемся к экономике, то, видимо, по мнению правительства, в целом «все нормально». Раз ошибок нет, значит, нет необходимости что-то менять. «Работы над ошибками» делать не обязательно.

К сожалению, известно, что эффективная экономика приводит к понижению цен на конечную продукцию. Когда цены на товары падают (снижаются), то, понятно, конечному потребителю становится хорошо. Если бы вслед за нефтью у нас в стране бензин подешевел, то издержки производства рухнули бы сами собой. И жизнь бы подешевела. Однако в нашей рыночной экономике пресловутая «самозатратность экономики», в результате преодоления которой был совершен переворот 90-х гг., живет и побеждает. И рыночная экономика в РФ не спасает. И приватизация на уменьшение затрат и цен не влияет, так как новые собственники, как правило, очень далеки от понимания проблем производства.

Единственное, что нового предложено правительством, так это продолжить процесс приватизации остатков государственного имущества с целью закрытия дыры в бюджете. Возникают вопросы: на какие деньги может осуществиться приватизация, если в бизнесе их съела инфляция? Если найдутся и брешь в бюджете все-таки можно закрыть, что дальше продавать, когда на следующий год снова возникнет дефицит?

Правительству придется решить дилемму: либо повышать налоги, либо налогооблагаемую базу. Иначе говоря, развивать производство. Круг замкнулся.

Дела не улучшатся до тех пор, пока руководство не начнет ощущать близкие к телу потери от плохой работы. Должна же когда-то начаться работа над ошибками. Для этого публично необходимо выявить и, главное, признать ошибки. Потом, исходя из целей высшего уровня, принять правильное решение и исправить недостатки. Опыт стран, публично признавших ошибки в управлении экономикой и даже национальный позор (Германия в XIX в., Япония в XX в.) и затем трудом и умом исправивших их, – вот пример для сегодняшней России. Необходимо признать позорность кризисного существования России в XXI веке и делать все и на всех уровнях для улучшения дел.

Во время кризиса традиционно возникает русский вопрос: кто виноват? Опираясь на понимание парадигмы менеджмента, следует вывод, что в кризисе всегда виноват лидер или тот, кто принимает решения в рамках данной экономической системы. Ответственность падает всегда на первое лицо либо на партию власти при коллективном управлении, что редко бывает в истории. Партийные лидеры должны нести ответственность за ошибки в управлении. При этом сравнение должно происходить по одинаковым объектам. Сталин победил Гитлера. Но СССР победил фашистскую Германию. И победители как лидеры тоже персонифицируются, начиная от лидеров. Битву при Ватерлоо проиграл Наполеон, а не его армия. Войну 1812 года выиграл Кутузов. В том, что Титаник утонул, виноват капитан, а не команда. Кто виноват в стагнации экономики России?

Глава 2. ПЕРИОД 1891–1915 гг.

Важнейшие первые лица государства рассматриваемого периода:

Романов Николай Александрович – Российский император (1894–1917)
(Николай II)

Председатели Кабинета министров Российской империи:

Дурново Иван Николаевич (1895–1903)

Витте Сергей Юльевич (1903–1905)

Председатели Совета Министров России:

Витте Сергей Юльевич (1905–1906)

Горемыкин Иван Логинович (1906 г.)

Столыпин Петр Аркадьевич (1906–1911)

Кокорцев Владимир Николаевич (1911–1914)

Горемыкин Иван Логинович (1914–1916)

Основные ошибки в управлении, приведшие к кризису: рассматриваемый период развития экономики характеризуется достижением пика царской экономики в 1913 г. и заканчивается трагическими для страны ошибками в управлении страной: вступлением России в Первую мировую войну, отречением царя от власти и последующими кризисными для политики и экономики процессами. Неудачная Русско-японская война породила сначала революцию 1905 года (безуспешную), Февральскую буржуазную революцию (безуспешную), затем Великую Октябрьскую революцию (социалистического характера). Последующая гражданская война и иностранная интервенция практически полностью истощили экономический потенциал, накопленный к началу периода. Эти процессы резко сократили производство. Вступление в войну привело к существенному спаду производства в несколько раз.

Основные результаты периода: начало периода характеризуется падением экономики и резким снижением уровня жизни населения; восстановление народного хозяйства – жесткой централизацией управления всей экономики, хотя это было свойственно и экономике царской России, где государственным структурам принадлежало около 80% промышленного производства. Эпоха ускоренной индустриализации на основе централизованного управления, которая практически вывела страну на передовой по тем временам уровень промышленного развития. Началось превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечение и укрепление обороноспособности.

2.1. Российская промышленность в конце XIX – начале XX в.

После отмены крепостного права в России ускоренными темпами стал развиваться капитализм. При этом уже с конца XIX в. наметились симптомы его перехода в монополистическую стадию. Однако процесс капиталистического развития России по многим существенным параметрам заметно отличался от классического, западноевропейского варианта становления буржуазных структур.

Становление российского капитализма происходило двумя направлениями. Развитие «естественным» путем снизу началось с предпринимательства крестьян и купечества. Второй путь – государственный капитализм – усиленно насаждался сверху. Его развитие носило крайне неравномерный, очаговый характер как в отраслевом, так и в территориальном плане. Различные фазы капиталистической эволюции предельно уплотнялись. Российский капитализм, начавший с конца XIX в. переходить в монополистическую стадию, не знал ярко выраженного периода свободной конкуренции. Отдельные этапы развития буржуазного строя как бы «наложились» друг на друга. Докапиталистические структуры продолжали играть значительную роль в российской экономике, поэтому она представляла собой многообразный и противоречивый комплекс хозяйственных укладов, порожденных определенным уровнем развития производительных сил. Процессы воспроизводства определялись разнообразием форм собственности и отличавшихся друг от друга целями производства, способами использования прибавочной стоимости. Господствующее положение к концу рассматриваемого периода занимал уже капиталистический уклад, выступавший в различных формах. Для российской промышленности было характерно наличие развитого государственно-капиталистического сектора – казенные железные дороги, промышленные предприятия. Наряду с этим продолжали существовать и такие уклады, как полукрепостнический, представленный помещичьим отработочным хозяйством в деревне, старой горнозаводской промышленностью Урала, мелкотоварный (крестьянское хозяйство, связанное с рынком), патриархальный (натуральный), который сохранился на

окраинах империи и частично в некоторых центральных районах страны. В разных районах одновременно существовали разные эпохи. Противоречия одной фазы общественного развития сочетались с противоречиями, порожденными последующими фазами. Сам капиталистический уклад, взаимодействуя с докапиталистическими элементами экономической структуры, не столько разрушал их, сколько консервировал, широко используя архаичные формы извлечения прибыли (торгово-ростовщическая эксплуатация населения). Все это деформировало процесс капиталистической эволюции России и делало его весьма болезненным для широких народных масс, что способствовало обострению социальных антагонизмов.

Ситуация усугублялась и становившимся к концу XIX в. все более ощутимым несоответствием унаследованной от крепостнической эпохи формы организации политической власти (в лице самодержавия) изменившимся общественно-экономическим отношениям. Кроме того, сама культурная традиция России оказывалась мало совместимой с ценностями капиталистического, индустриального общества. В традиционный уклад русской жизни, формировавшийся под влиянием Православия, никак не вписывались, например, погоня за прибылью и индивидуализм. Деловые люди как таковые не являлись в общественном сознании героями, примерами для подражания. Подобные настроения были присущи, в частности, вполне европеизированным слоям, культура которых ничуть не напоминала традиционный для европейцев менталитет стремления к выгоде. В обществе занимаемая должность, служба в системе управления государством почти всегда сопровождалась обогащением личности.

Конец XIX – начало XX в. – время ощутимых количественных и качественных перемен в российской экономике. Высокими темпами росла отечественная промышленность. Ускоренному экономическому росту в большой мере способствовала политика форсированной индустриализации страны, которая в первую очередь была связана с именем С.Ю. Витте (1849–1915) – одного из крупнейших государственных деятелей последних десятилетий существования Российской империи, занимавшего в 1892–1903 гг. пост министра финансов.

Взятый С.Ю. Витте курс на всемерное содействие промышленному развитию не был принципиально новым явлением. Он в

какой-то мере опирался на традиции еще петровской эпохи и опыт экономической политики последующих периодов. Составными частями системы С.Ю. Витте являлись таможенная защита отечественной промышленности от иностранной конкуренции (основы этой политики были заложены еще таможенным тарифом 1891 г.), широкое привлечение зарубежных капиталов в виде займов и инвестиций, накопление внутренних финансовых ресурсов с помощью казенной винной монополии и усиления косвенного налогообложения. Государство активно насаждало промышленность, оказывая содействие (административное и материальное) в возникновении новых и расширении существующих предприятий. Одной из крупнейших мер, осуществленных С.Ю. Витте в рамках реализации его системы, явилось введение в 1897 г. золотого денежного обращения. Золотое содержание рубля при этом уменьшилось на 1/3. Кредитный рубль приравнялся к 66 2/3 коп. золотом. Государственный банк, ставший эмиссионным учреждением, получил право выпускать не обеспеченные золотом кредитные билеты на сумму не более чем в 300 млн руб. Финансовая реформа способствовала стабилизации курса рубля и притоку в Россию иностранных капиталов.

Содействуя развитию российской промышленности, система С.Ю. Витте отличалась противоречивостью. Широкое государственное вмешательство в экономику, способствуя в известном отношении быстрой капиталистической эволюции России, с другой стороны, мешало естественному становлению буржуазных структур. Форсированная индустриализация осуществлялась за счет перенапряжения платежных сил населения, прежде всего крестьянства. Таможенный протекционизм оборачивался неизбежно ростом цен на промышленные товары. На положении широких народных масс отрицательно сказывалось усиление налогообложения. Важнейшим средством пополнения государственного бюджета стала винная монополия. В 1913 г. она обеспечивала 27–30% всех бюджетных поступлений. Негативно отражавшаяся на благосостоянии широких слоев населения политика форсированной индустриализации сыграла известную роль в подготовке революционного взрыва в 1905 г.

Отставка С.Ю. Витте с поста министра финансов в 1903 г. не привела к пересмотру основ политики самодержавия в области промышленности. Разумеется, достигнутый к началу XX века уровень экономического развития России, Русско-японская война и

революция 1905–1907 гг., расстроившие государственные финансы, перемены в общественно-политической жизни страны, вызванные революцией, – все это вынуждало правительство вносить известные коррективы в тот курс, который осуществлял в свое время С.Ю. Витте. Так, государство отказалось от прямого насаждения промышленности. Тем не менее, поскольку задача ускоренного развития отечественной индустрии оставалась по-прежнему актуальной, проводившаяся царским правительством промышленная политика в целом являлась продолжением системы, предложенной С.Ю. Витте.

Курс самодержавия на форсированную индустриализацию страны дал весомые результаты. Экономический подъем сменился острым промышленным кризисом, первые симптомы которого проявились в самом конце 90-х годов XIX в. Кризис продолжался до 1903 г. Прирост промышленного производства в эти годы сократился до минимума (в 1902 г. он составил лишь 0,1%), однако в силу одновременности охвата кризисом отдельных отраслей общего уменьшения объема выпускаемой продукции не наблюдалось. Первое десятилетие XX в. для отечественной промышленности было неблагоприятным временем. На ее развитие негативно повлияли русско-японская война и революция 1905–1907 гг. Тем не менее, промышленный рост не прекращался, составив за 1904–1909 гг. в среднегодовом исчислении 5%. Повышенная тенденция в экономической конъюнктуре обозначилась в конце 1909 г., а с 1910 г. страна вступила в полосу нового промышленного подъема, продолжавшегося до начала Первой мировой войны.

Концентрация и централизация производства и вызванная этим концентрация капитала закладывали в принципе базу для возникновения промышленных монополий. Правда, не всякая концентрация производства вела к их образованию. Так, московская текстильная промышленность, занимавшая по объему производства доминирующие позиции в отечественной индустрии, оказалась весьма слабо затронута процессом монополизации. Функционировавшие в этой отрасли крупные предприятия, имея перед собой огромный рынок, не испытывали затруднений со сбытом и остро не ощущали потребности в объединении. Вместе с тем в ряде отраслей тяжелой промышленности наличие небольшого числа крупных предприятий создавало благоприятные условия для возникновения монополий,

несмотря на относительно невысокий уровень развития этих отраслей. Деятельность монополистических объединений в России была запрещена законом. Первые монополистические объединения в форме картелей и синдикатов появились в России еще в 80-е годы XIX в. Важным этапом в процессе монополизации отечественной промышленности стали 1900–1910 гг. В условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры монополистические объединения (главным образом, в виде синдикатов) создавались в различных отраслях промышленности (продамета – в металлургической; продуголь – в угольной и т.п.). Особенно быстрыми темпами монополизация промышленности пошла в последние годы рассматриваемого экономического цикла, который можно определить как экономический подъем, когда укрепление позиций старых объединений сочеталось с интенсивным созданием новых. В этот период в России появляются монополии высшего типа – тресты и концерны. Впрочем, вплоть до начала Первой мировой войны среди монополистических объединений количественно по-прежнему преобладали картели и синдикаты, что свидетельствовало о сравнительно низком уровне монополистического капитализма.

2.2. Банки и промышленность. Формирование финансового капитала

В конце XIX в. важнейшим фактором развития экономики России стало формирование банковской системы. Особенно заметно возросла финансовая мощь петербургских банков, приобретших действительно всероссийское значение.

Экономический подъем 90-х годов XIX в. подтолкнул российские, прежде всего петербургские, банки к финансированию промышленности, что положило начало процессу формирования промышленно-банковских групп. Крупнейшие банки обзаводились своими сферами интересов в промышленности. В 1900 г. Петербургский Международный банк был задействован в экономике более чем 30 предприятий, а Петербургский учетный и ссудный банк – более 25. В деятельности различных промышленных обществ активно участвовали такие банки, как Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный, Петербургский. На основе совместного финансирования промышленности начали

складываться банковские группы. Большую роль в развитии в объединении банковского и промышленного капиталов сыграл экономический кризис 1900–1903 гг. В условиях крайне неблагоприятной хозяйственной конъюнктуры банки стремились порвать контакты с предприятиями, в финансировании которых они участвовали в годы подъема. Эта тенденция поддерживалась государством. Им даже приходилось поддерживать кризисные предприятия новыми кредитами. В результате в период кризиса на фоне сокращения количества связей банков с предприятиями прочность уцелевших финансовых и организационных контактов повысилась. Это можно расценивать как новую форму управления промышленностью в условиях кризиса.

Процесс слияния банков с промышленностью и формирования финансового капитала усилился в годы предвоенного экономического подъема. В 1914 г. Россия обладала высокоразвитой банковской системой, которая непосредственно была связана с крупной промышленностью. Главную роль играли Государственный банк и акционерные коммерческие банки. В 1914 г. в стране насчитывалось 53 акционерных коммерческих банка, имевших 778 филиалов, из которых 574 принадлежали 13 петербургским банкам. В годы подъема в России определились мощные банковские монополии. Пять крупнейших банков (Русско-Азиатский, Петербургский Международный, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской и Русский торгово-промышленный) к 1914 г. сосредоточили в своих руках почти половину финансовых ресурсов и активных операций всех российских акционерных коммерческих банков. Растущая монополизация банковского сектора сочеталась с быстрым увеличением числа провинциальных банков (Обществ взаимного кредита), кредитной кооперации. Активно внедряясь в 1910–1914 гг. в промышленность, банки стали той силой, которая обусловила рост монополистических объединений. Русско-Азиатский банк выступил в роли организатора мощного военно-промышленного концерна из восьми контролируемых им металлообрабатывающих предприятий с общим акционерным капиталом в 85 млн руб. Эта группа сосредоточила в своих руках все частное производство артиллерии в России, часть производства судов для Балтийского флота, значительную долю выпуска снарядов и мин. Под эгидой Международного коммерческого банка были созданы тресты: Коломна–Сормово,

монополизировавший судостроение в бассейне Волги, и Наваль Руссуд, осуществлявший сооружение кораблей для Черноморского флота. Помимо собственно промышленности влияние банков распространилось на железнодорожные и страховые общества, пароходства и т.п.

2.3. Иностраный капитал в России

Иностранные инвестиции сыграли значительную роль в экономическом развитии России конца XIX – начала XX в. К концу XIX в. в Западной Европе имелось немало свободных капиталов, искавших приложения. Низкая стоимость рабочей силы делала Россию весьма подходящим объектом для инвестиций. Более того царское правительство стремилось создать благоприятные условия для иностранных вложений в российскую экономику. Иностранные капиталы использовались для развития производительных сил (прямые капитальные вложения) и для покрытия бюджетных дефицитов (государственные займы). При этом производительные вложения реализовывались в двух формах: предпринимательской (акционерной) и в ссудной (облигационной). Капиталы импортировались в Россию в основном из Франции, Англии, Германии и Бельгии.

Под контролем царского правительства к концу XIX в. приток иностранных капиталов в российскую экономику направлялся в промышленность, главным образом в тяжелую, в отраслях которой зарубежные инвестиции достигали 3/5 всей суммы капиталовложений, а также в банковское дело и т.п. В советской исторической литературе с 30-х годов (под влиянием соответствующих оценок И.В. Сталина) утвердилось представление о превращении России в начале XX в. в полуколонию западноевропейских держав. Исследования, проводившиеся во второй половине 50-х – начале 60-х годов, показали необоснованность этого. Традиционно иностранные капиталы, направлявшиеся в колониальные и полуколониальные страны, приспосабливали туземную экономику к нуждам метрополии. В России при достаточно сильном контроле государственного управления наблюдалась совершенно иная ситуация. Предприятия, куда вкладывались зарубежные капиталы, становились органической частью россий-

ской экономики, а не филиалами заграничных монополий, как это имело место в колониях и полуколониях. Устремлявшийся в народное хозяйство России иностранный капитал был представлен различными финансовыми группировками, между которыми шла острая конкурентная борьба. Используя это обстоятельство, российский капитал при всей своей относительной слабости мог выступать в роли более или менее равноправного партнера зарубежных финансовых центров. Вообще после экономического кризиса 1900–1903 гг., нанесшего чувствительный ущерб действовавшим в России иностранным акционерным обществам, зарубежные вкладчики стали направлять свои инвестиции в российские компании, которые помогали осуществить тесное сотрудничество местной и иностранной буржуазии. В период предвоенного экономического подъема удельный вес российского капитала повысился практически во всех отраслях промышленности.

Происходил двойственный процесс. Зависимость народного хозяйства России от иностранных капиталов обнаруживала явную тенденцию к ослаблению, в то время как финансовая зависимость самого царского правительства от крупнейших держав, напротив, возрастала. В 1914 г. внешний государственный долг страны составил 5,4 млрд руб. Главным кредитором России являлась Франция, спасающая самодержавие с помощью огромного займа (843,8 млн руб.) от финансового краха во время революции 1905–1907 гг.

Необходимо отметить, что Россия также экспортировала капиталы за рубеж, прежде всего в отсталые государства Востока (Китай, Персия). Впрочем, вывозились преимущественно государственные или даже заемные капиталы. Их размещение в соответствующих странах обуславливалось не столько экономическими, сколько военно-политическими соображениями, а также стремлением застолбить на будущее внешние рынки для частного капитала. Важную роль в проведении этой линии играли созданные в 90-е годы XIX в. Учетно-ссудный банк Персии (фактически филиал Государственного банка) и Русско-китайский банк, который был основан на казенные и иностранные деньги и контролировался правительством. В целом достигнутый страной уровень экономического развития еще не позволял частному капиталу активно действовать на зарубежных рынках.

2.4. Столыпинская аграрная реформа

Центральное место в столыпинской программе занимали планы решения аграрного вопроса. Революция 1905-1907 гг. показала не состоятельность политики, проводимой по отношению к крестьянству после отмены крепостного права. В частности, надежды на общину как на гарант спокойствия деревни себя не оправдали. Напротив, лишенные в силу общинного характера землевладения понятия собственности (как в свое время говорил С.Ю. Витте) крестьяне оказались весьма восприимчивы к революционной пропаганде. В общине традиции воспитывали у крестьян привычку к коллективным действиям, вносили в их движение элементы организованности. С ликвидацией общины с ее неизбежными спутниками – чересполосицей, принудительными севооборотами и т.п. – связывались надежды на улучшение обработки земли, что должно было уменьшить потребность крестьян в дополнительных угодьях, обеспечить увеличение сельскохозяйственного производства и тем самым заложить основы для устойчивого экономического развития, роста государственных доходов.

Цель столыпинской аграрной реформы – установление буржуазных структур в сельском хозяйстве России. Накануне Первой мировой войны наблюдался существенный рост сельскохозяйственного производства. С 1901 по 1913 г. посевная площадь в 62 губерниях империи расширилась на 15,6%. Это обстоятельство, а также рост урожайности обусловили увеличение годового сбора сельскохозяйственных культур. Среднегодовой валовой сбор хлебов в 1904–1908 гг. составлял 3,8 млрд пудов, а в 1909–1913 гг. – 4,6 млрд пудов (повысился на 20%). Производительность единицы посевной площади в России по-прежнему оставалась более низкой, чем в наиболее развитых государствах. Средний урожай зерновых составлял в России 8,7 центнеров с гектара, в Австрии – 13,6, в Германии – 20,7, в Бельгии 24,2. Тем не менее, сдвиги в аграрном секторе российской экономики позитивно отразились на положении крестьянства. Годовой доход на душу сельского населения с 1900 по 1913 г. увеличился с 30 до 43 руб., при этом чистый доход (т.е. за вычетом налогов, платежей за купленную и арендованную землю и т.п.) – с 22 до 33 руб. оставался крайне низким (1 руб. 1913 г. примерно равняется 700 руб. 2017 г.). Новый курс в аграрном вопросе

как продолжение той линии, которую в свое время наметило Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, начал реализовываться еще в период революции. Правовую основу для него заложил Именной указ 9 ноября 1906 г., разрешивший свободный выход крестьян из общины и укрепление наделной земли в личную собственность. Указ позволял отвод укрепленной земли к одному месту в целях образования отрубов или хуторов (для создания хуторов даже из деревни переносились дома и хозяйственные постройки). Акт 9 ноября 1906 г. был издан в порядке 87-й статьи Основных законов, позволявшей правительству принимать меры законодательного характера (в перерывах между сессиями Думы с последующим их внесением на ее утверждение). Осенью 1906 г. I Дума была уже распущена, а ее преемница еще не собралась. Оппозиционная II Дума не стала рассматривать правительственный законопроект, подготовленный в соответствии с указом 9 ноября 1906 г. Этим занялась III Дума, одобрявшая его голосами правых и октябристов (при противодействии кадетов, трудовиков и социал-демократов). Санкционированный затем Государственным советом законопроект 14 июня 1910 г. был утвержден Николаем II и обрел силу закона. Одной из наиболее существенных поправок, внесенных в законопроект в процессе его движения по упомянутым инстанциям, являлась та, в соответствии с которой общества, не производившие переделов со времени наделения их землей, автоматически переходили к наследственному владению. Важную роль в реализации реформы сыграл и закон 29 мая 1911 г., согласно которому землеустроительные работы, направленные на ликвидацию чересполосицы, могли проводиться независимо от ее собственности. При этом сам факт устранения чересполосицы превращал общинников в собственников.

Разрушение общины дополнялось попытками правительства решить проблему крестьянского малоземелья. Существенная роль здесь отводилась Крестьянскому банку, который еще в 1895 г. получил право скупать помещичьи имения и, раздробив их на участки, перепродавать крестьянам. Наконец, были приняты энергичные меры по стимулированию переселенческого движения за Урал.

Результаты нового аграрного курса, выявившиеся к началу Первой мировой войны, были довольно противоречивы. По состоянию на 1915 г. из общины вышли 3084 тыс. дворов (32,5% к числу

общинников). Однако среди вышедших преобладали бедняки, стремившиеся в дальнейшем продать приобретенную в собственность землю. Наиболее активно выход из общины шел в Поволжье и на юге Украины. Земледельческий центр, северо-восточные и северные губернии Европейской России эту тенденцию не поддержали. Общинное сельское хозяйство в условиях северных районов оказалось более жизнеспособным, нежели индивидуальное. Причина в том, что не всем хуторянам и трубникам удалось наладить крепкое хозяйство. Государство не могло оказать им помощи в том размере, в каком требовала ситуация, поскольку не располагало необходимыми финансовыми ресурсами. Землеустроительная часть столыпинской аграрной реформы во многом была лишена надлежащего финансового обеспечения, и это обстоятельство негативно отражалось на процессе модернизации российской деревни. Особенно маломощными были хутора и отруба центрально-черноземных губерний. Деятельность Крестьянского банка способствовала увеличению земельных угодий, принадлежавших крестьянам. Всего для продажи крестьянам банк приобрел в 1906–1916 гг. 4614 тыс. десятин земли (первоначально десятина – квадрат со стороной 0,1 версты. В рассматриваемый период 1 хозяйственная десятина была равна 1,45 га). Вместе с тем лишь сравнительно узкая прослойка богатых крестьян смогла с выгодой для себя воспользоваться услугами банка, налагавшего на заемщиков большие проценты. Переселенческое движение благодаря содействию правительства достигло значительных масштабов. За 1906–1914 гг. из губерний Европейской России за Урал переселилось примерно 3,1 млн человек (в два раза больше, чем за предыдущее десятилетие). При этом изменился социальный состав переселенцев. Если прежде среди них преобладали середняки, то после 1906 г. – бедняки. При этом около 17% выехавших не смогли прижиться на новом месте и вернулись назад.

Слой зажиточных деревенских хозяев, который хотел создать П.А. Столыпин, не успел сложиться в заметную политическую и хозяйственную силу. Необходимо отметить, что рост сельскохозяйственного производства, улучшение экономического положения крестьян в предвоенный период являлись не только результатом реформы, но и следствием благоприятных в целом погодных условий и повышения цен на сельскохозяйственную продукцию на мировом и внутреннем рынке, отмены выкупных платежей.

Новая аграрная политика стимулировала социальное расслоение в деревне и тем самым создавала почву для острых социальных конфликтов. Общинные традиции оказались весьма живучими. В целом по Европейской России лишь 26,6% выделившихся из общины получили согласие сельского схода, тогда как остальные пошли на укрепление земли в собственность против воли односельчан. Ситуация в отдельных губерниях, однако, могла существенно отличаться от общероссийской. Выход из общины во всяком случае часто сопровождался столкновениями выделяющихся с крестьянами-общинниками, последних с властями, которые столь же интенсивно стремились покончить с общиной, как прежде пытались ее законсервировать. Нередко в роли ревнителей общинных традиций выступали деревенские богачи, использовавшие старые порядки для эксплуатации односельчан. В целом новый курс в аграрном секторе экономики при всей противоречивости результатов, при всех, во многом вполне естественных, организационных проблемах, возникших в процессе его реализации, создавал условия для более мягкой, естественной капиталистической эволюции страны. Реформа не ликвидировала застарелого и столь громко заявившего о себе впоследствии антагонизма между крестьянами и помещиками, порожденного не только экономическими факторами, но и привилегированным положением дворянства, чуждостью его образа жизни всему деревенскому быту, который не мог сколько-нибудь ощутимо измениться за сравнительно непродолжительный период проведения новой аграрной политики. Существует две модели аграрного развития: фермерская и юнкерская. Исторической особенностью России на рубеже XIX–XX веков стала острейшая борьба этих двух форм буржуазной аграрной эволюции.

Хотя за три десятилетия после отмены крепостного права выпуск промышленной продукции в России увеличился более чем в 7 раз, Россия все же оставалась экономически отсталой по сравнению с передовыми капиталистическими странами. Около 80% населения страны составляло крестьянство, но более 60% земель было сосредоточено в руках дворянства. Нерешенность аграрного вопроса выступала главным препятствием развития капитализма в России.

Центральным пунктом аграрных дискуссий в этот период был вопрос о целесообразности существования общины. Однозначно

положительное отношение государства к общине под воздействием событий начала XX века менялось на противоположное. Правительству для укрепления своего господства срочно требовался союзник в лице зажиточного крестьянина-собственника, свободного от общины. Шагом по пути установления экономического и политического союза царизма с крестьянской буржуазией стала аграрная реформа П.А. Столыпина.

Столыпинская реформа является буржуазной реформой крестьянского надельного землевладения в России. Её проведение в качестве основных целей ставило:

- преобразование России из помещичье-монархического государства в буржуазно-монархическое;
- создание среднего слоя путем расслоения крестьянства – крестьянской буржуазии;
- сохранение всех форм собственности, включая помещичью; снятие социальной напряженности на селе, отвлечение крестьян от принудительного отчуждения помещичьих земель.

Достижение этих целей предполагало реализацию трех основных задач: разрушение общины, создание индивидуальных крестьянских хозяйств, проведение переселенческой политики.

В результате проведения аграрной реформы из общины вышли 2 млн крестьянских дворов; 10% составили фермерские хозяйства; на 35% увеличился хлебный экспорт; ежегодные темпы роста промышленного производства составили 8,8%; в Сибирь переселилось около 3 млн человек; было создано 63 тыс. различных крестьянских кооперативов. Столыпинская реформа не была завершена, но её результаты, тем не менее, позволяют многим рассматривать мелкую крестьянскую собственность (фермерские хозяйства) как жизнеспособную форму организации сельскохозяйственного производства.

Основные экономические результаты столыпинской реформы:

- по всей стране были увеличены посевные площади на 10%;
- увеличился экспорт зерна до 25% от всего мирового экспорта зерна;
- закупка сельскохозяйственного оборудования увеличилась в 3,5 раза;
- в 2,5 раза увеличился объем используемых удобрений.

2.5. Динамика промышленного развития 1891–1915 гг.

В конце XIX – начале XX в. промышленность России представляла собой самую передовую и быстро развивающуюся отрасль экономики. Возникшие в конце прошлого века новые отрасли: современная черная металлургия, транспортное машиностроение, нефтехимия, электроэнергетика и др., хотя и обеспечивали к началу века всего 15% промышленного производства, знаменовали переход отечественной промышленности на качественно новый, современный уровень [19].

В конце XIX и в начале XX в. российская промышленность быстро росла. За двадцать пять лет она прошла все фазы экономического цикла. Цикличность вообще закономерная черта капиталистической экономики, но в России этот процесс имел свои особенности. Они составили ряд внутренних циклических процессов.

Промышленный подъем 1893–1899 гг.

В этот период завершился промышленный переворот, то есть переход к машинному производству в наиболее важных отраслях российской промышленности. Общий объем промышленного производства увеличился в 2 раза, а в тяжелой промышленности – в 3 раза, хотя самыми крупными отраслями оставались текстильное и пищевое производство (около 50% общего объема). Железнодорожная сеть выросла за 10 лет (1890–1899) в 2 раза. Почти весь рост был обеспечен за счет создания новых заводов и целых отраслей.

Кризис 1900–1903 гг.

Мировой экономический кризис не привел к остановке развития промышленности, которая медленно, но росла в эти годы (3,8% в год). Пострадали в основном мелкие и часть средних предприятий, 3 тыс. из которых закрылись. Текстильная отрасль вообще не была затронута [19].

Депрессия 1904–1909 гг.

В отличие от Европы Россия еще несколько лет переживала промышленный застой, вызванный неудачной Русско-японской войной, а также революцией 1905–1907 гг. и неурожаем. Хотя в этот период индустриальный потенциал страны возрос, длительная депрессия оказалась тяжелее для экономики, чем кризис: впервые за

много лет в 1905 г. производство сократилось на 3%, а в хлопчатобумажной промышленности, охваченной забастовками, – на 18,5%. В то же время на многих стоявших без работы фабриках старое оборудование было заменено на новое [24].

Подъем 1910–1913 гг.

Рекордными темпами (10,5% в год) увеличивалось производство, причем не за счет создания новых фабрик, как в 90-е гг., а благодаря развитию уже существовавшего производства (рост производительности, энерговооруженности и т.д.). Помогли и высокие урожаи зерновых, что привело к увеличению покупательной способности крестьян.

Развитие промышленности в военное время 1914–1916 гг.

Во время Первой мировой войны российская промышленность выросла еще на 22%. Прежде всего увеличивалось производство оружия, металла и пр. (на 200–300%).

Финансы и кредит

В начале XX в. Государственный банк, который был главным средством экономической политики правительства, сократил финансовые вливания в промышленность. Акционерные коммерческие банки, старые и вновь созданные, быстро росли (в 1913. они владели 72% всех кредитных капиталов страны) и развивали сеть своих филиалов (св. 700). Особенно значительной была «большая пятерка»: Русско-Азиатский, Петербургский международный, Азовско-Донской, Торгово-Промышленный и Русский для внешней торговли, которым принадлежала половина всех активов коммерческих банков России [24].

Для населения ширилась сеть городских банков, сберегательных касс и кредитных кооперативов. В России еще в 80-е гг. прошлого века начали создаваться первые монополистические союзы – картели, объединявшие сбыт ряда предприятий. Они не имели общего управляющего органа и быстро распались, когда конкуренция несколько смягчилась в годы промышленного подъема 90-х гг. Но во время кризиса начала 90-х возникли синдикаты – сбытовые монополии с общей конторой по продаже. В России действовало более 150 синдикатов. Одним из первых было создано Общество по продаже изделий русских машиностроительных заводов (Продамета), объединявшее 20% металлообрабатывающих заводов, производив-

ших 80% всей продукции отрасли. Существовали также такие объединения, как «Кровля», «Трубопродажа», «Гвоздь», «Проволока», «Продвагон», «Медь», «Продуголь», «Товарищество Братьев Нобель». Возникали синдикаты и в легкой промышленности, хотя меньше по количеству.

Российская промышленность развивалась в этот период очень быстро, по темпам роста немного отставая лишь от США. Особенно быстро росла тяжелая промышленность: металлургия, добыча угля и нефти. Россия сделала большой скачок, достигнув 4-5 места в мире по объему производства в промышленности. Темпы роста промышленности в стране составили 8,8% в год. Российская Империя в этом плане вышла на первое место в мире.

Однако этот рывок в развитии был вследствие того, что стартовый уровень развития производительных сил был очень отсталым. В итоге по качественным показателям (производительности, эффективности) догнать передовые страны не удалось: самым важным является количество производимого продукта на душу населения, а здесь наша страна находилась в 4-м десятке стран. Это было вызвано как преобладанием сельского хозяйства и сельского населения, так и отставанием российской индустрии в технической оснащенности, энерговооруженности (в 2 раза от Франции, в 3 раза от Германии), производительности труда (в 3 раза отставание от Франции, в 5 раз – от Великобритании, в 9 раз – от США) [24].

Общий вывод по промышленности: страна развивалась динамично, во многом опережая Японию. В начале XX в. были серьезные надежды превращения России в одну из мировых промышленных держав. Российская промышленность развивалась по пути, общему для всех развитых стран, хотя и с некоторым отставанием. В то же время она характеризовалась большей, чем в Европе, многоукладностью – здесь сочетались и взаимодействовали новейшие монополистические объединения, ремесленные и кустарные предприятия, банки и ростовщики. Кроме того, в России казенная промышленность имела больший вес, чем в наиболее развитых странах (почти 80% промышленности находилось в собственности государства).

Значительную роль играл иностранный капитал – французский, германский и английский – особенно в банковском деле, химической, электротехнической промышленности. Тем не менее, иностранные предприниматели не были сплоченной группой и дейст-

вовали под контролем российского государства и при посредничестве российских менеджеров.

2.6. Социальное развитие Российской империи в 1891–1915 гг.

В 80-е гг. XIX в. закончилось территориальное формирование Российской империи. Это была огромная мировая держава, оказывающая существенное влияние на ход мировых дел. Российская империя являлась одним из немногих абсолютистских государств в Европе, власть её правителя не ограничивалась никакими выборными органами. Самодержавная монархия и её институты были наследием феодальной эпохи, между тем в стране развивался капитализм [18].

Высшим законодательным органом оставался Государственный совет, наделённый законосовещательными функциями. Он состоял из лиц, назначаемых царём, и министров. Компетенция Государственного совета выражалась в том, чтобы обсуждать законопроекты, вносимые по инициативе монарха и при его согласии и разработанные в соответствующих министерствах. Главным органом административной власти являлся Комитет министров, возглавляемый председателем. В состав Комитета министров входили не только министры, но и главы департаментов и государственных управлений. На рассмотрение Комитета выносились дела, требовавшие одобрения разных министерств. К началу XX в. в России действовало 15 министерств, наиболее важными из которых были: иностранных дел, военное, морское, внутренних дел, юстиции, финансов, земледелия и Государственных имуществ, путей сообщения, народного просвещения и др.

Император считался главой суда и судебного управления, и весь суд осуществлялся от его имени. Свой надзор за судом царь осуществлял через Правительствующий Сенат, наблюдавший за тем, чтобы распоряжения верховной власти исполнялись на местах.

Царь являлся также главой Русской православной церкви, но непосредственно делами церковного управления ведал Святейший Синод, учреждённый ещё при Петре I.

В административном отношении Россия делилась на 78 губерний, 18 областей и остров Сахалин. В составе Российской империи с 1809 г. находилось и Великое княжество Финляндское, главой которого был российский император и которое имело широкую внут-

реннюю автономию: собственное правительство, внутреннюю таможню, свою денежную единицу. Губернии делились на уезды, а области – на округа. Уезд являлся низшей административной единицей. В конце XIX в. земское управление было введено в 34 губерниях, а в остальных районах делами местного хозяйства ведали правительственные органы.

В 1897 г. в России была проведена первая всеобщая перепись населения. Проведение переписи было вызвано потребностями экономического развития и стало выдающимся событием в жизни страны. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г. оно составляло 126,4 млн чел. (без Финляндии). В городах проживало 16,7 млн чел., или 13%. Свыше 1 млн жителей насчитывали Петербург (1267 тыс. чел.) и Москва (1035 тыс. чел.). В 1916 г. уже насчитывалось 29 городов с населением свыше 100 тыс. чел. Происходила концентрация городского населения в наиболее крупных городах. Городское население увеличивалось в основном за счёт выходцев из деревни.

Средняя продолжительность жизни населения России в начале XX в. составляла 33 года.

По сословному положению население России распределялось следующим образом:

99,8 млн чел. (81%) составляли крестьяне;

13,4 млн чел. (10,7%) – мещане;

1,7 млн чел. (1,5%) – потомственные и личные дворяне;

0,6 млн чел. (0,5%) – купцы и почётные граждане;

0,6 млн чел. (около 0,5%) – духовенство;

около 10 млн чел. (8%) – «прочие» («иногородцы», деклассированные элементы, не указавшие своей сословной принадлежности).

Дворянство оставалось главным привилегированным сословием. Дворяне по закону пользовались перед другими сословиями преимуществами при занятии гражданских и военных должностей. На рубеже XIX–XX вв. 75% чиновничества и 90% офицеров армии и флота составляли дворяне. Дворяне занимали все государственные посты.

Однако капитализм стал размывать многие традиционные социальные схемы, внедрял новые социальные институты, иную шкалу ценностей и приоритетов. Общественную значимость определяли уже не сословная принадлежность, а имущественное положение конкрет-

ного лица и род занятий. Капитализм разрушал сословную обособленность, и хотя сословное деление сохранялось вплоть до 1917 г., но в сфере частного предпринимательства оно уже мало что определяло.

В зависимости от занятий население распределилось следующим образом:

97 млн чел. (77,3%) населения было занято сельскохозяйственным производством;

21,7 млн чел. (17,2%) – в торговле и промышленности;

6,9 млн чел. (5,5%) – «непроизводительное» население.

Таким образом, Россия продолжала оставаться страной с преобладанием сельского населения. Капиталистическое производство в деревне основывалось на передовой технике и небольшом числе работников. По мере развития капитализма в деревне там увеличивалось число «избыточного» населения. В 1897 г. оно составило 23 млн чел., а в 1913 г. – 30 млн чел. Обстановка в деревне становилась все более напряженной.

Важным социальным фактором в России стало формирование промышленного пролетариата и промышленной буржуазии. Сформировались кадры постоянных рабочих, оторванных от земли и проживающих со своими семьями в крупных промышленных центрах. Появились династии потомственных рабочих, отцы и деды которых работали на фабрике. Они составляли наиболее организованные части пролетариата. В связи с ростом на фабриках женского труда в отход всё более вовлекались и женщины. Ядро пролетариата составляли наёмные рабочие в крупных промышленных заведениях и на железнодорожном транспорте. В 1894 г. численность рабочих крупных промышленных центров составила 1,5 млн чел. Основным источником роста числа наёмных рабочих в разных отраслях промышленности, сельского хозяйства, транспорта, в сфере услуг был промышленный и сельскохозяйственный отход крестьян. Однако значительная часть рабочих всё ещё сохраняла связь с землёй, с деревней, где они были «приписаны» и где у многих находились семьи. Ещё в 80–90-е гг. обычным явлением был уход рабочих с московских фабрик на летние сельские работы в деревню. Следует отметить, что обратной стороной бурного развития капитализма в стране был процесс маргинализации населения. Покидая деревню, крестьяне отрывались от нее, но не все и не всегда могли найти себя в городе и оказывались в «подвешенном» состоянии – уже не дере-

венские, но пока не городские. К концу XIX в. более 10 млн маргиналов бродили по стране в поисках работы. Этот особый слой российского общества писатель Г.И. Успенский назвал «сердитым нищенством» и отмечал, что такие люди отличались агрессивностью. Маргиналы представляли для общества определённую опасность, поскольку становились средой для возникновения преступности и радикализма.

Работа на капиталистических предприятиях оплачивалась скудно. Заработная плата зависела от региона и отрасли промышленности. Наиболее высоко оценивался труд рабочих крупных промышленных предприятий Петербурга и Москвы. Например, при среднемесечном прожиточном минимуме семьи из 4 чел. в 25 руб. у машиностроителей Петербурга среднемесечная зарплата составила от 15 до 75 руб. (от 10 до 50 тыс. руб. в современных ценах), в хлопчатобумажном производстве – от 12 до 50 руб. В остальных регионах заработная плата была ниже. Низкая техническая оснащённость многих промышленных предприятий, «перенаселённость» русской деревни в центральных районах, чрезвычайно удешевлявшие рабочую силу, не стимулировали предпринимателей улучшать жизненные условия своих рабочих. Хотя в начале XX века на многих промышленных предприятиях было произведено уменьшение рабочего дня с 13–14 до 9,5–10 час., повышение заработной платы, на отдельных предприятиях уже существовала довольно развитая система социального и медицинского обеспечения (Савва Морозов). Несмотря на это, жизненный уровень большинства российских рабочих был намного ниже западноевропейских, как и в наше время.

Процесс формирования промышленной буржуазии начался ещё до отмены крепостного права. Он выражался в том, что из среды мелких товаропроизводителей выделялись торговцы и ростовщики. Накопив необходимый капитал, они затем вкладывали его в промышленное дело, становясь промышленниками-предпринимателями. Однако, занявшись промышленным предпринимательством, они в то же время продолжали расширять и торговые операции. Соединение торгового капитала с промышленным – характерное явление для мануфактурной стадии промышленности. Предприниматель выступал здесь одновременно в роли купца и фабриканта. Впоследствии рост промышленного капитала и промышленной буржуазии был связан с переходом от мануфактуры к крупной машинной индустрии.

В 1904 г. по всей России была проделана работа по выявлению доходов населения. Выяснилось, что примерно 1 млн чел. в России относится к разряду обеспеченных. Сюда входили собственники обширных земельных владений, крупные коммерсанты, банкиры, верхи интеллигенции, чиновничества, офицерского корпуса. Остальные являлись или относительно обеспеченными, или откровенно неимущими.

Отсталость России в конце XIX – начале XX в. весьма относительная. Россия в тот период являлась страной со средним уровнем капиталистического развития. Россия была аграрно-индустриальной страной, успешно развивавшей перед Первой мировой войной промышленность, сельское хозяйство, банковское дело, уверенно входила в мировую экономику, признавалась великой державой, существенно влиявшей на ход мирового развития. Она отстала по экономическому развитию, по уровню жизни своего населения от равных ей по политическому весу в тогдашнем мире индустриально развитых стран.

В конце XIX – начале XX в. различные страны находились на разных ступенях развития. Наиболее развитыми в индустриальном отношении странами являлись США, Англия, Франция, Германия. Поэтому возникла проблема повышения уровня социального развития на основе модернизации, то есть коренного обновления важнейших сфер жизни – от экономики до государственного строя в связи с бурным развитием капитализма. Она в очередной раз встала перед русским самодержавием в начале XX в., которое не хотело и не могло этого сделать.

В конце XIX в. преобладающей отраслью экономики России, где было занято подавляющее большинство населения, считалось сельское хозяйство. В нём также были заметны некоторые успехи: увеличивался рост посевных площадей, использовались современные машины и улучшалась агротехника, развивалась районная специализация. Зерновыми районами становились Черноземный центр, юг Украины и Поволжье; на молочном скотоводстве специализировались северо-западные и центрально-промышленные губернии; мясное скотоводство развивалось в юго-восточных губерниях; в Нечерноземной полосе выращивались технические культуры – лен, картофель, сахарная свекла. По общему объему сельскохозяйственного производства Российская империя занимала первое место в мире. В 1905–1913 гг. высокими темпами растет применение сельскохозяйственных машин. Ежегодное потребление машин и улуч-

шенных орудий за 1895–1904 гг. увеличилось в 2,5 раза, за период 1906–1912 гг. – в 3,4 раза. Пахотный процесс осуществлялся с использованием деревянных сох, железные плуги составляли всего треть сельскохозяйственных орудий. Хотя в отдельных хозяйствах стали появляться паровые плуги. Заметен прогресс и в уборочной технике. В стране были в хозяйстве 811 тыс. жатвенных машин, 200 тыс. сенокосилок, 550 тыс. конных и 27 тыс. паровых молотилок [24].

Развитие отечественного земледелия тормозили отсутствие промышленных удобрений и их дороговизна. Минеральные удобрения использовались в большинстве помещичьих хозяйств, около 20% в крестьянских. В среднем в России удобрений вносилось 6 кг на 1 га посева, в то время как во Франции – 58 кг, в Германии – 166 кг.

Главным условием развития сельского хозяйства в стране служило наличие земли в хозяйстве. После земельной реформы у крестьян имелась наделная земля, но выкупать её в личное владение и приобретать новую большая часть крестьян не спешила. Между тем крестьянские семьи росли, из них выделялись новые дворы, вследствие этого наделы крестьян уменьшались. В начале XX в. из 14,7 млн крестьянских дворов земельные наделы имели 12,3 млн. Нехватка земли стала общей бедой русского крестьянства.

Еще одним следствием крестьянской реформы стало расслоение крестьянства. Более четко проявлялась бедность одних и богатство других. К главным критериям богатства относились размер земельного надела и количество лошадей, рабочего скота. Признаком бедности считалась одна лошадь. К началу XX века около 60% крестьян имели одну лошадь или вообще не имели ее, они относились к разряду бедняков. Средних крестьян было чуть больше 30%, земельный надел которых составлял от 9 до 20 десятин, и имели в хозяйстве 1–2 лошади. Они вели небольшое хозяйство, слабо связанное с рынком, сами занимались местными и отхожими промыслами. Зажиточные составляли 10% крестьянского населения, имели более 5 лошадей и надел более 20 десятин, стремились к росту владения и скупали землю у малоземельных крестьян, значительная часть которых разорялась, голодала. Число малоземельных и земельные крестьян в деревне росло.

Глава 3. ПЕРИОД 1916–1940 гг.

Важнейшие первые лица государства:

Ленин (Ульянов) Владимир Ильич	Председатель Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР и СССР (1917–1924)
Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович	Генеральный секретарь Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков) РКП(б)–ВКП(б) с 1922 г.

Председатели Совета Народных Комиссаров (правительства) РСФСР и СССР:

Рыков Алексей Иванович	(1924–1930)
Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович	(1930–1941)

Основные ошибки в управлении, приведшие к кризису в конце периода: снижение уровня жизни населения в противовес ускоренному развитию промышленности, вступление во Вторую мировую войну.

Основные экономические результаты: ускоренная индустриализация страны на основе централизованного управления, которая практически вывела страну на передовой по тем временам уровень промышленного развития. Впервые разработан научно обоснованный план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО), на базе чего произошло развитие черной и цветной металлургии, машиностроения, химической промышленности, удобрений. Произошло превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечены ее экономическая независимость и укрепление обороноспособности, что создало материальную базу победы над фашистской Германией. В целом период характеризуется жесткой централизацией управления экономикой с одновременным снижением уровня жизни населения.

3.1. Начальный этап социалистической индустриализации

Рассматриваемый период развития экономики начинается с трагических для страны ошибок в управлении – вступления России в Первую мировую войну и ее последующих кризисных для экономики процессов. В результате Октябрьской революции, последующей гражданской войны и интервенции произошел спад производства в несколько раз. Конец военных действий можно отнести к 1922 г. Заканчивается рассматриваемый период вступлением СССР во Вторую мировую войну (Великую Отечественную войну).

Начало и становление нового общественного строя происходило на руинах того, что осталось после царской России и истощения всех ресурсов. По некоторым данным людские потери страны с начала Первой мировой войны от боевых действий, голода и болезней, «красного» и «белого» террора составили 19 млн чел. Эмигрировали из страны около 2 миллионов человек, причем среди них почти все представители политической и финансово-промышленной элиты дореволюционной России. Оставшиеся специалисты часто прибегали к саботажу.

Политика военного коммунизма – это название внутренней политики Советского государства, проводившейся в 1918–1921 гг. в условиях гражданской войны. Само название возникло на основе симбиоза веры в ближайшую победу коммунизма романтиков революционной борьбы и реалий разрухи хозяйства. Ее характерными чертами были крайняя централизация управления экономикой. В основе новой системы управления лежали следующие процессы: национализация предприятий крупной и средней промышленности, государственная монополия на многие продукты сельского хозяйства, уравнивание в распределении материальных благ, формирование трудовых отрядов (армий). Такая политика основывалась на коммунистической идеологии, в которой идеал планового хозяйства виделся в превращении страны в единую фабрику, головная «контора» которой непосредственно управляет всеми хозяйственными процессами [8]. Основные итоги военного коммунизма: запрет частного предпринимательства, ликвидация товарно-денежных отно-

шений и переход к прямому товарообмену, регулируемому государством, военизированное управление железными дорогами.

В начале зимы 1920 года в РСФСР случился страшный кризис, во многом связанный с тем, что в 1921–1922 годы были неурожайными. Жестокая засуха 1921 г. – погибло около 22% всех посевов. В некоторых районах урожай не превышал количество семян, затраченных на посевную. В 1921 г. урожайность составила 43% от уровня 1913 г. Существовала общая дезорганизация экономики вследствие гражданской войны.

В стране наступил голод. Вследствие массового недовольства руководством страны, что объективно порождалось массовой некомпетентностью руководителей на всех уровнях, была разработана новая экономическая политика (нэп), проводимая советской властью в период с 1921 по 1928 г. Это была попытка вывести страну из кризиса и придать толчок в развитии экономики и сельского хозяйства.

Среди основных методов организации хозяйственной жизни страны отмечены:

- сочетание административных и рыночных методов управления в надежде организации самоуправления «внизу»;
- замена продразвёрстки продналогом, который был в два раза меньше;
- наряду с государственной была разрешена частная торговля;
- разрешение частного предпринимательства;
- возможность использования наёмного труда в деревне;
- использование иностранного капитала в форме концессий и др.

В 1921 году создается государственный банк. Была восстановлена финансовая система страны путем введения серебряного рубля и золотого червонца, которые могли обмениваться на эти драгметаллы.

Но в целом итоги нэпа оказались неуспешными. В 1923 г. наступил «кризис сбыта», в 1925–1928 гг. кризис хлебозаготовок. Появилась социальная группа «непманов», которые прямо становились в оппозицию власти. Но самое главное нэп была конкурентом в использовании государственных ресурсов по отношению к индустриализации страны. Поэтому он с самого начала рассматривался как временный «организационный механизм» самоуправления

государством на период не более 25 лет. В конечном итоге И.В. Сталину пришлось в спешном порядке прерывать этот процесс. Поскольку политика нэпа практически полностью противоречила развитию промышленности.

К середине 20-х годов руководству молодой республики стало ясно, что необходимо принять меры для восстановления и развития промышленного сектора экономики, чтобы обеспечить дальнейшее развитие страны. В условиях фактической хозяйственной разрухи и продолжающегося саботирования развития страны в отдельных регионах главным направлением формирования системы управления была централизация. При этом ставилась задача «социалистической индустриализации».

Первым документом, в котором получила выражение идея индустриального преобразования России на социалистических началах, был план Государственной электрификации России (ГОЭЛРО). Разработанный в 1920 г. по инициативе В.И. Ленина план предусматривал первоочередное развитие машиностроения, металлургии, топливно-энергетической базы и химии, то есть отраслей, призванных обеспечить технический прогресс в масштабах всей городской и сельской экономики. В течение десяти лет промышленное производство предполагалось почти удвоить, а численность рабочих увеличить на 17%. Речь шла не просто об электрификации народного хозяйства, но и о том, чтобы на этой основе перевести экономику на путь интенсификации. План ГОЭЛРО четко формулировал главную цель намечавшихся в стране преобразований: «Выравнивать фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада». Одной из главных в те годы была задача найти средства для развития индустрии.

В интересах изыскания средств для индустриализации было решено использовать через госбюджет также доходы других отраслей народного хозяйства, сбережения населения, внутренние займы. Массовая подписка населения на займы индустриализации (впервые проведена в 1927 году) дала значительные суммы. Достаточно сказать, что в 1927–1928 годах с их помощью государство дополнительно получило 726 млн руб. – почти половину средств, ассигнованных в тот год на капиталовложения в промышленность. Немалые средства давали «ножницы цен», связанные с разницей в ценах на промышленные и сельскохозяйственные товары. Иначе говоря,

кроме обычных налогов, прямых и косвенных, которые крестьянство платило государству, существовал, как отмечалось в партийных документах того времени, «сверхналог в виде переплат на товары и в виде недополучек по линии цен на сельскохозяйственные продукты». Речь шла о «перекачке» средств из деревни в город с целью быстрого подъема тяжелой индустрии.

Курс, провозглашенный XIV съездом ВКП(б) в 1925 году был обозначен предельно ясно: превратить Советский Союз из страны, ввозящей оборудование, машины, орудия труда, в страну, самостоятельно производящую эту технику и тем самым обеспечивающую свою экономическую независимость и оборонную мощь. Но какими путями решать намеченную задачу, какими темпами, в какой срок? Конкретно ответить на каждый из таких вопросов было нелегко. Председатель Госплана Г.М. Кржижановский, выражая взгляды руководства плановых органов страны, долгое время считал, что индустриализация должна пройти в СССР четыре основных этапа:

- 1) развитие добывающей промышленности и расширение производства технических культур в сельском хозяйстве;
- 2) реконструкция транспорта;
- 3) обеспечение правильного размещения производительных сил и общий подъем товарности сельского хозяйства;
- 4) развернутый фронт энергетики.

Таким образом, индустриализация мыслилась как экономическая политика, охватывающая все отрасли народного хозяйства и рассчитанная на длительные сроки.

Нереальность, а потому и нецелесообразность одновременного решения такого комплекса вопросов в конкретных условиях строительства социализма в одной стране в числе первых понял Ф.Э. Дзержинский. Оставаясь руководителем Чрезвычайной Комиссии (ЧК), он в 1921–1923 гг. одновременно возглавлял и Наркомат путей сообщения. Здесь, по его признанию, он «убедился, что нельзя восстановить транспорт и железные дороги, не разрешая проблем металла, топлива, не разрешая вопросов товарообмена между городом и деревней». Это побудило его направить в Центральный Комитет партии и в правительство, в Госплан и ВСНХ СССР материалы, в которых обосновывалась необходимость первоочередного развития машиностроения и металлургии как базы общего подъема экономики страны, упрочения диктатуры пролетариата.

Его доводы были приняты. Ставка на металлургию вскоре стала лейтмотивом всех важнейших документов, определявших практику и сроки промышленного преобразования страны.

3.2. Причины и результаты коллективизации

Спустя три-четыре года после гражданской войны сельское хозяйство было практически восстановлено. Однако в 1925–1929 годах производство зерна колебалось на уровне чуть выше довоенного, и это не могло не стать проблемой для страны, вступившей на путь индустриализации. Впечатляющими темпами увеличивалось поголовье скота: с 1925 по 1928 год примерно на 5% ежегодно – в этом выразилось предпочтение крестьянами повышения собственного благосостояния перед товарностью своего хозяйства.

С точки зрения задач индустриализации страны ситуация была трудноразрешимая. Эволюционная программа Н.И. Бухарина, предусматривающая сохранение частных крестьянских хозяйств на «несколько десятилетий», предполагала планомерное развитие экономики без внутренних и внешних кризисов. Но такой возможности действительность не предоставила.

Можно было по-разному относиться к политике «перекачки» средств по существу неоплаченного труда из индивидуальных крестьянских хозяйств в промышленность, но осуществлять ее на практике приходилось поневоле. Объективно для этого было лишь два пути: овладеть законами рынка, чтобы втягивать индивидуального крестьянина в товарное производство так, как это делает крупный капитал – путем постоянного расширения неэквивалентного рыночного обмена, либо продолжать политику командно-административного вмешательства в экономику. Первый путь был теоретически возможен, но практически невыполним, поскольку для этого у хозяйственных и политических кадров не было не только нужных экономических знаний, но и обыкновенной грамотности. В 1926 г. неграмотные в возрасте от 9 до 49 лет составляли 43%. Директорами предприятий, как правило, были выдвиженцы из рабочих. В 1924 году даже среди председателей трестов 63% кадров имели низшее образование.

По второму пути страна фактически уже шла в течение 10 лет. Оставалось только найти форму отношений с крестьянством,

позволявшую обеспечить государственный контроль над сельскохозяйственным производством по образу и подобию отношений с промышленностью. Обстановка настоятельно диктовала путь обобществления крестьянского хозяйства.

В декабре 1927 г. состоялся XV съезд ВКП (б), который вошел в историческую литературу как съезд, провозгласивший «курс на коллективизацию». В действительности речь шла о развитии всех форм кооперации, о том, что перспективная задача постепенного перехода к коллективной обработке земли будет осуществляться на основе новой техники (электрификации), а не наоборот: к механизации на основе коллективизации.

В стране складывалась новая система сельскохозяйственной кооперации: в 1927 г. она объединяла уже треть крестьянских хозяйств. Рядом с ней действовала потребительская растущая кустарно-промысловая кооперация. Вместе они охватывали свыше две трети товарооборота между городом и деревней, обеспечивая прочную экономическую связь между крестьянскими хозяйствами и промышленностью.

В 1925–1929 гг. производство зерна колебалось на уровне чуть выше 1913 г. поголовье скота увеличивалось примерно на 5% в год. В то же время хлебозаготовительный кризис зимы 1927–1928 гг. осложнил общую экономическую ситуацию в стране и создал реальную угрозу планам промышленного строительства. Этот кризис во многом по своему происхождению, характеру и масштабам был аналогичным кризису 1925–1926 гг., но практические выводы оказались совершенно иными. По отношению к «держателям хлеба», прежде всего к кулацким и вообще зажиточным хозяйствам, были применены «чрезвычайные» меры, что, по существу, вело к свертыванию НЭПа в отношениях между городом и деревней.

В январе 1928 г. И.В. Сталин предложил для стабилизации хлебозаготовок развернуть строительство колхозов и совхозов. Именно в них он и его сторонники увидели то звено социально-экономической структуры деревни, которое позволило бы осуществлять перераспределение средств и снабжать города хлебом. В ноябре 1929 г. партийно-государственные органы принимают решение о форсировании процессов коллективизации.

В 1929 г. на Украине и в РСФСР стали применяться чрезвычайные меры по ограничению свободной продажи хлеба, устанавлива-

ется первоочередная продажа зерна по государственным обязательствам. Со второй половины 1929 г. начинается частичная экспроприация кулачества. Ограничиваются, а затем и свертываются различные кооперации. Ликвидируются такие сельские элементы самоуправления, как земельные общества. Все права и обязанности которых передаются сельсоветам.

С конца 1929 г. был взят курс на форсирование социалистического переустройства села, конкретным выражением чего стала массовая коллективизация. В январе 1930 г. было принято постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», разделившее страну по темпам коллективизации на три региона: Северный Кавказ, Нижняя Волга и Средняя Волга, которые должны были в основном завершить коллективизацию осенью 1930 или весной 1931 г.; Украина, Центрально-Черноземная область, Сибирь, Урал, Казахстан – осенью 1931 или весной 1932 г.; в остальных краях, областях и национальных республиках – к концу пятилетки, то есть к 1933 г.

В результате принятых мер процент коллективизации стремительно рос. Если в июне 1927 г. удельный вес крестьянских хозяйств, вовлеченных в колхозы, был 0,8%, то к началу марта 1930 г. он превышал 50%. Темпы коллективизации стали обгонять реальные возможности страны в финансировании хозяйств, снабжении их техникой и материалами. Декретирование сверху, нарушение принципа добровольности при вступлении в колхоз и другие партийно-государственные меры вызвали недовольство крестьян, что выражалось в выступлениях и даже в вооруженных столкновениях.

Одна из главных причин форсирования коллективизации виделась в том, что создание коллективного сельского хозяйства стало рассматриваться как средство, позволяющее добиться в возможно более короткие сроки решения задач конкретной политики: решения хлебной проблемы, получения валютных средств и импортного промышленного оборудования. Перекачка средств негативно проявилась в экономике деревни, особенно в период голода (1932–1933 гг.). Это отразилось на индустриализации и социально-экономическом развитии страны в целом.

Особое место в процессе коллективизации занимает вопрос о кулачестве – слое богатейших крестьян, которые нанимали на работу на своих земельных участках бедняков подчас из той же деревни.

Такая эксплуатация «своих» односельчан обостряла классовую борьбу на селе. Борьба против кулаков как эксплуататоров шла еще в ходе Октябрьской революции и гражданской войны, в период нэпа. Однако тогда перед ними не закрывалась дорога в сельскохозяйственные кооперативы всех типов, включая колхозы. В годы нэпа довольно заметным был рост кулацких хозяйств (в 1927 г. их насчитывалось около 900 тыс.). В процессе проведения политики ограничения кулачества произошло резкое сокращение численности кулацких хозяйств. Летом 1929 г. политика в отношении кулака ужесточилась: последовало запрещение принимать в колхозы кулацкие семьи, а с 30 января 1930 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» началось проведение крупномасштабных насильственных акций, выразившихся в конфискации имущества, в принудительном переселении и т.д. Нередко, особенно в Сибири, в разряд кулаков попадали и середняки. В европейской части страны критерием отнесения к кулакам было наличие 2–3-х лошадей и коров в домохозяйстве. В Сибири, где были многочисленные семьи, это количество домашних животных считалось нормой. Все это обостряло социальное положение в селе. В литературе приводятся различные цифры «раскулаченных». В. Данилов, один из специалистов по истории крестьянства, считает, что не менее 1 млн кулацких хозяйств ликвидировано в ходе раскулачивания.

3.3. Индустриальное развитие СССР в годы первой пятилетки

Первый в истории пятилетний план индустриального развития народного хозяйства, который обсуждался в апреле 1929 года на XVI конференции ВКП(б), а затем был утвержден V Съездом Советов СССР в мае 1929 г., преследовал двоякую цель. На первом месте была задача ускоренного развития промышленности, особенно отраслей, выпускающих средства производства группы «А», так как от нее зависит рост, во-первых, производительности народного хозяйства в целом и, во-вторых, благосостояния населения страны. На втором месте стояла задача укрепления обороноспособности страны. Поэтому развитие отраслей группы «А» с этого момента и в последующем всегда имело и вторую цель. Производственные мощ-

ности проектировались и создавались так, чтобы их легко можно было перепрофилировать на выпуск военной техники. Например, тракторные заводы легко перестраивались на выпуск танков и др.

Почему был принят пятилетний период планирования? Этот срок определялся следующими факторами:

- 1) темпом технического прогресса тех лет;
- 2) средней продолжительностью строительства заводов и фабрик;
- 3) за 5 лет колебание большой и малой урожайности уравновешивали друг друга.

Задания первой пятилетки, рассчитанные на период с 1 октября 1928 года до 1 октября 1933 года, составлялись тщательно. План по своему духу был пронизан идеей ускорения. Небывало высокими темпами предстояло развернуть строительство новых предприятий и целых отраслей промышленности, возвести сотни крупных индустриальных центров и современных городов, рабочих поселков. Намечались многократное увеличение производства всех видов продукции, а также выпуск такой техники, какой страна в прошлом не имела. По общему мнению, план был напряженным. Из двух рассматривавшихся вариантов делегаты съезда Советов утвердили максимальный.

Желая ускорить ход событий, руководители партии и государства имели в своем распоряжении выводы больших групп исследователей, специально занимавшихся изучением перспектив экономического развития страны. Комиссия Н.А. Ковалевского, например, рассчитала 50 вариантов возможного экономического развития СССР. Впервые в мировой практике она использовала для долгосрочного планирования экономико-математические методы, ныне широко применяемые во всех странах. В ее исследованиях серьезное внимание было уделено вопросам эффективности, повышения фондоотдачи; проекты промышленного преобразования страны составлялись с тем расчетом, чтобы получить максимальную эффективность вложений на протяжении всего планируемого периода и в дальнейшем. Выводы комиссии звучали оптимистично: в них утверждалось, что при сохранении темпов восстановительного периода можно будет за 10–15 лет обеспечить переход к развернутым формам коммунистического общества. Подобный перекося в прогнозах, которые разрабатывались как контраргументы в борьбе с теми,

кто призывал равняться на темпы дореволюционной России, был типичен для конца 20-х годов.

Несмотря на то, что программа первой пятилетки была напряженной, уже в июле–августе 1929 г. ЦК ВКП(б) принял ряд решений о резком расширении вложений в развитие цветной и черной металлургии. Затем последовали другие постановления, касавшиеся сельскохозяйственного машиностроения, промышленности минеральных удобрений. Осенью того же года задания на второй год пятилетки были решительно пересмотрены. Точнее существенно увеличены.

Объяснение такому шагу находят в причинах как внешнеполитического, так и внутреннего характера; при этом отмечают, прежде всего, такие явления, как усиление международной напряженности и стремление руководства страны упрочить поворот беднячко-средняцких масс к коллективизации, закрепить этот качественный сдвиг в социалистической реконструкции сельского хозяйства, а также некоторые другие обстоятельства.

Осенью 1929 г. были подведены итоги первого года пятилетки. Несмотря на многочисленные трудности, промышленность перевыполнила плановые задания. Массовое социалистическое соревнование, возникшее в том же году, помогло превысить показатели, относящиеся как к сфере нового строительства, так и выпуска продукции. Более того, обобществленный сектор советской экономики в тот год впервые произвел свыше половины материальных благ.

К концу 1929 года одновременно с пересмотром заданий первой пятилетки развернулась реорганизация управления промышленностью. Суть заключалась в создании объединений, концентрирующих в своих руках все вопросы, относящиеся и к производству, и к сбыту, и к снабжению. Усиление плановой дисциплины и централизация хозяйственного руководства сочетались в начале 30-х годов с проведением обширного комплекса мероприятий в области финансовой системы. Осуществление кредитной реформы сопровождалось рядом грубых ошибок. В ходе их исправления принимались меры с целью упрочить прямые связи государственного банка с предприятиями и усилить контроль рублем за деятельностью промышленных и строительных организаций. Сфера стихийных рыночных отношений резко сузилась. В 30-е годы были закрыты товарные биржи и такие известные ярмарки, как Бакинская и Нижегородская.

родская. Государство перешло к централизованному распределению принадлежащих ему средств производства и предметов потребления. Еще в 1929 году городское население было переведено на карточное обеспечение важнейшими продуктами питания.

Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) СССР сосредоточил свое внимание на тяжелой промышленности (пищевые предприятия уже в 1930 г. перешли в ведение Наркомснаба). Упор был сделан на ускоренное сооружение ударных объектов, к числу которых было отнесено всего 50–60 строек. На них приходилась почти половина всех капиталовложений, выделявшихся на сооружение примерно 1500 предприятий.

В 1930 году капиталовложения в тяжелую индустрию намного превысили ранее запланированную сумму, еще больше возросли размеры ассигнований в последующие два года. Столь большие расходы на развитие промышленности не предусматривались пятилетним планом. Положение резко осложнилось еще и тем, что внутренние накопления промышленности вопреки ожиданиям существенно отставали от намеченных объемов. Они оказались явно недостаточными для выполнения заданий, которые были утверждены в ходе пересмотра плана первой пятилетки. Пришлось размещать в городе и деревне новые займы, поднимать цены на спиртоводочные изделия и расширять их продажу, экстраординарными мерами увеличивать экспорт зерна для получения валюты, которая направлялась на приобретение средств производства. В течение нескольких лет осуществлялась большая эмиссия денег. В 1930 г. денежная масса, находившаяся в обращении, возросла на 45%, ее увеличение произошло в два с лишним раза быстрее, чем рост продукции промышленности, производящей предметы потребления. Аналогичная тенденция сохранялась до конца первой пятилетки.

Таким образом, уже в 1930–1932 годах, как видно из приведенных фактов, в ходе индустриализации начали применяться иные, чем в 20-е годы, методы. Предпочтение было отдано административным методам.

В конечном счете, сложилась система управления, которую теперь принято называть административно-командной и которая просуществовала до второй половины 80-х годов. Она обеспечивала изыскание средств для нового строительства, бесплатного предоставления предприятиям фондов, законного существования и разви-

тия нерентабельных предприятий и даже планово-убыточных отраслей.

В целом за период с 1 октября 1928 г. до 1 января 1933 г. производственные основные фонды крупной промышленности увеличились в 2,2 раза, в том числе по группе «А» (выпуск средств производства) – в 2,7, а по металлообрабатывающим и машиностроительным отраслям – более чем в 2,7 раза; прирост по группе «Б» (производство предметов потребления) составил 45%. Общее состояние экономики, финансовые трудности не позволяли одновременно с равным успехом решать все проблемы, вставшие перед страной в период индустриализации.

Подводя итоги первой пятилетки, И.В. Сталин сообщил, что по выпуску валовой продукции (в рублях) промышленность выполнила план досрочно – за 4 года 3 месяца, причем тяжелая индустрия выполнила план на 108%. Однако общего ускорения экономического роста не произошло. Наоборот, наблюдалось снижение темпов роста в промышленности. Первый пятилетний план не был выполнен по важнейшим показателям: электроэнергия, уголь, минеральные удобрения, трактора, автомашины. Вместо намеченных 103% фактический рост был в пределах 60–70%. Однако, не было сделано вывода о вреде хаотичного пересмотра планов в большую сторону, которые дезорганизовывали реальное производство. В последующем эта практика была продолжена исходя различных политических и псевдополитических целей в ущерб экономическому ведению хозяйства.

В целом выполнить пятилетний план не удалось. Однако в индустриализации страны был сделан огромный шаг вперед. Продукция тяжелой промышленности выросла в 2,8 раза, были возведены индустриальные гиганты – Днепрогэс, Магнитогорский металлургический комбинат, Сталинградский и Харьковский тракторные заводы, построен Турксиб, появились авиационная, химическая электротехническая отрасли промышленности и др. В результате СССР сократил ввоз иностранного оборудования, которое приобреталось в обмен на золото.

По темпам роста промышленности СССР обогнал царскую Россию почти в 3 раза. Он вышел на 2 место в мире по общим показателям и лидировал по темпам прироста промышленного производства. СССР стал экономически независим от Запада, который в тот

период, так же как и наша страна, находился на стадии индустриального развития. Но эти успехи были достигнуты за счет перенапряжения экономики и непропорционального ее развития, в ущерб легкой промышленности и сельскому хозяйству.

Успехи внутренней политики начала 20-х годов вскоре сменились новыми трудностями ввиду трех причин: дисбаланса промышленного и сельского хозяйства; целенаправленного классового ориентирования внутренней политики правительства; усиления противоречий между многообразием социальных интересов различных слоев общества и авторитаризмом большевистского руководства.

Таблица 2

**Состав населения СССР во второй половине
20-х годов XX в. (в %)**

Классы и социальные группы	1924 г.	1928 г.
Рабочие и служащие	14,8	17,6
В том числе рабочие	10,4	12,4
Единоличное крестьянство, мелкие промышленники и торговцы	75,4	74,9
Кооперированные мелкие товаропроизводители	1,3	2,9
Крупные промышленники и торговцы, кулачество	8,5	4,6

Интенсивное промышленное строительство привело к появлению новых городов. Численность городского населения в 1929–1931 гг. увеличивалась ежегодно на 1,6 млн чел., что сопровождалось горячими спорами о городах будущего, характере расселения, домах-коммунах, которые, как многим тогда казалось, станут обычным явлением уже в 30-е годы. Города рассматривались как средство концентрации рабочего класса, обеспечивающее развитие производительных сил страны. Крестьянство оставалось основной массой населения, при этом 7% сельских жителей работали на государственных сельскохозяйственных предприятиях в совхозах и машинотракторных станциях (МТС). Это были организации, обеспечиваю-

щие проведение сельскохозяйственных работ машинами на условиях проката или аренды с квалифицированной рабочей силой.

Значительно выросла численность рабочего класса: с 8,7 млн в 1928 г. до 20,6 млн чел. В 1937 г. была ликвидирована безработица. Главным источником пополнения рабочего класса являлись крестьяне, покинувшие деревню, бывшие единоличники. В годы первой пятилетки выходцы из деревни составили 68%, а в период второй 54% общего числа новых пополнений. В социальной психологии новых рабочих преобладали черты крестьянского менталитета и традиций.

Приток вчерашних крестьян на стройки пятилеток пополнял ряды неквалифицированной рабочей силы, что приводило к текучести кадров, падению дисциплины, производственному травматизму, выпуску бракованной продукции, многим негативным нравственно-социальным последствиям. Однако часть квалифицированных рабочих в связи с переходом на сдельную оплату достигала высоких показателей в результатах своего труда. Появились рабочие-выдвиженцы, которых направляли на учебу или на руководящие хозяйственно-управленческие посты. В качестве примера можно привести А. Стаханова и названное его именем политическое движение.

Огромную роль в формировании высококвалифицированной рабочей силы сыграл Центральный институт труда (ЦИТ) – научно-методический центр в области научной организации труда (НОТ). Созданный А. Гастевым, он просуществовал до 1940 г. Идеи НОТ активно внедрялись до 90-х гг. в СССР и за рубежом – по настоящее время.

Сложным было положение городской инженерно-технической интеллигенции, врачей, юристов и других специалистов. Без опыта образованных кадров невозможно было осуществить индустриализацию страны, ликвидировать неграмотность, улучшить здравоохранение. В то же время у властей и у части населения отношение к ним было настороженным. Тем не менее, в штатах министерств и ведомств работало до 60% старых «царских» специалистов.

Изменилась структура сельского населения. В несколько раз сократилась численность крестьян-единоличников. Исчезли вследствие жестких организационных мероприятий в деревне (репрессий) такие социальные группы, как кулаки и батраки. Свыше 90%

общего числа крестьян трудились в колхозах. Они сформировали новую социальную категорию населения (класс колхозного крестьянства).

Форсированная индустриализация ухудшила жизненный уровень населения. Высокие цены на продукты сельского хозяйства делали их труднодоступными для значительной части городских жителей, получавших низкую заработную плату.

Ухудшение материально-бытовых условий населения, перебои с продовольствием обостряли социальную напряженность в обществе. Положение усугублялось участившимися срывами в области хозяйственного развития. Не выполнялись планы капитального строительства. Падала производительность труда. Снижалось качество производимой продукции. Все это усиливало критические настроения людей по отношению к проводимой политике. Силовая коллективизация, сопровождаемая раскулачиванием, вызвала вооруженные выступления крестьянства. Только в январе – начале марта 1930 г. состоялось свыше 2000 антисоветских выступлений в деревне. Уменьшение норм снабжения хлебом по карточкам привело к массовым демонстрациям протеста в городах и рабочих поселках (Вичуга, Лежнево, Пучеж (Ивановская область), Борисполь и др.). Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И.В. Сталин объяснял причины общественных противоречий и кризисных явлений в экономике происками «классовых врагов».

3.4. Экономика СССР во второй половине 40-х годов XX в.

Во второй половине 20-х годов важнейшими задачами экономического развития стали превращение страны из аграрной в индустриальную, обеспечение ее экономической независимости и укрепление обороноспособности. Неотложной потребностью была модернизация экономики с главным условием технического совершенствования (переворужения) всего народного хозяйства.

Второй пятилетний план (1933–1937), утвержденный XVII съездом ВКП(б) в начале 1934 г., сохранил тенденцию на приоритетное развитие тяжелой индустрии в ущерб отраслям легкой промышленности. Его главная экономическая задача заключалась в завершении реконструкции народного хозяйства на основе новейшей

техники для всех его отраслей. Задания плана по сравнению с предыдущей пятилеткой выглядели более реалистичными и умеренными. За годы второй пятилетки были сооружены 4,5 тыс. крупных промышленных предприятий. Вошли в строй Уральский машиностроительный и Челябинский тракторный, Ново-Гульский металлургический и другие заводы, десятки доменных и мартеновских печей, шахт и электростанций. В Москве была проложена первая линия метрополитена. Ускоренными темпами развивалась индустрия союзных республик. На Украине были возведены предприятия машиностроения, в Узбекистане – заводы по обработке металла.

Завершение выполнения второго пятилетнего плана было объявлено досрочным – снова за 4 года и 3 месяца. В некоторых отраслях промышленности действительно были достигнуты очень высокие результаты. В 3 раза выросла выплавка стали, в 2,5 раза – производство электроэнергии. Возникли мощные индустриальные центры и новые отрасли промышленности: химическая, станко-, трактор- и авиастроительная. Вместе с тем развитию легкой промышленности, производящей предметы потребления, не уделялось должного внимания. Сюда направлялись ограниченные финансовые и материальные ресурсы, поэтому результаты выполнения второй пятилетки по группе «Б» оказались значительно ниже запланированных (от 40 до 80% по разным отраслям).

Масштабы промышленного строительства заражали энтузиазмом многих советских людей. На призыв XVI конференции ВКП(б) организовать социалистическое соревнование откликнулись тысячи тружеников заводов и фабрик. Среди квалифицированных рабочих расширилось стахановское движение. Его участники показывали пример небывалого подъема производительности труда. На многих предприятиях выдвигались встречные планы производственного развития, более высокие по сравнению с установленными. Трудовой энтузиазм рабочего класса имел большое значение для решения задач индустриализации. Вместе с тем рабочие нередко поддавались нереальным призывам, таким, как призывы выполнить пятилетку за четыре года или догнать и перегнать капиталистические страны. Стремление к установлению рекордов имело и оборотную сторону. Недостаточная подготовленность назначенных хозяйственных руководителей и неумение большинства рабочих освоить

новую технику порой приводили к ее порче и дезорганизации производства.

Итоги первой пятилетки можно рассматривать двояко. С одной стороны, в области промышленности страна в 1928–1932 гг. переживала большой подъем. Если в 1928 г. в СССР было произведено 3,3 млн т чугуна, то в 1932 г. – 6,2 млн т, по тракторам рост составил с 1,8 до 50,8 тыс. шт., по автомобилям – с 0,8 до 23,9 тыс. шт. Зато в области сельского хозяйства произошло явное понижение результатов, имевшихся в конце нэпа. Если в 1928 г. страна производила 4,9 млн т мяса и сала, то в 1932 г. лишь 2,8 млн т, соответственно по молоку показатели снизились с 31 до 20,6 млн т. Производство яиц упало с 10,8 до 4,4 млрд шт. В результате массовой коллективизации было «раскулачено» почти 15% крестьянства страны, причем его наиболее хозяйственного слоя. Завершение данного процесса привело страну к страшному голоду 1932–1933 гг., когда в мирное время умерло по разным подсчетам от 3 до 10 млн человек. Индустриализация проходила за счет снижения жизненного уровня городского населения, характерным показателем которого являлось существование в 1929–1933 гг. карточной системы снабжения населения.

Советское руководство сделало серьезные выводы из уроков первой пятилетки и на XVII Съезде ВКП(б) при обсуждении показателей второго пятилетнего плана (1933–1937) курс на дальнейшее форсирование экономического развития страны был подвергнут существенной корректировке. В области промышленности были утверждены более реальные задания по ежегодному росту производства, а в сельском хозяйстве предусматривалось лишь закрепление достигнутого уровня коллективизации. Произошло некоторое ослабление директивного давления на экономику, были реорганизованы органы управления ею.

Все это привело к тому, что, хотя вторая пятилетка в области промышленности, как и первая, не была выполнена в полном объеме, промышленность, тем не менее, в эти годы развивалась более динамично, чем в первой пятилетке. Производительность труда выросла на 64%.

Сельское хозяйство страны в годы второй пятилетки продолжало оставаться в сложном положении, хотя и стало выходить из кризиса. В эти годы был завершен процесс сплошной коллективизации,

так как к началу второй пятилетки в деревне сохранилось еще около 5 млн единоличных хозяйств. Произошел значительный рост посевных площадей, главным образом в восточных районах страны, где «раскулаченные» крестьяне осваивали целинные и залежные земли, повысилась урожайность полей. В результате, уже в 1935 г. в стране была отменена карточная система распределения продуктов.

Практическое проведение курса на коллективизацию выразилось в повсеместном создании новых колхозов. Из госбюджета выделялись значительные суммы на финансирование коллективных хозяйств. Им предоставлялись льготы в области кредита, налогообложения, снабжения сельхозтехникой. Принимались меры по ограничению возможностей развития кулацких хозяйств (ограничение аренды земли и т.д.). Непосредственное руководство колхозным строительством осуществлял секретарь ЦК ВКП(б) по работе в деревне В.М. Молотов. Был создан Колхозцентр СССР, возглавляемый Г.Н. Каминским.

В январе 1930 г. ЦК ВКП(б) принято постановление «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». В нем намечались жесткие сроки ее проведения. В основных зерновых районах страны (Среднее и Нижнее Поволжье, Северный Кавказ) ее должны были завершить к весне 1931 г., в Центральной Черноземной области, на Украине, Урале, в Сибири и Казахстане – к весне 1932 г. К концу первой пятилетки коллективизацию планировалось осуществить в масштабе всей страны.

Несмотря на принятое решение, Политбюро ЦК ВКП(б) и низовые партийные организации были намерены провести коллективизацию в более сжатые сроки. Началось «соревнование» местных властей за рекордно быстрое создание «районов сплошной коллективизации». В марте 1930 г. был принят Примерный устав сельскохозяйственной артели, в котором провозглашался принцип добровольности вхождения в колхоз, определялись порядок объединения и объем обобществляемых средств производства. Однако на практике эти положения повсеместно нарушались, что вызвало сопротивление крестьян. Поэтому многие первые колхозы, созданные весной 1930 г., быстро распались. Потребовалась отправка на село отрядов «сознательных» рабочих-партийцев («двадцатипяти тысячники»). Вместе с работниками местных парторганизаций и ОГПУ, переходя от уговоров к угрозам, они убеждали крестьян вступить в

колхозы. Для технического обслуживания вновь возникавших крестьянских производственных кооперативов в сельских районах организовывались машинно-тракторные станции (МТС).

В ходе массовой коллективизации была проведена ликвидация кулацких хозяйств (кулацкими считались хозяйства, применявшие наемный труд и машины с механическим приводом, а также занимающиеся торговлей). В 1929 г. на их долю приходилось 2,5–3% общего числа крестьянских дворов. В предшествующие годы осуществлялась политика ограничения их развития. С конца 20-х – начала 30-х годов прекращалось кредитование и усиливалось налоговое обложение частных хозяйств, отменялись законы об аренде земли и найме рабочей силы. Было запрещено принимать кулаков в колхозы. Все эти меры вызывали их протесты и террористические действия против колхозных активистов. В феврале 1930 г. был принят закон, определивший порядок ликвидации кулацких хозяйств. В соответствии с ним слой кулачества разделяли на три категории. В первую включались организаторы антисоветских и антиколхозных выступлений. Они подвергались аресту и суду. Наиболее крупных кулаков, отнесенных ко второй категории, надлежало переселять в другие районы. Остальные кулацкие хозяйства подлежали частичной конфискации, а их владельцы – выселению на новые территории из областей прежнего проживания. В процессе раскулачивания были ликвидированы 1–1,1 млн хозяйств (до 15% крестьянских дворов).

Ломка сложившихся в деревне форм хозяйствования вызвала серьезные трудности в развитии аграрного сектора. Среднегодовое производство зерна в 1933–1937 гг. снизилось до уровня 1909–1913 гг., на 40–50% уменьшилось поголовье скота. Это было прямым следствием насильственного создания колхозов и неумелого, а точнее бюрократизированного руководства присланных в них председателей. В то же время росли планы по заготовкам продовольствия. Вслед за урожайным 1930 г. зерновые районы Украины, Нижней Волги и Западной Сибири охватил неурожай. Для выполнения планов хлебозаготовок вновь вводились чрезвычайные меры. У колхозов изымалось 70% урожая, вплоть до семенного фонда. Зимой 1932–1933 гг. многие только что коллективизированные хозяйства охватил голод, от которого умерло по разным данным от 3 до 5 млн человек.

Экономические издержки коллективизации не остановили ее проведение. К концу второй пятилетки было организовано свыше 243 тыс. колхозов. В их составе находилось свыше 93% от общего числа крестьянских дворов. В 1933 г. была введена система обязательных поставок сельскохозяйственной продукции государству. Устанавливаемые на нее государственные цены были в несколько раз ниже рыночных. Планы колхозных посевов составлялись руководством машинотракторных станций, утверждались исполкомами районных Советов, затем сообщались сельскохозяйственным предприятиям. Вводилась натуральная оплата (зерном и сельхозпродуктами) труда механизаторов МТС; ее размеры определялись не колхозами, а вышестоящими инстанциями. Введенный в 1932 г. паспортный режим ограничивал права крестьян на передвижение. Административно-командная система управления колхозами, высокие размеры государственных поставок, низкие заготовительные цены на сельхозпродукцию тормозили экономическое развитие хозяйств.

Накануне войны в области экономики продолжала развиваться система государственного социализма – жесткого планирования, распределения и контроля во всех сферах хозяйственной деятельности. Были расширены полномочия Госплана, создан Наркомат государственного контроля. Укреплялись командно-административные методы управления, которые, несмотря на их недостатки, сыграли положительную роль в мобилизации экономических и людских ресурсов для отражения фашистской агрессии. Советское правительство провело серию экономических, военных, социально-политических и идеологических мероприятий для укрепления обороноспособности страны.

Развитие СССР определялось заданиями третьего пятилетнего плана (1938–1942), утвержденного XVIII Съездом ВКП(б) в марте 1939 г. Был выдвинут политический лозунг: догнать и перегнать по уровню производства продукции на душу населения развитые капиталистические страны. Эта установка была демагогической. Она исходила из сфальсифицированных и завышенных показателей итогов выполнения второго пятилетнего плана. Несмотря на несомненные успехи (в 1937 г. СССР по объему производства вышел на 2-е место в мире после США), промышленное (и особенно техническое) отставание от Запада не было преодолено. Наглядно проявились перекосы в экономике. Передовые позиции, достигнутые в

металлургической, химической, некоторых отраслях машиностроительной промышленности, сочетались с заметным отставанием в освоении новых технологий и особенно в выпуске предметов народного потребления. В легкой промышленности планы были выполнены на 40–60% и не отвечали уровню потребностей населения. Тяжелое положение наблюдалось и в сельском хозяйстве, где производство к 1938 г. резко снизилось по сравнению с концом 20-х годов.

Главные усилия в третьей пятилетке были направлены на развитие отраслей промышленности, обеспечивающих обороноспособность страны. Темпы их роста значительно превышали темпы роста промышленности в целом. К 1941 г. в этих отраслях концентрировалось до 43% общих капиталовложений.

В годы третьей пятилетки были осуществлены специальные военно-экономические мероприятия. На Урале, в Сибири, Средней Азии ускоренными темпами развивалась топливно-энергетическая база. Большое значение имело создание «второго Баку» – нового нефтедобывающего района между Волгой и Уралом. Обращалось особое внимание на металлургическую промышленность – основу военного производства. Был расширен и модернизирован Магнитогорский металлургический комбинат, завершено строительство Нижнетагильского. Были созданы так называемые «заводы-дублиеры» (филиалы заводов европейской части СССР) на Урале, в Западной Сибири и Средней Азии – в районах, находящихся вне пределов досягаемости авиации вероятного противника.

В сельском хозяйстве также учитывались задачи укрепления обороноспособности страны. Расширились посевы технических культур (сахарной свеклы и, в первую очередь, хлопка, необходимого для производства взрывчатых веществ), осуществлялись мероприятия по расширению посевных площадей и увеличению производства зерновых в Сибири и Казахстане. К началу 1941 г. были созданы значительные продовольственные резервы.

Глава 4. ПЕРИОД 1941–1965 гг.

Первые лица государства:

Сталин (Джугашвили)
Иосиф Виссарионович

Генеральный секретарь Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) ВКП(б) (КПСС – с 1952 г.)
Председатель Совета Народных Комиссаров (1941–1953)

Председатели Совета министров СССР:

Маленков Георгий Максимилианович

(1953–1955)

Булганин Николай Александрович

(1955–1958)

Хрущев Никита Сергеевич

(1958–1964)

Основные ошибки в управлении: вступление в Вторую мировую войну, ошибки в управлении в начале войны, дезорганизация, репрессии по отношению к руководителям промышленности и военачальникам. В конце периода нарастание бюрократизма – волонтеризм в управлении экономикой.

Основные результаты периода: кризис начался с момента нападения фашистской Германии. В экономике это привело к еще более жесткой централизации управления всеми отраслями и производствами. Первые полгода войны были самыми трудными для советской экономики. Промышленное производство сократилось более чем в два раза. Резко упало производство самолетов, танков, боеприпасов, поскольку основные мощности по их производству в это время перебрасывались на восток страны. Эвакуация промышленных мощностей, воссоздание практически второй индустрии на Урале, в Сибири, Средней Азии, Казахстане, что послужило материальной основой победы в Великой Отечественной войне.

После окончания войны осуществлено скорейшее восстановление народного хозяйства. Налажено массовое строительство жилья, что позволило переселить большую часть населения из барачных. Организовано восстановление сельского хозяйства. В результате реформы 1957 г. с образованием совнархозов – региональных экономических правительств – была преодолена чрезмерная централизация управления. И это в условиях «холодной войны» и возрастающего напряжения в последующие десятилетия. Конфронтация между враждующими блоками характеризовалась борьбой на экономическое истощение стран.

4.1. Советская экономика в годы Великой Отечественной войны

Начавшаяся война в Европе заставляла советское руководство уделять больше внимания проблемам вооруженных сил. В 1940 году ассигнования на военные нужды составили 32,6% расходной части государственного бюджета. С 1 сентября 1939 года по 22 июня 1941 года численность Красной армии увеличилась более чем в 2,8 раза и достигла 5374 тыс. человек. Перед самой войной завершился переход к единой кадровой системе комплектования войск, и это был большой шаг вперед, поскольку после гражданской войны в стране еще сохранялись территориальные воинские формирования, в которых рядовые военнослужащие получали подготовку во время краткосрочных сборов.

Германия, оккупировав к 1941 году большую часть европейских стран, поставила их экономический потенциал под свой контроль. Ее совокупная промышленная мощь к началу войны в 1,5 раза превышала советскую.

Большие проблемы имелись в техническом оснащении армии. До середины 1930-х годов на вооружении было много дореволюционного оружия (винтовок, гаубиц), а также оружия иностранного производства (тяжелых пулеметов «Максим» и «Кольт», танков фирмы «Рено» и пр.). Начавшееся в годы первых пятилеток переоснащение армии шло очень медленно. Советская промышленность запаздывала с введением в серийное производство новых видов самолетов, танков и артиллерии. Тем не менее, техническая оснащенность Красной армии постепенно повышалась. За три с половиной предвоенных года в СССР было выпущено около 23 тыс. боевых самолетов, в том числе 9690 бомбардировщиков и почти 13 тыс. истребителей. 2739 боевых машин были новой конструкции. К середине 1941 года у западных границ удалось сосредоточить больше половины всей советской авиации, причем здесь размещались наиболее боеспособные соединения и части. Авиационные силы Советского Союза превосходили силы противника более чем в два раза.

Еще заметнее была разница в танковых силах. К июню 1941 года в Красной армии насчитывалось свыше 22 тыс. танков, из которых почти 2 тыс. – танки новых образцов Т-34 и КВ, причем основная часть их была сосредоточена в западных военных округах. Гер-

мания для нападения на СССР смогла выставить 3582 танка и штурмовых орудия. У советских танков были более мощные пушки, они могли развивать более высокую скорость. Значительные преимущества имела и советская артиллерия. Германские войска имели заметное преимущество лишь в автоматическом оружии и оснащении автомашинами.

К середине 1941 года в западных военных округах находилось более половины всех сил и средств Красной армии. При надлежащей организации и подготовке они могли бы отразить вражеское наступление, но этого не произошло. И дело здесь не столько во внезапном нападении, на что обычно ссылаются, к тому же о внезапности нападения можно говорить лишь условно.

Огромный ущерб боевой готовности Красной армии нанесли репрессии среди офицеров среднего и высшего командного состава. Всего за 1,5 года (с мая 1937 по сентябрь 1938 года) было репрессировано и по большей части физически уничтожено свыше 40 тыс. командиров Красной армии. До июня 1941 года эта цифра как минимум удвоилась. Расстрелы командиров продолжались даже в октябре 1941 года, когда бои шли на ближних подступах к Москве.

Руководство армии состояло либо из военачальников, чьи представления о ведении боевых действий застыли на уровне Первой мировой и гражданской войн, либо из малоопытных командиров, выдвинутых на освободившиеся должности в ходе бесконечных «чисток». В руководстве вооруженных сил почти не осталось людей, которые могли бы настаивать на применении передовых военных идей, на техническом перевооружении Красной армии.

Результатом этого стали серьезные ошибки в разработке советской военной доктрины, в оценке характера начального этапа войны. Советские военные руководители были уверены, что главный удар в будущей войне Германия нанесет по Украине и далее по Кавказу. Политическое руководство страны упорно не реагировало на многочисленные источники информации об агрессивных планах Германии в отношении СССР и даже не приняло во внимание предупреждения наших разведчиков о точной дате нападения Германии. Боясь нарушить пакт о ненападении, советское руководство не дало команды в нужный момент привести войска в состояние боевой готовности. Последствия этого оказались трагическими для Красной армии и для всей страны. 22 июня 1941 года советские

войска были застигнуты врасплох. В первые же часы и дни противник нанес мощные удары по западным военным соединениям, уничтожив огромное количество живой силы и техники. До декабря 1941 года СССР потерял убитыми, без вести пропавшими и пленными 7 млн человек, около 22 тыс. танков, до 25 тыс. самолетов. По плану «Барбаросса» Германия предполагала стремительно захватить важные центры страны и до наступления зимы выйти на линию Архангельск – Волга – Астрахань. Успехи Германии в первые годы войны определялись лучшей, чем в Красной армии, системой организации и управления войсками.

Ранее уже говорилось, что первые полгода войны были самыми трудными для советской экономики. Промышленное производство сократилось более чем в два раза, прокат черных металлов – в три раза, цветных металлов – в 430 раз, производство шарикоподшипников – в 21 раз и т.д. Резко сократилось производство самолетов, танков, боеприпасов, поскольку в это время основные мощности по их производству перебрасывались на восток страны.

В это тяжелое время достаточно оперативно и энергично проявила себя сверхцентрализованная директивная система управления. Под чрезвычайно жестким руководством Государственного комитета обороны (ГКО), созданного 30 июня 1941 года, была проведена эвакуация заводов, фабрик и осуществлен перевод гражданского сектора экономики на военные рельсы. Из прифронтальной зоны было вывезено в Поволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан 2593 предприятия, которые сначала размещались под открытым небом, в школах, театрах и других непригодных помещениях. Но далеко не все удалось вывезти, многие заводы и фабрики, склады с продовольствием, скот, транспортные средства попали в руки врага.

Предприятия, вывезенные на восток, сравнительно быстро начали выпускать продукцию для фронта. В условиях суровой зимы 1941-1942 гг. выросли новые заводы, многие из которых уже через четыре-шесть месяцев работали на полную мощность, а к середине 1942 года удалось полностью запустить эвакуированное оборудование и обеспечить рост производства в отраслях тяжелой промышленности. К 1945 г. уже около половины металла выпускалось на уральских заводах, тогда как в 1940 году – всего 20%.

В целом, несмотря на большое неравенство экономического потенциала СССР и Германии к началу войны, советская экономика в этот период оказалась более эффективной. За все военные годы в СССР было выпущено почти вдвое больше военной техники и вооружений, чем в Германии.

Безусловно, основная заслуга в этом принадлежит рабочим, крестьянам, всем гражданам страны, которые проявляли повсюду трудовой героизм. С первых же дней войны резко сократились людские ресурсы. Осенью 1942 года они приблизились к критической черте. К этому времени была оккупирована территория, на которой до войны проживало почти 80 млн человек, или 42% всего населения страны, и только примерно 17 млн человек смогли эвакуироваться. Значительная часть мужского населения ушла на фронт. На их место добровольно встали женщины, подростки, пожилые люди, которым в тяжелых условиях пришлось работать кочегарами, кузнецами, в угольных шахтах, в металлургическом производстве и т.д. Удельный вес женщин среди работающих в промышленности вырос с 38% в 1940 году до 53% в 1942, а молодежи в возрасте до 18 лет – с 6 до 15%. Рабочий день фактически продолжался 10–14 часов, люди работали чаще всего без выходных. Все отпуска на время войны были отменены.

С февраля 1942 года стала проводиться плановая мобилизация на промышленные предприятия и стройки среди трудоспособного городского населения, включая 14-летних подростков, которых наскоро обучали какой-либо профессии и ставили к станкам наравне со взрослыми. Позже эта система распространилась и на сельское население.

Наряду с людскими потерями во время боевых действий (убитыми, ранеными, попавшими в плен) в годы войны продолжала действовать чудовищная система ГУЛАГа, где пребывало огромное количество людей, объявленных «врагами народа». Общее количество заключенных к началу войны достигло 2,3 млн человек. За 1941–1944 гг. в ГУЛАГ прибыло 2,55 млн человек, а убыло 3,4 млн человек, в том числе в армию – 900 тыс. (в первые два года войны). Труд заключенных применялся в промышленности, строительстве, в шахтах, рудниках, на лесозаготовках. За 1941–1944 гг. в системе НКВД было добыто 315 т золота, 6,5 тыс. т никеля, 8,9 млн т угля и т.д.

С довоенного времени немалое количество ученых, инженеров, конструкторов трудилось в научно-технических тюрьмах – так называемых «шарашках», где, как правило, создание заданных экземпляров техники (проектов) было условием освобождения заключенных научно-технических работников. Такая форма организации, тем не менее, обеспечила создание в короткие сроки надежной советской боевой техники высокого качества. Например, на фирме «Мессершмит» на создание проекта штурмовика требовалось 6 лет. В «шарашке» В. Петляков создал аналогичный проект ПЕ-2 за 1,5 года, ставший в последующем самым массовым бомбардировщиком Великой Отечественной войны. Такие выдающиеся конструкторы военной техники, как Н. Поликарпов, А. Туполев, С. Королев, В. Петляков и др., прошли через эти организации. В последующем многие из них награждались государственными премиями и учеными званиями вплоть до академиков. Результатами работы «шарашек» были также ТУ-2, который стал лучшим советским фронтовым бомбардировщиком. Заключенные-инженеры создавали и артиллерию: за годы войны было выпущено более 10 тыс. разработанных ими пушек М-42, а также более 4,5 тыс. гаубиц МЛ-20 – одной из лучших в мире за всю историю. Бесчеловечно или эффективно – до сих пор ведутся споры об этой форме организации НИР и ОКБ в предвоенный и военный периоды. С точки зрения организационных и управленческих процессов «шарашки» обеспечивали более плотный контроль за процессом достижения цели, большую сосредоточенность на решении поставленной задачи, оперативное обеспечение всех нужд научного коллектива со стороны государства.

В ноябре 1941 года были воссозданы политотделы в МТС и совхозах, а также учрежден институт уполномоченных ГКО и парторгов ЦК ВКП(б) на предприятиях всех отраслей промышленности. Зачастую параллельное существование партийных и государственных органов управления осложняло экономическую жизнь страны, создавало неразбериху и суету, приводило к ошибкам и некомпетентным решениям, очковтирательству и припискам.

Поскольку основные материальные ресурсы шли на военные нужды, экономическое положение советских людей было очень тяжелым. Карточная система снабжения, введенная в самом начале войны, обеспечивала городское население продуктами питания

лишь в минимальной степени. Существовало несколько категорий при распределении продуктов. Наиболее высокие нормы были установлены для рабочих, занятых в добывающей и химической промышленности, металлургии, на военных заводах. Они снабжались по первой категории: от 800 г до 1–1,2 кг хлеба в день. В других отраслях производства рабочие были отнесены ко второй категории и получали по 500 г хлеба. Служащие получали по 400–450 г, иждивенцы и дети до 12 лет – по 300–400 г. По обычной норме в месяц выдавали на одного человека 1,8 кг мяса или рыбы, 400 г жиров, 1,3 кг крупы или макарон, 400 г сахара или кондитерских изделий. Существовали также повышенные и сверхповышенные нормы.

Однако карточное распределение постоянно давало сбои, люди стояли в больших очередях, чтобы отоварить карточки и зачастую ничего на них не могли получить. На рынках цены были очень высокими, и большинство населения не могло покупать там продукты. Практически вся заработная плата городских жителей уходила на покупку продовольствия. Нередко горожанам приходилось отправляться в деревню, чтобы обменять одежду, обувь и другие вещи на продукты.

Предприятиям и учреждениям выделялись колхозные земли для выращивания на них овощей и картофеля для обеспечения дополнительного питания своих сотрудников. Рабочие и служащие могли получить участки под огороды, и урожай с этих огородов становился основным источником питания для сотен тысяч семей в годы войны и после. Что же касается одежды, обуви, тканей, то эти товары в магазинах купить было просто невозможно. Как правило, на предприятиях и в учреждениях выдавали ордера на покупку этих вещей, что случалось крайне редко.

Значительно осложнилась жилищная проблема, особенно там, куда была направлена основная масса эвакуированных людей: в Средней Азии, Казахстане, на Урале, в Сибири. Люди ютились в невероятно тесных помещениях, бараках, с позиции сегодняшнего дня зачастую не приспособленных для проживания. Было сложно купить дрова или уголь для отопления жилья.

Невероятные трудности испытывало в военные годы сельское хозяйство. Для нужд армии были мобилизованы трактора, автомашины, лошади. Деревня осталась практически без тягловой силы. Почти все трудоспособное мужское население было на фронте, в

госпиталях, в плену. В деревнях оставались дети, старики, женщины, инвалиды. Но стране нужно было продовольствие, поэтому крестьяне работали на пределе своих возможностей. Пахали на коровах, иногда и сами люди впрягались в плуг, большинство работ выполнялось вручную.

Почти весь урожай колхозы и совхозы должны были сдавать государству в счет обязательных поставок. Их уровень нередко определялся не на основе реальных данных об урожае, а примерно на 20–25% выше этих данных. За невыполнение планов руководителям хозяйств грозило строгое наказание, вплоть до тюремного, как за саботаж. После выполнения плана поставок государству в хозяйствах часто не оставалось зерна для посевов. За годы войны катастрофически упала производительность сельского хозяйства. Сбор зерновых в 1942 и 1943 годах составил всего 30 млн т по сравнению с 95,5 млн т в 1940 году. поголовье крупного рогатого скота сократилось вдвое, свиней – в 3,6 раза.

Поскольку на сельское население не выдавались карточки, деревенские жители выживали только за счет приусадебных участков. Выращенные на них продукты использовались для собственного потребления, а также для продажи на рынках или обмена у городских жителей на потребительские товары.

Однако, несмотря на огромные жертвы и лишения, советский народ выступил против захватчиков сплоченно и монолитно, проявляя беспримерное мужество и героизм на фронтах, в тылу, за линией фронта. Во всех областях, оккупированных врагом, создавались партизанские отряды, проводившие диверсионную и подпольную работу, не давая поставить на службу фашистам экономический потенциал, оказавшийся в их руках.

В тылу многие тысячи советских людей разных национальностей постоянно откликались на призывы о помощи воинам. По всей стране проходили сборы пожертвований в пользу фонда обороны Родины и фонда Красной армии. Люди добровольно сдавали вещи, семейные ценности, облигации государственных займов, теплую одежду, отчисляли в эти фонды часть своей заработной платы. По стране собирались средства на строительство танковых колонн и самолетов. За счет населения были построены и переданы в армию более 2,5 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков, артилле-

рийских орудий, более 20 подводных лодок и военных катеров и многое другое.

Население страны проявляло постоянную заботу о здоровье бойцов Красной армии. Повсеместно люди дежурили в госпиталях, на железнодорожных вокзалах, в речных портах, куда поступали раненые. Школьники организовывали выступления в госпиталях с концертами. Более 5,5 млн человек регулярно сдавали свою кровь, необходимую для лечения раненых. Все это подтверждало единство фронта и тыла, которое опиралось на глубокое чувство патриотизма и государственного самосохранения, осознанное народами страны в годы смертельной опасности, нависшей над страной.

Говоря о факторах, сыгравших заметную роль в победе, нельзя обойти молчанием и внешний фактор. Сразу же после начала войны правительства Великобритании и США выступили с поддержкой Советского Союза в его борьбе с фашизмом. 12 июля 1941 года в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против Германии и ее союзников, что послужило началом формирования антигитлеровской коалиции. 2 августа 1941 года было заключено военно-экономическое соглашение с США, а в октябре 1941 года – тройственное соглашение о снабжении Советской армии оружием, военной техникой и стратегическими материалами. Данное соглашение немедленно вступило в силу, и уже в битве под Москвой участвовали в боях танки, самолеты, прибывшие из-за океана.

С октября 1941 до середины 1942 года в Советский Союз было отправлено из Англии 16 конвоев военных кораблей через Северное море в Мурманск. Они доставили самолеты, танки, автомашины, бензин и пр. К сожалению, из-за огромных потерь конвой пришлось отменить, и основные грузы стали поступать через Дальний Восток.

Усилению военной мощи Советского Союза способствовали поставки из США, осуществленные в соответствии с законом о ленд-лизе (официально он назывался «Акт содействия обороне США»), по которому происходила передача взаймы или в аренду вооружения, боеприпасов, продовольствия и др. Помощь по ленд-лизу составила заметную часть советского военного потенциала: самолетов – около 10%, танков и самоходно-артиллерийских установок – 12%, орудий – около 2%. Особенно значительным было количество полученных автомобилей («джипов», «студебеккеров») –

401,4 тыс. единиц, что в пять с лишним раз больше, чем было изготовлено в СССР. В Советский Союз поступило почти 2,6 млн т нефтепродуктов, 422 тыс. полевых телефонов, свыше 15 млн пар обуви (в основном солдатских сапог), почти 70 млн м шерстяных тканей, 4,3 млн т продовольствия. Общая стоимость поставок по ленд-лизу составила с учетом транспортных поставок и услуг около 11 млрд долл.

Всего же за время войны СССР получил от союзников 18,7 тыс. самолётов, 10,8 тыс. танков, 9,6 тыс. артиллерийских орудий, 44,6 тыс. металлорежущих станков, 517,5 тыс. т цветных металлов, 1860 паровозов, 11,3 тыс. железнодорожных платформ, большое количество консервов, медикаментов, одежды и т.д. [22].

Исторический опыт титанической деятельности миллионных масс по эффективной перестройке экономики СССР уникален и поучителен в мировой истории, его уроки имеют неоценимое значение для исторического осмысления трансформации системы управления и преобразований в современных условиях России.

Основой побед Советских Вооруженных сил являлись рост военно-экономической мощи Советского Союза, героическая работа всего народа. Уже 25 марта 1945 года ЦК ВКП(б) и СНК СССР утвердили Государственный план восстановления и развития народного хозяйства на 1945 год, который предусматривал полное обеспечение потребностей Красной Армии, хотя в целом удельный вес производства военной промышленности сократился. Военные расходы продолжали занимать значительное место, однако по сравнению с предшествовавшим годом они сократились с 52,2 до 42,9% всех расходов государства.

С начала 1945 года еще шире развернулось Всесоюзное социалистическое соревнование, стимулировавшее развитие технического прогресса и повышение производительности труда. Исключительно большое значение имело внедрение опыта новаторов. Только в танковой промышленности широкое применение передового опыта фронтовой бригады Е.П. Агаркова позволило за четыре с половиной месяца высвободить 6087 человек, а по 23 областям около 19 тыс. квалифицированных рабочих. Большое распространение получило соревнование среди колхозников, работников совхозов и МТС. Весной в него включилось 22 450 тракторных бригад.

Людские утраты в ВОВ были трагически колоссальными. Общие людские потери составили 26,6 млн человек. Безвозвратные потери списочного личного состава советских Вооруженных сил (убиты, умерли от ран или не вернулись из плена) за годы войны с учетом Дальневосточной кампании составили 8,7 млн человек, в том числе армии и флота – 8,5 млн, пограничных войск КГБ СССР – 0,6 млн чел., внутренних войск МВД СССР – 98 тыс. человек. На момент начала войны в Красной армии находились 4,8 млн военнослужащих, 75 тыс. сотрудников других ведомств, стоящих на довольствии министерства обороны. За все время войны было мобилизовано 29,5 млн чел. К 1 июля 1945 года в армии находились 11,4 млн человек, в госпиталях на лечении – 1,046 млн человек. При этом потери Германии составили около 6 млн, их союзников – 806 тыс. человек [29].

Из приведенных данных ясно, что главной жертвой войны было гражданское население: $26,6 - 8,7 = 17,9$ млн. Это вполне согласуется с задачами Гитлера, изложенными в книге «Майн кампф» как освобождение территорий России от «неполноценного» населения.

Воевали вполне прилично. Превышение военных потерь, скорее всего, было в начале войны и в бездумных, неграмотных с точки зрения стратегии наступательных операциях начала войны.

В первом полугодии 1945 г. значительные результаты были достигнуты в промышленности. Ускоренными темпами продолжала развиваться энергетика. Успехи в области строительства и восстановлении энергетической промышленности СССР позволили увеличить выработку электроэнергии. По сравнению со вторым полугодием 1944 года производство в стране основных видов промышленной продукции значительно выросло. Так, было добыто угля больше на 8,6%, железной руды на 15,4%, выпуск чугуна увеличился на 5%, стали на 1,7%, проката на 5,1%.

На развитии сельского хозяйства и других отраслей сказались тяжелые последствия вражеского нашествия и, прежде всего, тяжелый урон, нанесенный гитлеровцами сельскохозяйственным районам европейской части страны. В разоренных, сожженных, разграбленных деревнях повсеместно не хватало рабочих рук, особенно механизаторов, а также машин, техники, скота, семян, удобрений. Восстановление сельского хозяйства на освобожденной от врага территории проходило с огромными трудностями. Однако благо-

даря колоссальному труду (в основном женщин, стариков и подростков), активной помощи рабочих сельское хозяйство постепенно набирало силу.

Успехи в восстановлении народного хозяйства страны позволили Советскому государству уже в 1945 году увеличить производство машин, горючего и минеральных удобрений для сельского хозяйства. Несмотря на позднюю весну, труженики села организованно провели посевную кампанию. При этом впервые за годы войны колхозники сумели выполнить государственный план сева яровых, а работники совхозов даже перевыполнили его. Самоотверженный труд советского крестьянства, усилие механизации в сельском хозяйстве позволили довести посевные площади в последний военный год до 113,8 млн га, что составило 75% посевных площадей 1940 года.

Великая победа Советского Союза над фашистской Германией оказалась возможной благодаря тому, что СССР превзошел ее не только в военном, но в экономическом и морально-психологическом противостоянии. Мощная экономика, которая создавалась упреждающе неимоверными усилиями и жертвами народа в 30-х годах, послужила материальной базой победы.

4.2. Восстановление народного хозяйства в послевоенные годы

С окончанием Второй мировой войны перед страной встали задачи восстановления разрушенного хозяйства и переориентации его на мирное развитие экономики.

В ходе войны народному хозяйству СССР был нанесен колоссальный ущерб. На временно оккупированных территориях разрушены тысячи городов и сел, десятки тысяч производственных предприятий, большой урон понесло сельское хозяйство. Безвозвратная потеря – гибель почти 27 млн советских людей (около 20% от всего населения страны), наиболее активной и работоспособной части населения.

Материальный ущерб, причиненный СССР, составил в ценах 1941 г. 679 млрд руб. Из них на долю государственных предприятий и учреждений приходилось 287 млрд руб., колхозов – 181, сельских и городских жителей – 192, кооперативных, профсоюзных и других общественных организаций – 19 млрд руб. В названную сумму не вошли потери, обусловленные снижением национального дохода в

результате прекращения или сокращения объема работы государственных и кооперативных предприятий, стоимость конфискованных германскими войсками продовольствия и предметов снабжения, военные расходы СССР и т.д.

Еще предстоит проанализировать эффективность экономического обеспечения обороны до начала войны, подсчитать, во что обошлось отступление нашей армии, перебазирование производительных сил страны, сравнить материальные потери участвовавших в войне государств.

Стратегия послевоенного развития народного хозяйства заключалась не только в ликвидации нанесенного войной ущерба и достижении довоенного уровня народного хозяйства, но и дальнейшем подъеме производительных сил. При переходе к мирному строительству руководство страны вновь вернулось к разработке пятилетних планов как основной форме планирования. Задачи, стоявшие перед страной в тот период, получили конкретное отражение в плане четвертой пятилетки. «Основная хозяйственно-политическая задача пятилетнего плана СССР на 1946–1950 гг., – отмечал в Докладе на первой сессии Верховного Совета СССР 15 марта 1946 года председатель Госплана СССР Н.А. Вознесенский, – состоит в том, чтобы восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах».

За годы четвертой пятилетки предстояло увеличить по сравнению с довоенным уровнем производство промышленной продукции в 1,5 раза, восстановить и развить тяжелую промышленность и железнодорожный транспорт. Уже в 1946 г. предусматривалось завершение послевоенных преобразований народного хозяйства и использование производственных мощностей военной промышленности для дальнейшего развития экономики.

Не менее важно было восстановить сельское хозяйство и промышленность, производящую предметы потребления. За военные годы производство предметов потребления особенно сократилось. Объем промышленных товаров группы «Б» (предметов потребления) составил в 1945 г. 59% от довоенного уровня, продукции сельского хозяйства 60% и розничного товарооборота 45%. Необходимо было ускоренными темпами развивать данные отрасли, чтобы превзойти довоенный уровень народного потребления: отменить кар-

точную систему, снизить цены на товары. Это в свою очередь потребовало проведения денежной реформы.

Следующей по важности задачей стало обеспечение технического прогресса во всех отраслях народного хозяйства как обязательного условия резкого подъема производства и повышения производительности труда. Для дальнейшего развития народного хозяйства большое значение имели высокие темпы накопления в целях увеличения централизованных капиталовложений.

Практически сразу после окончания Второй мировой войны началась так называемая «холодная война». Бывшие союзники СССР, преследуя собственные политические и экономические цели, вначале скрытно, а затем и открыто стали в позицию противника СССР. Последующие десятилетия конфронтация между враждующими блоками характеризовалась борьбой на экономическое истощение. Поэтому ключевая роль в четвертом пятилетнем плане и во многих последующих планах принадлежала повышению обороноспособности СССР, оснащению Вооруженных Сил новейшей военной техникой и укреплению военно-экономической мощи СССР.

Таким образом, четвертый пятилетний план был традиционным продолжением предыдущей стратегии руководства страны, намеченной XVIII Съездом ВКП(б). На первом месте было приоритетное развитие тяжелой и оборонной промышленности, что автоматически ограничивало рост отраслей легкой промышленности и социально-культурное развитие. Реализация грандиозных задач послевоенного восстановления экономики увеличивала разрыв между социальными и народнохозяйственными проблемами, отдельным человеком и обществом в целом. Человек продолжал оставаться средством достижения теперь уже не военных, а послевоенных хозяйственных целей. Между тем он был достоин стать, наконец, целью общественного развития, на которой замыкалось бы все экономическое развитие общества.

К сожалению, в те годы это было невозможно. Победа, сохранив и упрочив независимость СССР, одновременно укрепила диктаторский режим, или, как нынче принято говорить, командно-административную систему, распространив ее влияние за пределы нашей страны. Восстановление и развитие производительных сил происходило в экстремальных условиях путем дальнейшей мобилизации человеческих сил и материальных средств. Народу-победителю был предложен очередной экономический рывок из военной разрухи после Вели-

кой Отечественной войны, так же как и в 30-е гг. из разрухи гражданской войны. При этом естественные потребности народа экономикой удовлетворялись во вторую или даже третью очередь.

По имеющимся данным послевоенный пятилетний план по развитию народного хозяйства был в основном выполнен, а по производству национального дохода, объему капитальных вложений, валовой продукции промышленности, машиностроения, основным изделиям других отраслей тяжелой индустрии, грузообороту железных дорог даже перевыполнен. Так, производство национального дохода увеличилось к концу пятилетки по сравнению с 1945 г. почти в 2 раза, валовой продукции промышленности – в 1,9, сельского хозяйства – в 1,6, грузооборот всех видов транспорта – в 1,9 раза.

Благодаря восстановлению, реконструкции и строительству новых предприятий в послевоенные годы была значительно расширена материально-техническая база народного хозяйства; пятилетний план по капитальному строительству в народном хозяйстве перевыполнен на 22%; капитальные вложения на восстановление и развитие народного хозяйства в 1946–1950 гг. в 2,3 раза превысили вложения довоенных лет третьей пятилетки.

Такие масштабы капитальных вложений обеспечивали быстрое восстановление народного хозяйства. В 1946–1950 гг. в СССР не было экономических районов, где бы ни осуществлялось крупное капитальное строительство. Но основные вложения направлялись на восстановление районов, освобожденных от немецкой оккупации, а также на развитие восточных районов страны. Большую роль в быстром восстановлении промышленных предприятий сыграли индустриально развитые восточные районы – Урал, Сибирь, Казахстан.

Большая часть капитальных затрат в промышленность восточных районов направлялась на завершение объектов, строительство которых началось во время войны и в довоенные годы, а также на переоборудование заводов на выпуск мирной продукции.

В четвертой пятилетке было построено, восстановлено и введено в действие 6200 крупных промышленных предприятий. Основные фонды народного хозяйства возросли в 1950 г. по сравнению с 1940 г. на 23%, в том числе основные производственные фонды – на 34%, из них промышленные – на 58%. Основным направлением в экономике послевоенных пятилеток являлось восстановление и дальнейшее развитие промышленности, прежде всего отраслей,

производящих средства производства. В 1950 г. производство промышленной продукции на 73% превысило уровень 1940 г.

Среднегодовые темпы прироста валовой продукции промышленности составили 13,6%, причем производство средств производства (группы «А») – 12,8% и производство предметов потребления (группы «Б») – 15,7%. Наметилось увеличение среднегодовых абсолютных приростов и темпов роста основных видов промышленной продукции. Среднегодовой абсолютный прирост электроэнергии в четвертой пятилетке составил 9,6 млрд кВт/ч, по сравнению с 4,0 млрд кВт/ч за три предвоенных года, а среднегодовой темп роста электроэнергии повысился с 10,1 до 16,1%. Среднегодовой прирост добычи угля вырос с 12,7 до 22,4 млн т, а среднегодовой темп прироста – с 9,1 до 11,8%. Среднегодовой прирост выплавки стали составил 3,0 млн т по сравнению с 0,2 млн т, а среднегодовой темп прироста – 17,4 вместо 1,1%. В итоге четвертой пятилетки произошло изменение структуры промышленного производства: увеличился удельный вес группы «А», валовая продукция которой в 1950 г. превысила довоенный уровень более чем в 2 раза. Наибольших результатов достигли отрасли машиностроения.

В довоенные годы и годы войны тяжелая индустрия и машиностроение явились ключевым звеном решения народно-хозяйственных и военных проблем. Такая роль сохранилась за ними и в дальнейшем. В послевоенные годы данные отрасли должны были обеспечить выполнение главных задач четвертой пятилетки. От машиностроения зависело техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства, обеспечение их оборудованием и машинами, оснащение новейшей военной техникой армии.

Рост машиностроительной продукции в четвертой пятилетке существенно обгонял рост продукции всей промышленности. По значительному числу машин довоенный уровень их выпуска был достигнут и превзойден уже в 1948 г., а в 1950 г. продукция машиностроения превысила его в 2,3 раза. По сообщению Госплана СССР и ЦСУ СССР «Об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946–1950 гг.», отрасли машиностроения в основном обновили номенклатуру изготавливаемой продукции, что обеспечило дальнейшее развитие всех отраслей народного хозяйства.

Восстановление и развитие тяжелой индустрии создали базу для соответствующего подъема производства предметов потребления. В четвертой пятилетке восстанавливались текстильная, швейная, трикотажная, обувная и другие отрасли легкой промышленности. Но их продукция увеличилась в 1950 г. по сравнению с 1940 г. лишь на 17%.

Выпуск предметов потребления резко отставал от потребностей общества. Основная часть ресурсов направлялась на восстановление и развитие производства средств производства. Объяснялось такое положение прежде всего отсутствием в тот период материальных возможностей одновременно ускоренными темпами восстанавливать тяжелую промышленность и развивать производство предметов потребления.

Социальные вопросы отодвигались на второй план, что еще более утверждало остаточный принцип развития социальной сферы. Основными причинами отставания производства предметов потребления служили медленный рост сельского хозяйства, недостаточность сырья для легкой и пищевой промышленности. Война усугубила это отставание, которое существовало и в довоенной экономике. Надо сказать, что эта тенденция, усиленная гипертрофированным развитием тяжелой промышленности, еще больше укрепилась после войны.

В послевоенный период также необходимо было восстановить сельское хозяйство, решить задачи его дальнейшего развития, что было несравнимо сложнее, чем в промышленности. Сказались огромные потери сельхозугодий, сильная засуха 1946 г., недостаточное количество трудоспособного населения, слабая техническая оснащенность и главное – прежняя, довоенная его организация, при которой отсутствовали материальные стимулы. Поэтому довоенного уровня удалось достичь лишь в 1950 г. Поскольку организация сельскохозяйственного производства не изменилась, его отставание не было преодолено и в последующие годы.

Произошли изменения в распределении населения, занятого в народном хозяйстве страны. Удельный вес занятого населения в промышленности и строительстве повысился с 23% в 1940 г. до 27% в 1950 г., в сельском хозяйстве соответственно снизился с 54% до 48%. Доля занятых в просвещении, здравоохранении, науке и искусстве возросла незначительно: с 6% в 1940 г. до 8% в 1950 г.

За 1946–1950 гг. системой государственных трудовых резервов было подготовлено 3,4 млн квалифицированных рабочих, хотя по

плану намечалось 4,5 млн человек. Темпы подготовки квалифицированных кадров для угольной, металлургической и нефтяной промышленности были в 2–4 раза выше, чем в среднем для промышленности.

В годы четвертой пятилетки наряду с другими решались задачи социального развития. Этому способствовали рост национального дохода, его перераспределение в пользу потребления и накопления за счет сокращения военных расходов, развитие промышленности, восстановление сельского хозяйства. Но остаточный подход к проблемам социальной сферы, сложившийся после перелома конца 20-х – начала 30-х годов и ставший принципом директивной экономики, продолжал действовать и после войны.

Тем не менее, к началу 50-х годов общая сумма доходов рабочих, служащих и крестьян увеличилась по сравнению с 1940 г. на 62% (в сопоставимых ценах). Однако социальное обеспечение в послевоенный период касалось по-прежнему рабочих и служащих. В конце 40-х – начале 50-х годов отпуска, оплату временной нетрудоспособности, выплаты при рождении ребенка имели рабочие и служащие (60–65% работающих страны). Перед войной их было 50%.

В 1947 г. отменена карточная система снабжения населения и осуществлен переход к торговле по единым ценам. В том же году проведена денежная реформа. Рост реальных доходов населения обеспечивался снижением розничных цен на товары массового потребления. В течение 1947–1950 гг. 3 раза снижались цены. По сравнению с уровнем цен, действовавших в IV квартале 1947 г., розничные цены с 1 марта 1950 г. были снижены на 47%. Произошло почти трехкратное увеличение выплат и льгот за счет государства. Однако и в середине 50-х годов средний уровень государственных розничных цен был в 1,5–2 раза выше по сравнению с концом 30-х годов и в 8 раз выше, чем в конце 20-х. Розничные цены превышали цены рынка до начала индустриализации в 4–5 раз.

Зарплата рабочих и служащих повышалась таким образом, что рост ее номинальной величины не всегда соответствовал росту цен. Оплата труда в большинстве колхозов являлась вообще символической, как и поступления от личного подсобного хозяйства.

В послевоенный период развернулось жилищное строительство. В городах и рабочих поселках во второй половине 40-х – начале 50-х годов было построено и восстановлено жилых домов общей площадью свыше 100 млн м², в сельских местностях – 2700 тыс.

жилых домов. Но несмотря на это, на каждого горожанина приходилось всего 6 м² полезной площади и преобладающим типом жилища долгое время оставались бараки и коммунальные квартиры.

В годы послевоенной пятилетки наблюдалось дальнейшее развитие здравоохранения, науки, искусства и культуры. Произошло значительное увеличение числа учащихся в школах, средних специальных учебных заведениях и вузах.

Восстановление и последующее развитие народного хозяйства в послевоенный период происходило при дальнейшем усилении плановой хозяйственно-организаторской роли Советского государства. Государственный Комитет Обороны был упразднен, так как выполнил свои задачи в военный период, но централизм и диктат центра во всей их полноте сохранились. Были расширены функции Совета министров СССР и Госплана СССР. Обосновывалась необходимость усиления централизации планирования, вызванная чрезвычайным положением в народном хозяйстве и форсированием задач послевоенного восстановления экономики.

В постановлении ЦК ВКП(б) от 15 декабря 1947 г. отмечалось, что ход развития руководства народным хозяйством потребовал выделить три основные функции государственного руководства народным хозяйством, а именно: 1) планирование народного хозяйства, 2) материально-техническое снабжение, 3) внедрение новой техники в народное хозяйство и контроль за выполнением народно-хозяйственных планов. В этой связи были образованы Государственный комитет по снабжению народного хозяйства Совета министров СССР (Госснаб СССР) и Государственный комитет по внедрению новой техники в народное хозяйство Совета министров СССР (Гостехника СССР), а Государственная плановая комиссия реорганизована в Государственный плановый комитет Совета министров СССР (Госплан СССР).

Деятельность этих трех образований сосредоточивалась на планировании народного хозяйства и контроле за выполнением планов. Госснаб и Гостехника работали в непосредственном контакте с Госпланом и играли все большую роль в планировании народного хозяйства. Обратим внимание, что планирование народного хозяйства в послевоенный период отличалось чрезмерным централизмом. В условиях послевоенного восстановления экономики такой централизм можно было бы и оправдать, но он тянулся еще с довоен-

ного времени, а организация планирования послевоенной экономики еще более укрепляла этот механизм.

Обобщая сказанное, надо отметить, что в первые послевоенные годы особое внимание уделялось восстановлению и развитию тяжелой промышленности, то есть, по сути говоря, продолжался начатый в конце 20-х годов курс на индустриализацию. К 1950 г. валовая продукция промышленности по сравнению с 1940 г. почти удвоилась. Такое направление развития экономики объяснялось необходимостью восстановления народного хозяйства и создания базы для его успешного функционирования в дальнейшем.

Однако нельзя не учитывать, что успешное функционирование механизма возможно лишь при комплексном его развитии. Недостаток ресурсов, связанный с первенствующей ролью тяжелой промышленности, отсутствие стимулов к труду, объяснявшееся соответствующей системой организации хозяйственного механизма, ставка на энтузиазм народа, вызванный желанием скорее победить послевоенную разруху, не способствовали возрождению и тем более развитию отраслей, связанных с народным потреблением, сельского хозяйства, социальной сферы.

Необходимо сказать и об усилении командно-административного характера управления народным хозяйством, укреплении его централизма в послевоенные годы. Хозяйственная жизнь в этот период продолжала, как и во время войны, зависеть от диктата центра, от безоговорочного подчинения команде, данной сверху. Естественно, при подобной форме организации экономики такие движущие принципы ее развития, как инициатива, предприимчивость, самостоятельность, самодеятельность и т.п., не имели ценности или, точнее говоря, имели ее лишь в той мере, в какой они не противоречили директивным указаниям.

Таким образом, развитие экономики СССР в первые послевоенные годы осуществлялось на основе тех тенденций и процессов, которые имели место в 30–40-е годы, а именно: свертывание товарно-денежных отношений, укрепление монопольного положения государства в экономике, фактическое подчинение хозяйственного механизма государственно-политическому управлению.

4.3. Подъем сельского хозяйства. Хозяйственная реформа 1953 г.

Потери сельского хозяйства были катастрофическими. В СССР ощущалась нехватка продовольствия. В ходе войны полностью или частично было разрушено 1876 совхозов, 2890 машинотракторных станций, 98 тыс. колхозов. На временно оккупированной немцами территории до войны производилось 37% валового сбора зерна, сосредоточивалось 38% крупного рогатого скота, 59% поголовья свиней, которые выпали из хозяйственного оборота. Уничтожено или угнано в Германию 60,3% общей численности лошадей, истреблено 54,8 поголовья крупного рогатого скота, 84,7% свиней и 52,8% общей численности овец и коз. Сильно пострадала материально-техническая база сельского хозяйства: оккупантами было уничтожено или похищено 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, большая часть другой сельскохозяйственной техники.

Положение усугублялось тем, что из колхозов, совхозов и МТС была призвана в армию значительная часть работников, мобилизовано большое количество тракторов, автомашин, лошадей. В связи с переводом промышленности на выпуск военной продукции по существу прекратились поставки машин и оборудования, горючего и удобрений. Масштабы разрушения определяли и грандиозные затраты по восстановлению утраченного.

Задача первого послевоенного пятилетнего плана развития народного хозяйства на 1945–1950 гг. в области сельского хозяйства сводилась к его восстановлению, а затем превышению довоенного уровня, всемерному росту урожайности и увеличению валового сбора сельскохозяйственных продуктов на основе растущей культуры земледелия и широкого использования достижений агрономической науки. В животноводстве она заключалась в том, чтобы «превзойти за пятилетие довоенный уровень поголовья всего продуктивного скота в СССР». Выполнение плана сопровождалось большими трудностями. 1946 г. оказался неблагоприятным для сельского хозяйства. Многие районы страны охватила сильная засуха. Зерновых собрали меньше, чем в 1945 г. Однако к концу пятилетки плановые задания были в основном выполнены: в 1950 г. был достигнут довоенный уровень производства валовой продукции, на

4,3% превышено производство мяса, на 5% – молока, лишь по зерну его достичь не удалось.

Повысилась техническая вооруженность сельского хозяйства. За годы первой послевоенной пятилетки ему поставлено 536 тыс. тракторов, 93 тыс. зерновых комбайнов и много другой техники. Мощность сельских электростанций увеличилась в 2,8 раза по сравнению с 1940 г. Сложившаяся в довоенные годы диспропорция в развитии промышленности и сельского хозяйства не была устранена. Она сохранялась и в дальнейшем. Опасность и негативные последствия такой диспропорции возрастали по мере увеличения масштабов производства. Следует отметить, что первый послевоенный пятилетний план отличался большой детализацией заданий по республикам, областям и краям, всем культурам и видам скота. В нем определялись задания по искусственному осеменению каждого вида скота, расстояние, на котором необходимо строить долевые станы, и т.д. Такая детализация сковывала инициативу и самостоятельность хозяйств. В сентябре 1946 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах», которые выражались в неправильном расходовании трудодней, расхищении общественных земель, растаскивании колхозной собственности, злоупотреблении по отношению к колхозам со стороны вышестоящих руководителей, нарушениях кооперативных основ управления и т.п. Постановление обязывало советские и партийные органы ликвидировать указанные нарушения. При Правительстве СССР создали Совет по делам колхозов. Намечались меры по улучшению организации оплаты труда. Основной формой организации труда признавалась постоянная бригада. За ней на срок полного севооборота рекомендовалось закреплять сельскохозяйственную технику, рабочий скот, необходимые постройки.

В эти годы главный упор в подъеме сельского хозяйства делался на укрупнение колхозов и села кадрами. В период коллективизации колхозы, как правило, создавались на базе сел и деревень вне зависимости от количества проживающих в них крестьян. Поэтому возникло немало мелких коллективных хозяйств, функционирование которых порождало трудности в использовании крупной техники, внедрении рациональных севооборотов и передовой технологии. Путем укрупнения колхозов были созданы многоотраслевые хозяйства. Численность колхозов сократилась с 235,9 тыс. в 1940 г. до 93,3 тыс. в 1953 г. За эти

годы количество совхозов возросло всего на 0,7 тыс. Укрупнение хозяйств и возросшие размеры производства предъявляли новые требования к материально-технической базе отрасли.

Обоснованной была и связь подъема сельского хозяйства с устранением недостатков в кадровой политике. В 1953 г. из 350 тыс. специалистов с высшим и средним образованием, занятых в отрасли, большая часть работала в различных учреждениях. В колхозах – 18,5 тыс. человек, в МТС – 50 тыс. таких специалистов.

Низкие темпы развития сельского хозяйства к началу 50-х годов явились следствием господства командно-административной системы руководства, возрастания бюрократизма в управлении и волюнтаристского подхода в решении социально-экономических задач, игнорирования основных принципов и многообразия форм кооперации, отсутствия должного экономического механизма хозяйствования и демократических основ в деятельности колхозов и совхозов. Причины торможения подъема сельского хозяйства крылись в приоритете политического фактора, сращивании функций партийных, государственных и хозяйственных органов. Все это привело к тому, что существующая материально-техническая база отрасли не в полной мере отвечала изменившимся условиям производства. Отсутствовала система машин для комплексной механизации основных производственных процессов с учетом особенностей различных почвенно-климатических зон страны. Неудовлетворительно использовалась и имеющаяся в МТС техника.

Подорванным оказался принцип материальной заинтересованности. Нарушалась установленная для колхозов практика государственных поставок сельхозпродукции, исходя из закрепленной за ними пашни или земельной площади. Хорошо работающим хозяйствам повсеместно устанавливались более высокие задания. Уровень действующих заготовительных и закупочных цен слабо стимулировал производство основных сельскохозяйственных продуктов. Нарушена была сама природа колхозной формы производства, сочетающей общественное хозяйство с личным подсобным хозяйством колхозников. Явно завышались нормы поставок продуктов личного подсобного хозяйства государству, оно было лишено помощи колхозов в обеспечении скота кормами, пастбищами, молодняком животных, транспортом и т.д.

Развитие сельского хозяйства тормозилось межведомственными разногласиями. Обслуживающие сельское хозяйство министерства и ведомства издавали противоречивые указания, не учитывали конкретные условия хозяйствования и тем самым дезорганизовывали его. Отставание сельского хозяйства не в последнюю очередь объяснялось и недостатками работы самих колхозов, совхозов, МТС: низкая трудовая дисциплина, слабая организация производства, отсутствие должного контроля за мерой труда и потребления.

Исходя из анализа состояния дел в сельском хозяйстве сентябрьский (1953 г.) пленум ЦК КПСС поставил задачу «в ближайшие 2–3 года в достатке удовлетворить растущие потребности населения нашей страны в продовольственных продуктах и обеспечить сырьем легкую и пищевую промышленность». В целях ее выполнения пленум определил по всем категориям хозяйств необходимое поголовье скота по основным видам, вплоть до кур-несушек, посевные площади под картофель и овощные культуры. Аналогичные задания были установлены и по другим сельскохозяйственным культурам. Такой подход к руководству сельским хозяйством свидетельствовал о преобладании административных (бюрократических) методов хозяйствования. Он явился одной из главных причин недостаточной эффективности принимаемых решений, ибо подобная детализация планов предприятий не могла быть объективной по условиям прохождения и обработки информации в центре. С другой стороны, жесткая регламентация деятельности колхозов и совхозов лишала работников и специалистов сельского хозяйства инициативы и самостоятельности.

Другой недостаток реформы хозяйственного механизма проявился в отсутствии комплексного подхода в ее проведении, недостаточной увязке намеченных мероприятий со всеми элементами механизма хозяйственного общества, их несогласованности и непоследовательности. С одной стороны, намечаются меры по расширению хозяйственной самостоятельности колхозов и совхозов, а с другой – централизованное планирование их деятельности и обязательные поставки сельхозпродукции. Делается попытка перевода хозяйств на хозяйственный расчет, а их отношения с поставщиками техники и рыночные связи остаются под строгим контролем вышестоящих органов. Меры по стимулированию колхозников (гарантированная оплата труда) осуществлялись одновременно с мероприятиями по подрыву личного подсобного хозяйства.

Среди предпринятых крупных необходимых и неотложных мер по дальнейшему развитию сельского хозяйства первостепенное место отводилось развитию животноводства. В целях стимулирования материальной заинтересованности колхозов и колхозников в производстве животноводческой продукции на нее повышались заготовительные и закупочные цены, снижались нормы поставок соответствующих продуктов для личного подсобного хозяйства. Разрешалось выдавать на трудодни в виде аванса до 25% денежных средств, полученных от реализации животноводческой продукции. Были намечены меры по укреплению кормовой базы, строительству животноводческих помещений, механизации работ и др.

Важное место занимали меры по увеличению производства и заготовок картофеля и овощей путем повышения урожайности культур, внедрения передовых агроприемов, за счет роста уровня механизации основных видов работ. Предусматривалась концентрация посевов овощей вокруг городов и промышленных центров. Дополнительно к существующим хозяйствам 161 совхоз переводился на выращивание картофеля и овощей. Повышались заготовительные цены на эти продукты, снижались нормы их обязательных поставок государству и увеличивались закупки по повышенным ценам. Аналогичные меры были разработаны по увеличению производства зерновых, технических и масличных культур. В следствии этого в стране заметно возросло производство основных сельскохозяйственных продуктов.

Опыт аграрной политики конца 40-х – начала 50-х годов имеет как негативные, так и положительные аспекты. Попытки поворота к экономическим методам руководства, предпринимавшиеся в те годы, позволили сельскому хозяйству добиться определенного подъема. Однако политическая система не обеспечивала полной реализации идей, заложенных в решениях сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. Дело в том, что, во-первых, на практике экономические методы подменялись командно-административными. Из-за чрезмерной централизации слишком детально регламентировался сверху весь процесс хозяйствования, колхозы и совхозы фактически были лишены самостоятельности. Во-вторых, реформа вводилась сверху без соответствующего вовлечения широких трудящихся масс в ее реализацию. В-третьих, реформа затронула преимущественно сельское хозяйство, не увязывалась с хозяйственным механизмом других

отраслей производства, с кредитно-финансовым механизмом, материально-техническим снабжением и т.д. Все это, в конечном счете, придало реформе 1953 г. характер ущербности и не было эффективно.

4.4. Реформа 1957 года и изменение системы управления народным хозяйством

Среди преобразований управления народным хозяйством, проведенных за годы советской власти, реформа 1957 г. занимает особое место.

Экономическая реформа 1957 г. сменила централизованную систему управления на децентрализованную – «систему управления по территориальному принципу». Суть ее заключалась в создании в пределах областей, краёв и республик СССР сети территориальных советов народного хозяйства «Совнархозов». Они выступали как региональные экономические правительства регионов. В их подчинении были предприятия, ранее управлявшиеся централизованно министерствами. Децентрализация системы управления экономикой по мысли инициаторов позволила бы улучшить межотраслевое взаимодействие на низших уровнях производства, увеличить его рост, повысить качество продукции, оптимизировать распределение ресурсов.

Эта реформа осуществлялась под руководством Н.С. Хрущева после XX съезда КПСС, где был «разоблачен культ личности И.В. Сталина». Во-вторых, наступившая «оттепель» сыграла определенную положительную роль в реализации основных направлений развития производительных сил страны. Предложения ЦК КПСС и Совета министров СССР о совершенствовании организации управления промышленностью и строительством были вынесены на всенародное обсуждение, и по ним более чем 2,3 млн человек дали замечания и предложения. Реформой 1957 г. была предпринята попытка подорвать основы командно-административных методов управления в пользу местного самоуправления.

Объективная необходимость перемен в социально-экономическом развитии и управлении для экономистов стала очевидной к 50-м годам. Уже в те годы тяжелым бременем на жизнь общества ложилась ресурсоемкая экономика, экстенсивное ее развитие. Процесс усугублялся послевоенной демографической тенденцией к резкому снижению прироста рабочей силы, утяжелением территори-

альной структуры размещения топливно-энергетических и ряда других сырьевых ресурсов. При этом нарастающая централизация, отраслевая замкнутость в развитии производительных сил, ведомственность, бюрократизация аппарата управления все более вступали в противоречие с объективной потребностью расширения межотраслевых связей хозяйствующих субъектов, привели к ликвидации даже формальных признаков демократизации управления, потере эффекта от межотраслевого и территориального разделения труда и развития кооперации. Односторонне шел процесс углубления специализации и концентрации производства без учета требований экологии, возможностей транспорта, последствий монополизации. Фискальной политикой финансовых органов полностью были узурпированы экономические, хозяйственные интересы в деятельности предприятий. Не могли не сказаться диспропорции в экономике, особенно в развитии производства группы «Б», социальной и производственной инфраструктуры, отраслей, перерабатывающих сельскохозяйственное сырье. Отраслевая структура управления, узурпировавшая региональные структуры, подорвала основы комплексного развития республик, городов, крупных экономических регионов.

Наряду с положительными эффектами по развитию отраслей, ориентированных на использование местных ресурсов, появилась негативная тенденция – «местничество». Когда в каждом экономическом районе дублировалась структура производства в ущерб естественной региональной специализации производства.

Стратегически важные производства страны оказались в подчинении локальных экономических правительств. Научно-исследовательские, конструкторские и проектные организации, традиционно находившиеся в ведении отраслевых органов управления, оказались оторванными от промышленных предприятий, которые продолжали оставаться в подчинении территориальных органов. Это привело к снижению качества проектирования, строительства и реконструкции предприятий, затормозило внедрение новых технологий, машин и оборудования и, как следствие, способствовало снижению качества промышленной продукции.

Проблемы советской экономики продолжали усугубляться, и к середине 1960-х годов тенденция централизации возобладала. Совнархозы были ликвидированы, и территориально распределённая система управления экономикой посредством совнархозов была заменена на

привычную для партийно-хозяйственной номенклатуры жёстко централизованную отраслевую систему управления посредством отраслевых министерств и межотраслевых государственных комитетов.

Следует отметить, что на реформу 1957 г. существенное влияние оказывали факторы субъективного порядка: отстранение от партийной и государственной власти наиболее приверженных сторонников И.В. Сталина с одновременным преобладанием в партийном и государственном аппарате сторонников командно-административной системы управления, которые могли оказывать серьезное сопротивление реализации новой реформы управления народным хозяйством.

Экономическая реформа 1957 г. не улучшила технико-экономические показатели народного хозяйства СССР. Сложившиеся тенденции в экономике страны продолжали сохраняться. Производственный потенциал развивался экстенсивно. Ресурсоемкость экономики нарастала, общая эффективность народного хозяйства относительно снижалась. Так, рост произведенного национального дохода (в сопоставимых ценах) составлял: за 1946–1950 гг. – 210%; 1951–1955 гг. – 171%; 1956–1960 гг. – 154% и за 1961–1965 гг. – 138%. Существенно не изменилась и доля отраслей народного хозяйства в производимом национальном доходе. По сравнению с 1958 г. удельный вес промышленности повысился всего на 2–3 процентных пункта, сельского хозяйства, строительства – понизился, несколько выросла доля транспорта и осталась прежней для торговли, заготовок, материально-технического снабжения и других отраслей этой группы.

Продукция промышленности увеличилась в 1955 г. на 12,5%, в 1965 г. – на 8,7%, сельского хозяйства соответственно на 11,0 и 1,9%. Нельзя игнорировать еще один показатель, характеризующий эффективность развития народного хозяйства, – производительность труда. По сравнению с 1955 г. темпы ее роста постоянно снижались. Так, за 1961 г. она увеличилась в промышленности лишь на 4% (в 1955 г. – на 9,5%), в строительстве – на 3% (в 1955 г. – на 11%), что в очередной раз затормозило рост благосостояния населения.

Реформа предусматривала изменения в структуре промышленного производства. Однако при достигнутых к концу 50-х годов масштабах народного хозяйства за относительно небольшой период времени не представлялось возможным их осуществить. В 1960 г. на долю машиностроения и металлообработки, легкой и пищевой

промышленности приходилось 2/3 общего объема промышленной продукции в стране, т.е. эти три отрасли определяли возможные сдвиги в отраслевой структуре. Пять лет спустя их общий удельный вес снизился примерно на 4 процентных пункта за счет легкой и пищевой отраслей при заметном повышении доли машиностроения и металлообработки (более чем на 3 процентных пункта). Химическая промышленность, несмотря на то, что в те годы, ее развитию придавалось особое значение, сколько-нибудь заметного влияния на отраслевую структуру промышленности СССР не оказала.

В структуре экспорта почти не изменилась доля машин и оборудования, химических продуктов, по-прежнему оставался высоким удельный вес вывоза топлива и первичных ресурсов недр. В структуре импорта резко повышалась доля ввозимых машин и оборудования, продовольственных товаров и сырья для их производства.

Реформа 1957 г. имела важное значение для дальнейшего развития территориального разделения труда. С образованием совнархозов сложились объективные условия для комплексного развития и размещения производительных сил – проблема, ставшая в то время очень актуальной.

В принятой на XX съезде КПСС, за год до реформы, резолюции в региональном разрезе для различных частей СССР предусматривался свой стратегический курс в развитии и размещении производительных сил. Эти же стратегические направления совершенствования территориального разделения труда вошли составной частью в семилетний план развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы, в контрольных цифрах которого был специально выделен раздел «Размещение производительных сил и развитие хозяйства союзных республик». Для каждой союзной республики в нем определялись важнейшие задачи развития в планируемой семилетке.

Переход на новую организацию управления промышленностью и строительством потребовал существенного изменения форм и методов планирования территориального развития. Процесс этот происходил в довольно сложных условиях. В теории территориального планирования продвижение было несравненно меньшим, хотя управление хозяйством осуществлялось по территориальному принципу. Имевшее место серьезное отставание в разработке теоретических и методологических вопросов территориального планирования отрицательно повлияло на экономическую эффективность проводимой

реформы. Последняя, хотя несколько и расширила возможность межотраслевой специализации и кооперирования промышленного производства в пределах экономических районов, отдаляла науку от производства, привела к раздробленности и многоступенчатости в руководстве отраслями промышленности, к потере оперативности в работе. Реформа по существу не содействовала развитию отраслевой специализации и рационализации производственных связей между предприятиями, находящимися в разных районах страны. Для их достижения уже тогда было необходимо развивать рыночные отношения между хозяйствующими субъектами, что является условием обеспечения тесных горизонтальных связей между предприятиями различных отраслей. Все это отмечалось в резолюции сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС по вопросу «Об улучшении управления промышленностью», что стало причиной возврата к отраслевому управлению.

Оценка последствий, результативности периода совнархоза в развитии нашей экономики обычно сводится к личности Н.С. Хрущева, а период воспринимается как малозначающий эпизод, «зигзаг», после которого все вернулось «на круги своя». На деле же это не совсем так. Оказалась обратимой и отраслевая структура управления. Однако период совнархозов – первая попытка партийной, политической и экономической реформы, она еще ждет своего глубокого исследования. Дело в том, что в нашей огромной стране территориальный аспект управления не может и не должен быть вторичным. У него есть свои функции, особенности, свое место. Территориальное управление – это форма, позволяющая реально задействовать хозяйственные функции местных органов власти, комплексно решить экономические, научно-технические, социальные и национальные проблемы общества в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Лишь в условиях территориального управления руководство не только производством, но и трудовыми коллективами может быть непосредственным, конкретным и персонально ответственным.

Наряду с недостатками период совнархозов показал преимущества региональной системы управления:

- в большой социальной направленности хозяйственной деятельности;
- в организации конкретного, непосредственного руководства предприятиями с учетом их реального места в отраслевом и регио-

нальном разделении труда, в оперативности принятия решений и отдаче от непосредственного контроля исполнения;

- в развитии межотраслевой и территориальной кооперации производства в пределах крупных регионов;

- в создании с помощью машиностроительных предприятий производственной инфраструктуры в легкой, пищевой, мясо-молочной промышленности. Этот участок был крайне запущен до совнархозов;

- в формировании регионального потенциала капитального строительства, а также межотраслевых производств и ремонтных баз для малых предприятий.

В совнархозах активно велись реконструкция предприятий и борьба за качество выпускаемой продукции, создавались крупные территориальные машиностроительные, химические, энергетические и другие комплексы. Несравненно повысилась квалификация кадров. К руководству промышленностью и строительством пришли местные специалисты. Сформировалась территориальная производственная база расширенного воспроизводства, была создана квалифицированная система и материально-техническая база территориального материального снабжения производства и строительства. Как общий результат – за короткий срок существенно повысилась роль регионального разделения труда в экономике страны. В числе основных недостатков территориального управления обычно называют потерю отраслевой системы управления научно-техническим прогрессом. На деле это не совсем так. Обратимся к статистическим данным. До совнархозов в 1951–1955 гг. было создано образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов и приборов 4345 ед., а в 1956–1960 гг. – 12 902; в 1961–1965 гг. – 23 172 ед., т.е. в 2 раза больше.

При возвращении к отраслевой системе управления эта цифра осталась недосягаемой. То же относится и к другим показателям развития науки и техники. Вообще для сложившегося экономического мышления характерно непонимание роли региональной составляющей НТП, что наносит большой вред экономическому и социальному развитию страны.

Опыт реформы 1957 г. свидетельствует, что любое мероприятие, проводимое государством, должно базироваться на четко разработанной научной концепции развития всего общества, учиты-

вающей возможные политические, социальные и экономические последствия. Недоучет одного из них, попытка одностороннего подхода к решению поставленных задач не могут обеспечить желаемых результатов.

В частности, реформа организационной структуры управления промышленностью и строительством показала, что такого рода мероприятия нельзя осуществлять изолированно, вне связи с отраслевым управлением общественным производством. Только оптимальное сочетание отраслевого и территориального управления народным хозяйством может обеспечить необходимый результат. Всякая односторонняя ориентация на тот или иной тип управления при достигнутом общем уровне социально-экономического развития страны этого не может сделать. Резкий переход к управлению народным хозяйством по территориальному принципу существенно осложнил проведение научно-технической политики, привел к разрыву между отраслевым и территориальным разделением труда, в результате чего нарушились сложившиеся межрайонные отраслевые связи, усилились элементы автаркии.

Волонтаризм, стремление к единовластию, малограмотность и импульсивность Н.С. Хрущева усугубили негативное отношение специалистов и общества к управлению по территориальному принципу.

Изучая данный период экономической истории России, приходится констатировать, что советское руководство, приступая к реформам, не имело комплексной научно обоснованной перспективной программы дальнейшего развития страны, о чем свидетельствуют многочисленные непроработанные решения в экономической политике. Это приводило к поспешности и в определении сроков достижения намеченных целей, и в выборе методов их осуществления, что обесценивало положительные идеи сочетания отраслевого и территориального развития.

Главным содержанием реформы была попытка обеспечить оптимальное сочетание централизованного планового управления с широкой инициативой и самостоятельностью производителей, интересов общества и производственных коллективов. Данная задача до сих пор не решена ни теоретически, ни практически.

Глава 5. ПЕРИОД 1966–1990 гг.

Первые лица государства:

	Генеральные секретари Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (КПСС):
Брежнев Леонид Ильич	(1964–1982)
Горбачев Михаил Сергеевич	(1982–1985)
Президент СССР:	
Горбачев Михаил Сергеевич	(1985–1991)
Председатели Совета министров СССР:	
Косыгин Алексей Николаевич	(1964–1980)
Тихонов Николай Александрович	(1980–1985)
Рыжков Николай Иванович	(1985–1990)

Ошибки в управлении: отсутствие долгосрочной стратегии, нарастание бюрократизма в управлении, планирование «от достигнутого» привело к тому, что ресурсы экстенсивного роста экономики истощились, темпы роста производительности труда стали приближаться к нулю. Использование единого критерия эффективности капитальных вложений («приведенные затраты») способствовало увеличению материалоемкости всех видов продукции и торможению производительности труда, что усугублялось чехардой со сменой стареющих первых лиц в управлении страной и в последующем горбачёвскими либеральными методами «управления» страной.

Результаты периода: начало очередного кризиса вследствие слабой эффективности экономики и истощения ее в «холодной войне», которую Советский Союз проиграл экономически. Вследствие этого в очередной раз существенно снизился уровень жизни населения. Денежные реформы и другие меры, принятые правительством, не приводили к росту экономики.

Попытка изменить ситуацию под названием «Горбачевская перестройка» в период 1985–1987 гг. успеха не возымела. Появилась концепция перехода к «регулируемой рыночной экономике». Затем концепция перехода на рыночную экономику в течение 500 дней, как следствие произошла «грабительская приватизация» народной собственности и катастрофическое падение производства.

5.1. Экономическая реформа 1965 года

Экономическая ситуация конца 60-х – начала 70-х годов принципиально отличалась от сложившейся в предшествующие годы. Её особенность определялась тем, что постепенно окказались на грани исчерпания источники экстенсивного роста экономики, другими словами, значительно сузились возможности привлечения в народное хозяйство дополнительных трудовых и материальных ресурсов. Это обстоятельство ставило на повестку дня вопрос о необходимости переориентации экономического курса с экстенсивного на интенсивный путь. Отдельные элементы интенсивной экономики отрабатывались в ходе осуществления экономической реформы 1965 года и дальнейшего экономического экспериментирования, апробации новых форм организации и стимулирования труда.

В сентябре 1965 года принимается решение о начале экономической реформы. Предполагалось, что она позволит преодолеть недостатки, о которых уже открыто говорилось в печати. Рост капиталовложений и незавершенного строительства, массовое производство изделий, не находивших сбыта, несоответствие роста заработной платы росту производительности труда.

Суть реформы состояла в следующем: сокращение плановых показателей, доводимых до предприятия; создание на предприятиях фондов материального стимулирования; введение твердой, не зависящей от прибыли платы за использование предприятиями производственных фондов, т.е. своего рода введение продналога в промышленности; финансирование промышленного строительства не путем выдачи безвозвратных дотаций, а посредством кредитов; недопущение изменения планов без согласования с предприятиями. Активную роль в попытке реализовать реформу сыграл А.Н. Косыгин.

Первые шаги реформы вселяли надежду. Ускорился экономический рост. Восьмая пятилетка, совпавшая по времени с проведением реформы, оказалась по ряду важнейших экономических показателей выполненной. Однако уже в ходе её осуществления начались корректировки, исправления, дополнения, в результате которых к началу 70-х годов её сущность была искажена настолько, что она фактически перестала действовать.

Попытка провести реформу при одновременном свертывании процесса демократизации в политической сфере оказалась безуспешной. В этом основная причина неудачи реформы 1965 года. Необходимо учесть и то, что большая часть партийно-хозяйственного аппарата сформировалась в сталинскую эпоху, с присущими ей методами хозяйствования и руководства. Сказывались и недостатки самой реформы, её непоследовательность привела к формальному перевыполнению планов многими предприятиями и отраслями.

Восьмая пятилетка (1966–1970) была наиболее успешной в истории СССР. В связи с открытием сибирских углеводородов и экспорта их в обмен на товары народного потребления уровень жизни заметно улучшился. Но в стратегическом аспекте это привело к началу нового цикла, который завершился идеей «перестройки» и в дальнейшем – сдачи позиций социализма. Дело в том, что Л.И. Брежнев, видимо, под влиянием всеобщей эйфории «улучшения дел» заявил, что в отдельные периоды можно отказаться от доминирующей до этого концепции ускоренного развития производств средств производства, имея в виду, что «все можно купить за рубежом». С этого момента не сразу, но началось реальное торможение развития экономики СССР и, соответственно, уровня жизни народа. Именно оборудование является главным фактором роста производительности труда. Практически было свернуто производство гражданских ЭВМ (которые находились практически на том же уровне, что и в США). Вопросы автоматизации производства были сведены на нет. Символично, что в год его смерти (1982) темпы роста производительности труда в стране впервые стали равными нулю. Тогда никто не обратил на это внимания, а может, и не посмел противоречить очередному «непогрешимому» Генеральному секретарю.

Освоение западносибирских источников нефти позволило организовать значительный экспорт её за рубеж. Приток нефтедолларов помог существенно улучшить положение дел в экономике СССР и в дальнейшем замедлить проявление негативных последствий в экономическом развитии.

К 1980 году производство и потребление электроэнергии в Советском Союзе выросло в 26,8 раза по сравнению с 1940 годом, тогда как в США за тот же период выработка на электрических станциях увеличилась в 13,67 раза. В 1980 году Советский Союз зани-

мал первое место в Европе и второе место в мире по объёмам производства в промышленности и сельском хозяйстве. Если в 1960 году объём промышленной продукции СССР по сравнению с США составлял 55%, то через 20 лет, в 1980 году – уже более 80%, хотя качество продукции не всегда соответствовало американскому.

В социальном плане за 18 брежневских лет (с 1964 по 1982 г.) реальные доходы населения выросли более чем в 1,5 раза. Население России в те годы увеличилось на 12 млн человек. Сюда также нужно отнести ввод в эксплуатацию при Брежневе 1,6 млрд м² жилой площади, благодаря чему бесплатным жильём были обеспечены 162 млн чел. При этом квартплата в среднем не превышала 3% семейного дохода.

Попытки улучшить механизм планирования, стимулирования и управления предпринимались уже в меньших масштабах ещё не раз, но они оказались малоуспешными. Принцип директивного управления оставался неизменным, проводились лишь частичные перемены и изменения. Осуществлялись меры по дальнейшей концентрации производства, создавались промышленные объединения – агропромышленные, торгово-промышленные, научно-производственные, упразднялись отдельные бюрократические надстройки. Наряду с этим предусматривалось создание территориально-производственных комплексов и форсированное развитие отдельных отраслей экономики.

В середине 70-х в СССР велась работа над 15 крупнейшими народно-хозяйственными программами, в том числе по развитию сельского хозяйства в Нечерноземной зоне РСФСР, созданию Западно-Сибирского территориально-производственного комплекса, строительству БАМ и т.п.

Однако эти задачи решались в основном экстенсивными методами. Министерства развивали строительство новых предприятий, вместо решения задач более полного использования существующего оборудования. От предприятий постоянно требовали увеличения производственных показателей. Сохранение командного механизма лишало предприятия возможности делать чего-либо кроме выполнения плана любой ценой. Планировались вся номенклатура изделий (по стране более 20 млн), показатели, себестоимость. Нарастал дефицит бюджета, требовались постоянные денежные вливания в экономику.

Существующая система глушила всю инициативу снизу и сверху. Трудовые коллективы не были заинтересованы во внедрении новой техники и технологии, так как это сказывалось отрицательно на результатах работы одного рабочего и предприятия в целом. Поэтому внедрение совершенно новой продукции затягивалось в нашей стране на десятки лет, а в развитых индустриальных странах этот срок не превышал нескольких лет.

Итак, реформа 60-х годов не дала ожидаемых результатов. Старая экономическая система продолжала жить по своим законам, что в целом не меняло глобальных тенденций (табл. 3).

Таблица 3

**Среднегодовые темпы роста производительности труда
в промышленности СССР, включая машиностроение, в %**

Период	1940– 1950	1950– 1960	1960– 1970	1970– 1975	1975– 1980	1980– 1985
Темпы роста производительности труда в целом за период по промышленности, в %	145	204	166,2	133,5	117	116,4
Среднегодовые темпы прироста производительности труда по промышленности, %	3,78	7,4	5,2	5,9	3,2	3,1
Темпы роста производительности труда за период в машиностроении, в %	176	287	198,7	151,3	135,1	129,4
Среднегодовые темпы прироста производительности труда в машиностроении, %	5,8	11,1	7,1	8,6	6,3	5,3

Примечание: рассчитано по данным [15; 16].

Для сравнения здесь приняты данные 1940 г., поскольку в предвоенный период в промышленности страны были самые производительные станки и прочее оборудование. Затем наметились существенные изменения в динамике производительности труда, часто в

сторону негативных процессов, что приводило к снижению уровня благосостояния населения.

Интенсификация в годы семилетки была принята как главное направление развития сельского хозяйства. Но, в отличие от промышленности, в сельском хозяйстве главное направление интенсификации – увеличение производства не на занятого работника, а на единицу площади используемой земли, увеличение производства на тех же площадях сельскохозяйственных угодий, следовательно, за счет роста урожайности и продуктивности животноводства. Рост производительности труда тоже входит в понятие интенсификации сельскохозяйственного производства, но уже в качестве второго по значению направления. Земля – основа сельского хозяйства. Но площадь земли, которую можно использовать в сельском хозяйстве, ограничена. В нашей стране последним крупным шагом по увеличению посевных площадей стало освоение целинных земель. Дальнейшее увеличение производства за счет вовлечения в сельское хозяйство новых земель практически невозможно без нарушения экологического равновесия.

Задача была поставлена, тем не менее, за годы семилетки существенного роста интенсификации не произошло. Наоборот, в это время замедлился рост урожайности и продуктивности животноводства. Сельское хозяйство в целом оставалось убыточной отраслью.

В 1965 г. были приняты следующие меры для того, чтобы улучшить положение в сельском хозяйстве:

1. Закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию оставались ниже себестоимости. После их повышения в 50-х гг. в колхозах и совхозах производственные затраты на единицу продукции существенно выросли. Продавая продукцию государству, хозяйства терпели убытки. К тому же передовые хозяйства обычно получали дополнительные задания: они должны были сдавать продукцию и за отстающих, за тех, кто не мог выполнить план по сдаче продукции государству. Поэтому увеличение производства было невыгодно – соответственно увеличивались убытки.

Тогда было решено изменить порядок государственных закупок. Закупочные цены были снова повышены с таким расчетом, чтобы довести их до уровня стоимости, с тем чтобы колхозы не терпели убытков при продаже продукции государству. Розничные цены при этом оставались на прежнем уровне, а разница покрывалась из государственного бюджета.

Объем обязательных закупок был сокращен при условии, что он останется неизменным до 1970 г. Поэтому кроме обязательных закупок были введены свободные (дополнительные к обязательным), но цены при этих свободных закупках были повышены на 50% сравнительно с ценами обязательных. Предполагалось, что хозяйствам будет выгодно сдавать государству продукцию сверх плана.

2. Вторая причина отставания сельского хозяйства связывалась с его низким техническим уровнем. Были полностью механизированы вспашка, сев, уборка и молотба зерновых, но почти все работы по производству технических культур, картофеля, овощей, работы в животноводстве остались ручными. Особенно отставали те направления технического прогресса, которые обеспечивали интенсификацию производства удобрений, мелиорацию, селекцию. Ведь механизация не повышает урожайность, она лишь сокращает затраты труда. В годы семилетки земля получала в 10 раз меньше удобрений, чем положено по агротехническим нормам.

Отсюда в 1965 г. было решено резко увеличить государственные ассигнования на повышение технического уровня сельского хозяйства, на производство сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений. Тогда же была поставлена задача комплексной механизации, т.е. переключения основных сил на механизацию тех работ, которые оставались ручными.

3. Третьим недостатком была слабая специализация сельского хозяйства. Когда натуральные, т.е. многоотраслевые, хозяйства крестьян объединяли в колхоз, получалось многоотраслевое хозяйство колхоза. Такая многоотраслевая структура не соответствовала принципу крупного товарного производства, но была закреплена системой государственных закупок: колхоз должен был сдать государству определенный набор продуктов – зерно, овощи, мясо, молоко и т.д. Более того, этот набор был почти одинаковым для колхозов разных природных зон. Доходило до того, что колхоз покупал некоторые продукты на рынке, чтобы сдать государству, потому что сам он этих продуктов не производил. Тогда приняли решение снова усилить специализацию сельского хозяйства.

Все эти решения представляли собой паллиатив: они не могли быть полностью реализованы без ликвидации колхозно-совхозной системы.

Однако многое осталось нереализованным. Новые идеи не вписывались в старую систему. Рос аппарат по управлению сельским хозяйством. Развитие межхозяйственной кооперации и специализации, химизация и мелиорация земель не принесли должных и эффективных результатов. Удорожание сельскохозяйственной техники и услуг привело к тому, что многие совхозы и колхозы вновь оказались убыточными к началу 80-х годов.

Массированные инвестиции в сельское хозяйство не принесли желаемых результатов (за 70-е годы и начало 80-х годов в аграрно-промышленный комплекс было вложено более 500 млрд рублей). Установление жесткого бюрократического контроля гасило всю самостоятельность и инициативу предприятий, уничтожили заинтересованность в конечном результате своего труда.

Недостаточный социальный уровень села и ликвидация «неперспективных деревень» повлекли за собой большой отток жителей из деревни в город. Сокращение аграрного населения является общемировой закономерностью. Но при всем ускорении урбанизации в 70–80-х гг. в сельском хозяйстве страны было занято 20% работающего населения, что в два раза превышает мировые стандарты. Из деревни уходила в основном молодежь. С 1967 по 1985 г. ежегодно деревню покидали в среднем 700 тысяч человек.

Противоречия и трудности, в том числе бесхозяйственность в сельском хозяйстве страны, руководство страны пыталось решить путем импорта продовольствия и зерна. За 20 лет импорт мяса, рыбы, масла, сахара, зерна вырос в денежном отношении более чем в 10 раз.

К началу 80-х годов сельское хозяйство страны оказалось в кризисном состоянии. Майский Пленум ЦК КПСС 1982 года принял специальную продовольственную программу, которая, однако, ещё неслась в себе следы застоя.

Она не затрагивала главных интересов – интересов крестьянства, коренной перестройки всего хозяйственного механизма. Более того, продовольственная проблема ещё более обострилась. В середине 80-х годов практически везде были введены продовольственные карточки.

5.2. СССР на пороге кризиса

В начале 70-х годов нарастание кризиса различных сторон советского общества приняло характер постоянно усиливающегося процесса. Все больше советская экономика отставала от экономики развитых стран по техническому и технологическому уровню, показателям эффективности, структурным характеристикам. Сильнее ощущались глобальные диспропорции в народном хозяйстве и, прежде всего, недостаточность развития электроники и информатики, энергетики и машиностроения, всего агропромышленного комплекса и отраслей, производящих товары народного потребления, транспортной и социальной инфраструктуры. Стали быстро падать темпы роста производства, начиналась его стагнация, обострилась продовольственная проблема. Рост уровня жизни народа совершенно прекратился ко второй половине 70-х годов.

Были подорваны основы внутренней социальной стабильности общества. Дифференцированность уровня и условий олигархической иерархии и подавляющей массы населения не только достигла огромных размеров, но и была закреплена окончательным разделением систем их жизнеобеспечения. Правящие слои обеспечивались все больше разраставшимися специальными системами распределения благ, социальной, бытовой и транспортной инфраструктуры и т.д. Реальный разрыв между слоями партийно-государственных распорядителей и народом по условиям их экономического и социального бытия стал очевидным.

На этом фоне тем более нелепыми выглядели старания пропагандистской «машины» доказать идентичность изначальных социалистических и коммунистических лозунгов жизненным реалиям. В массе своей народ стал осознавать, что официальная коммунистическая идеология и теория превратились в средство прикрытия фактически существовавших социальных отношений, диаметрально противоположных по своей сути идеям социального равенства, полного удовлетворения потребностей, свободы личности как основы свободы всех.

В таких условиях получили развитие два направления инакомыслия. Одно из них основывалось на необходимости глобальных перемен в обществе в целях преодоления деформаций и извращений социализма и поворота развития от псевдосоциализма и олигархизма к реальному воплощению социалистических идей с учетом зарубеж-

ных вариантов социалистических теорий и практики их реализации. Другое направление исходило из принципиальной ошибочности социалистических идей вообще и необходимости возвращения страны в лоно капиталистического развития или возрождения некоего исконно российского варианта (от реанимации общины до восстановления монархии, классовых сословий и т.п. Модно стало искать в своей родословной остатки приближения к монархии, дворянства и т.п.). В ситуации, когда обострялись внутренние экономические, социальные, национальные и другие проблемы и явно обозначился проигрыш псевдосоциализма в соревновании с развитыми странами, для существовавшего строя было опально любое инакомыслие. Поэтому резко возрастают идеологическое давление и насилие. Если для пресечения первого направления преимущественно использовались методы партийно-административной проработки, то для пресечения второго – прямые репрессивные меры.

Но упрочить подошедшую к банкротству систему и ее идеологическое прикрытие это уже не могло. Тем более, что идеологическое неверие поселилось и среди представителей партийно-государственной иерархии, для которых идеологические партийные заклинания были лишь непременным средством приблизиться к кормилу власти или подольше удержаться у него. За идеологической завесой учащались факты коррупции, участия работников партийного и государственного аппарата различных уровней в теневых бизнес-структурах.

Все это объясняет тот факт, что позднее, когда над старой системой нависла прямая угроза краха, большая часть ее в основном молодой гвардии предала идеалы, которым до этого «служила», и бросилась поносить социализм, коммунизм и все связанные с ними достижения. С завидной быстротой осваивались новые теории рыночной экономики, с успехом осваивались частнособственнические и рыночные механизмы и формы хозяйства, а заодно и «деидеологизированные» властные структуры.

Признаки надвигавшегося экономического, социального и идеологического кризиса в 70-е годы в определенной мере повлияли на политическую систему страны. Главным направлением ее эволюции, во многом предопределившим и события 80-х годов, явилось дальнейшее усиление господства партийного аппарата на всех уровнях государственной власти – от высших до местных. Правительство и Советы окончательно превратились в безотказные

механизмы реализации партийных решений, непосредственно контролируемые соответствующими партийными комитетами. Господствующая роль КПСС (а фактически партийной олигархии) была открыто закреплена Конституцией страны. Вопреки естественным требованиям реальной перестройки механизма управления с целью повышения эффективности это продолжало формировать еще большее нежелание «следовать установкам».

Несколько факторов толкали партийное руководство на откровенное усиление своей диктатуры. Главный из них, вероятно, заключался в общем ослаблении действенности центральной власти, сосредоточившей и срастившей экономические, политические, социальные и идеологические распорядительные функции и претендовавшей на свою исключительность в определении стратегии и тактики развития всех сторон общественной жизни страны, выделении приоритетов, централизации и распределении в соответствии с ними ресурсов и т.д.

Экономически жестко централизованная государственная система расшатывалась по мере усложнения структуры народного хозяйства, возрастания хозяйственных связей и их разнообразия. Попытки сохранить административно-централистские начала организации экономики приводили к тому, что государственный экономический центр постепенно трансформировался в совокупность весьма автономных, часто разрывающих взаимосвязанные хозяйственные структуры ведомств, имеющих свои узкие интересы и поставивших в полную зависимость предприятия благодаря возможностям распределения ресурсов.

В социальном отношении централистская система подрывалась неспособностью власти обеспечить развитие страны в соответствии с провозглашенными целями достижения высокого уровня благосостояния и социального равенства. Нарастал бюрократизм в руководстве страны, когда «показатели», а не сущность и конечные результаты работы промышленности и народного хозяйства стали главным фактором при оценке работы всей системы руководства страны.

Это разительно отличалось от мировых тенденций управления национальной экономикой и, в частности, проблемами роста производительности труда. Если за рубежом проблема роста производительности становится в центр всех политических и практических мер руководства, то в СССР она фактически уходит из внимания правительства. Например, в 1977 г. был образован Американский

центр производительности – некоммерческая, образовательная, исследовательская и консультативная организация. Для сравнения: Японский центр производительности был уже создан в 1955 г. и превратился в крупнейшую организацию подобного типа со многими отделениями в таких странах, как Англия, Франция, Германия и даже США. В США действуют более восьмидесяти научно-исследовательских организаций, которые специально занимаются проблемами производительности труда. Заслушиваются вопросы о производительности труда в конгрессе США. Обсуждался, кстати, и вопрос о «паразитическом снижении темпов роста производительности труда в СССР». Регулярно публикуются статистические данные о производительности в отраслях США и в сравнении с другими странами-конкурентами. Один из руководителей компании «Дженерал моторс» Б. Маккристал указывал: «В международной конкурентной борьбе нам необходим каждый грамм вовлеченности и прироста производительности, который можно извлечь».

Совершенно противоположное отношение к производительности труда как критерию эффективности было в нашей стране. Руководство КПСС, на словах отмечая важность роста производительности в последние 20 лет своего правления, по сути, скрывало неблагоприятные тенденции в фактических показателях эффективности. При планировании темпов роста производительности на следующую пятилетку оно исходило «от достигнутого», причем в меньшую сторону (табл. 4).

Таблица 4

Плановые и фактические темпы роста производительности труда и роста доходов населения в СССР за период в % [14]

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Темпы роста производительности труда по плану	147	136	127	119
Темпы роста производительности труда фактически	136	125	117	116,5
Среднегодовой темп роста производительности труда	6,4	4,6	3,2	3,1

Окончание табл. 4

Показатели	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985
Реальные доходы на душу населения	133	124	118	111
Среднегодовые темпы роста доходов населения	5,9	4,4	3,4	2,1

За «победными» реляциями и звонкими названиями пятилеток («эффективности», «качества» и др.) неблагоприятное положение с производительностью «задвигалось» в самые «глухие углы» торжественных докладов. Вследствие этого реальное положение с эффективностью национальной экономики и инвестициями все более ухудшалось. Такое отношение к ключевому понятию экономики фактически привело к снижению уровня жизни населения страны.

По данным Всемирного банка реконструкции и развития в СССР сложилась следующая динамика инвестиций и их отдачи в рассматриваемый период (рис. 1).

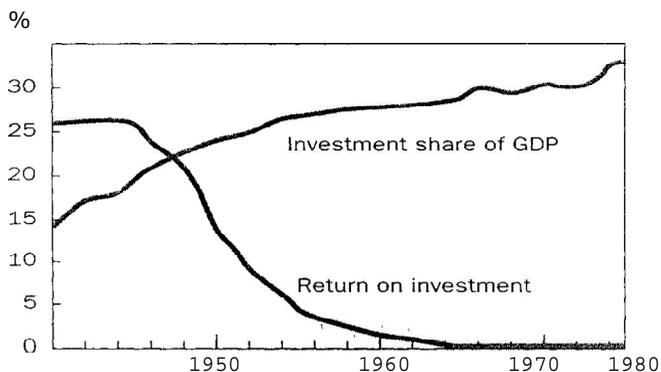

Рис. 1. Динамика инвестиций и их отдачи в советской промышленности [5]

Одной из важнейших причин такой динамики было внедрение в практику оценки эффективности «Типовой методики определения эффективности капитальных вложений и новой техники» (1960 г.), утвержденной Госпланом СССР, Гостехникой СССР и Академией

наук СССР. Методика официально закрепила и внедрила в практику расчетов такие понятия, как «приведенные затраты» и «годовой экономический эффект». Основным недостатком этой методики заключался в том, что она реально была оторвана от практики. Другими словами, все расчетные результаты никак не были связаны с фактическими результатами работы предприятий. И расчетные показатели фактически ни по каким финансовым каналам в бюджет предприятий или страны не поступали. Тем не менее, эта методика была обязательна для использования и просуществовала в неизменном виде до конца 90-х гг. Раз внедренные идеи этой методики вошли во все учебники и пособия не только в нашей стране, но и в странах-членах СЭВ. Справедливости ради стоит сказать, что в Венгрии, например, использовались и другие методы определения эффективности капитальных вложений.

Закономерное проявление нерациональности жестко централизованных начал организации жизни общества и страны, неэффективность централистских форм управления народным хозяйством усиливали притязания республиканских и областных уровней власти на расширение их собственных властных функций, что грозило подрывом всей структуры партийно-государственной иерархии. Стало ощущаться обострение национальных и региональных проблем. В складывавшейся ситуации для правящей верхушки в целях цементирования дававшей трещины централизованной власти наиболее естественным и простым было использовать силу партийной дисциплины, страх перед партийной ответственностью. Наступил очередной этап усиления роли партии в противовес экономическим процессам.

Все это отражало кризис системы централизованного управления экономикой в целом, который порождал бюрократические методы следования безумным инструкциям и показателям, а не реальным процессам в экономике.

Наша страна, а параллельно с ней и другие страны мировой системы социализма оказались на пороге общего глобального кризиса. Видимо, в 70-е годы были возможны разные варианты дальнейшего развития страны. В принципе еще можно было избежать развертывания глобального кризиса путем внедрения существенных изменений в сложившуюся социально-экономическую систему в целях создания внутренних стимулов эффективного ведения хозяйства и обеспечения экономического роста. В первую очередь нужен

был переход к реальным рыночным отношениям, предпринимательству и конкуренции (в терминологии того периода – экономическому соревнованию) на базе коммерциализации деятельности государственных предприятий, использования потенциала кооперации при устранении ограничений с индивидуальной производственной деятельности во всех сферах хозяйства. Перемены такого рода могли создать основу для развертывания в последующем процессов демократизации экономики и преодоления ее негибкости, что заложило бы определенные предпосылки для постепенной трансформации существовавшей социально-экономической системы.

Этого боялись и стремились не допустить партийно-государственное руководство страны, неспособное ни понять насущность таких перемен, ни осуществить их. Именно в начале 70-х годов был нанесен массированный удар по всем концепциям развития рыночных отношений, использования в государственном хозяйстве кооперативных начал и т.п. Само использование в позитивном смысле понятия «рынок» стало критерием идеологической неблагонадежности. Проводились эксперименты с расширением хозяйственных начал на предприятиях и введением показателей, которые лучше отражали бы результаты работы – условно чистой продукции и т.п. Цель подобных экспериментов заключалась в преодолении затратной ориентации экономики и оснащении ее стимулами, направленными на экономию ресурсов и способствующими «внедрению достижений научно-технического прогресса» и т.п. Для решения возникших экономических проблем разрабатывались программы по развитию технического прогресса и ряда отраслей хозяйства, решению жилищной и продовольственной проблемы. Ни одна из названных программ не могла быть выполнена, ибо не содержала механизмов реализации и не обеспечивалась необходимыми ресурсами. Отдельные специальные программы, так или иначе воплотившиеся в нечто реальное (например, программа строительства Байкало-Амурской магистрали), оказались экономически расточительными и еще больше подорвали экономическое положение страны.

Конец всей этой экспериментаторской и программной деятельности известен. К началу 80-х годов страна и существовавшая в ней общественная система вступили в период глубокого кризиса. Но кризисное состояние экономики замалчивалось, необходимость принятия действенных мер по изменению сложившейся ситуации

отвергалась. Выражалось чувство глубокого удовлетворения состоянием дел. Так продолжалось до последних месяцев 1982 г., когда по естественным причинам произошла смена лидера партии и страны. В год смерти Л.И. Брежнева темпы роста производительности труда стали равными нулю.

5.3. Перестройка в СССР

Переломным для страны стал 1985 год, когда только что избранный руководителем КПСС М.С. Горбачев отметил, что, если радикально не изменить положение, это будет иметь самые серьезные последствия для нашей страны и ее позиций в мире. В этом он оказался прав, но не сделал или не мог сделать правильные выводы и принять реальные меры по предотвращению негативных последствий. В этот же год был выдвинут курс на ускорение социально-экономического развития.

Это свидетельствовало о понимании, что так дальше продолжаться не может, тем не менее, не было еще осознания всей сложности проблем, стоявших перед страной. Считалось, что достаточно принять энергичные меры, поправить те или иные деформации и положение будет исправлено. Потребовалось почти пять лет трудных поисков, отказа от устоявшихся представлений, стереотипов, пока мы подошли к осознанию того, что путь, который был навязан нашей стране в конце 20-х годов, оказался тупиковым, что необходимо не ремонт, пусть даже капитальный, а радикальная, коренная перестройка его экономических основ и политической надстройки. И это, наверное, главный итог, главное достижение периода, начавшегося с апреля 1985 года, к которому шли, преодолевая не только непонимание, но и откровенное сопротивление приверженцев старого, в том числе, и в высшем руководстве страной.

К собственно экономической реформе власти обратились лишь с лета 1987 г. Были заметно расширены права предприятий. В частности, они получили возможность самостоятельно выходить на внешний рынок, развивать совместную с иностранными фирмами деятельность. Сокращалось число министерств и ведомств, между ними и предприятиями декламировались «партнерские», а не командные отношения. Правительство заявило о желании внедрить «полный хозяйственный расчет, самокупаемость, самофинансиро-

вание и самоуправление» во все отрасли народного хозяйства. Трудовые коллективы отныне могли выбирать директора (позднее от этой идеи пришлось отказаться). Директивный государственный план заменялся госзаказом. На селе было признано равенство пяти форм хозяйствования: совхозов, колхозов, агрокомбинатов, арендных коллективов и крестьянских (фермерских) хозяйств. В середине 1988 г. принимаются законы, открывшие простор для частной деятельности в более чем 30 видах производства товаров и услуг. Побочным действием этого стала фактическая легализация «теневой экономики» и ее капиталов.

Принятый в ноябре 1989 г. закон об аренде и арендных отношениях предоставил право сельским и городским жителям брать землю в аренду в наследственное пользование на срок до 50 лет. Однако, учитывая, что земля, как и раньше, принадлежала местным Советам и колхозам, они ревниво оберегали свое главное богатство и крайне неохотно шли навстречу новоиспеченным фермерам. Частное предпринимательство в сельской местности сдерживалось еще и тем, что арендные договоры могли быть расторгнуты властями в одностороннем порядке с уведомлением за два месяца. Число фермерских хозяйств к концу 1991 г. не превышало 70. Располагали они лишь 2% всего пахотного клина в стране и 3% поголовья скота.

Политическая номенклатура сумела на короткое время увлечь массы идеями «обновления и очищения социализма», «демократизации и гласности», выборностью хозяйственных руководителей и т.д. Но удержать эти процессы инициаторам «перестройки» не удалось. Идеология «обновления социализма» сменилась идеей «рыночных отношений». В этих условиях происходит еще одно парадоксальное явление. Выросло целое поколение экономистов, как теоретиков, так реальных управленцев, которые эту идею всосали с молоком зарубежных «Альма матерей» различного профиля. Для многих стало нормой жить и работать по указкам зарубежных концепций, идей, воспитывающих компрадорскую буржуазию, и быть ресурсным придатком всего мира.

Страх потерять власть заставил верхушку политической номенклатуры переменить позиции рыночной экономики, присвоив лозунги административно-хозяйственной и научно-технической аристократии, терминологию «диссидентов», овладев фразеологией «нового политического мышления» и став на путь прива-

тизации того, чем раньше только управляли. К политической номенклатуре, прежде всего партаппарату, безраздельно распоряжавшемуся богатствами страны в силу неограниченности власти, пришло понимание того, что сохранить свое господство они могут только превратившись во владельца государственного общенародного имущества на правах собственника.

Итак, как можно видеть, советская номенклатура затевала «революционную перестройку» с хорошо продуманными целями. Если кратко характеризовать создавшуюся в этой связи ситуацию, то следует отметить, что переход в новое состояние в стране осуществлялся не буржуазно-демократическим, а криминально-бюрократическим путем. Номенклатурная приватизация и бюрократическая либерализация создавали своеобразный сплав, отдаленно напоминающий рыночные отношения.

Таким образом, следующим шагом в экономической реформе стало принятие в июне 1990 г. постановления Верховного Совета СССР «О концепции перехода к регулируемой рыночной экономике», а затем серии других законодательных актов (среди них важное место занимали «Основные направления по стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», одобренные в октябре 1990 г.), которые предусматривали постепенную демонополизацию, децентрализацию и «разгосударствление» собственности, учреждение акционерных обществ и банков, развитие частного предпринимательства и др.

По сути, это была попытка создать государственно-рыночную экономику с тесным переплетением (а подчас и сращиванием) административных и рыночных структур, что таило в перспективе – при отсутствии четко обозначенных противовесов и ограничителей – угрозу подавления первыми органически чуждых им частнохозяйственных элементов либо коммерциализации и коррумпированности государственных органов регулирования экономики. К тому же механизм и сроки реализации правительственных мер были намечены в программных документах весьма приблизительно и неконкретно. Слабым их местом являлась проработка болезненных в социальном плане вопросов реформирования кредитной и ценовой политики, системы снабжения предприятий и оптовой торговли оборудованием, сырьем, энергоносителями.

Тогда же вниманию общественности была предложена альтернативная «Программа 500 дней», подготовленная группой экономистов во главе с С.С. Шаталиным и Г.А. Явлинским. В ней намечалось провести в этот сжатый срок кардинальную поэтапную приватизацию госпредприятий с ориентацией на прямой переход к свободным рыночным ценам, существенно ограничить экономическую власть центра. Правительство отклонило ее.

В целом экономическая политика горбачевской администрации отличалась непоследовательностью и половинчатостью, что усиливало кризис народного хозяйства, дисбаланс между его секторами. К тому же абсолютное большинство принимаемых «правильных» законов не работало. Они «глушились» бюрократическим аппаратом на местах, усматривавшим в этой политике прямую угрозу своему существованию и благополучию.

Таблица 5

Темпы роста производительности труда в промышленности СССР в последнюю пятилетку перед «перестройкой»

Показатели	1986	1987	1988	1989	1990
СССР	104	108	114	117	120
Темпы прироста производительности труда в % к предыдущему периоду	4	3,8	5,5	2,6	2,5
РСФСР в пределах современной РФ	104	109	115	119	122
Темпы прироста производительности труда в РСФСР, в % к предыдущему периоду	4	4,8	5,5	3,4	2,5

Примечание: 1985=100%, рассчитано по [17].

Кроме того, отсутствовала реакция на снижение одного из главных показателей эффективности российской экономики, главная причина которой виделась в слабой связи науки и производства. Теоретически известно, что наука всегда развивалась на фоне развития потребностей в новом знании, но при этом наука по своим внутренним законам познания мира. С одной стороны, производственное потребление научных знаний зависит от характера генера-

ции знаний, а с другой – само потребление научных знаний в последующем формирует потребности в новых знаниях для целей производства. Взаимосвязь между этими процессами имеет итеративную природу, то есть потребности производства стимулируют развитие науки, а развитие науки приводит к росту и качественной трансформации производства. Данный процесс в современном мире только усиливается. Таким образом, эти два явления (общественные потребности в науке и возможности науки) как бы подталкивают друг друга, увлекая человечество вверх по траектории социального развития к новым рубежам научных достижений и уровня жизни.

В начале перестройки экономики в 1990-х главным тезисом, критикующим централизованно управляемую экономику, был тезис о том, что государство не может в принципе создать передовую экономику. После проведенной глобальной приватизации практически во всех сферах производства сама действительности, а также статистические данные свидетельствуют об ошибочности этого тезиса. Факт происходящей стагнации современного (2019) производства опровергает этот основной постулат рыночной экономики, что требует своевременного научного осмысления снижения производительности труда в экономике и промышленности РФ. Прежде всего, в современном хозяйственном механизме наблюдаются консерватизм, инерционность и слабая востребованность достижений науки в производстве. Кроме того, за последнюю четверть века наблюдается отсутствие внимания Правительства РФ развитию науки и технического прогресса в стране.

Экономическая ситуация не переставала ухудшаться. Уровень жизни населения стремительно падал, что подрывало доверие простых людей к экономической реформе. В условиях инфляции деньги теряли вес. Нарастал ажиотажный спрос на товары, потребительский рынок сотрясали следующие один за другим кризисы: «сахарный», «моющих средств», «чайный», «табачный». После того как правительство Н.И. Рыжкова заявило о намерении поднять в целях финансовой стабилизации розничные цены, население стало сметать с магазинных прилавков все подряд. Новый глава союзного кабинета В.С. Павлов решил в апреле 1991 г. на двух-пятикратное повышение цен с одновременной выплатой 40%-й компенсации гражданам (замороженной, правда, на сберкнижках на длительный срок).

Ситуацию на рынке это не спасло, а доверие населения к центральной власти подорвало окончательно.

Каковы причины дальнейшего ухудшения положения в экономике? Противники перестройки видели их именно в самой перестройке. Деорганизацию рынка пытались свалить на кооперативы, настойчиво создавая в их лице образ врага. В действительности же дело обстояло так: к началу 1990 года в кооперативах по производству товаров и услуг было занято (включая совместителей) 4,5 млн человек. Ими произведено продукции и услуг на 40 млрд рублей и реализовано населению на 7 млрд рублей, что составляет лишь 1,5% в общем объеме розничного товарооборота и платных услуг (остальное реализовалось предприятиям, так как 80% производственных кооперативов действовали при госпредприятиях). Хотя, конечно, в кооперативах были и злоупотребления (кстати, их приблизительно было столько же и на госпредприятиях). Истинная причина состояла в том, что за пять лет (1985–1990) так и не удалось сломать административно-командную систему и перейти к новым методам хозяйствования. Расшатанная, она, не выполняя уже прежних функций, оказывала в то же время сопротивление всем нововведениям. Примеров этого достаточно много. Взять хотя бы закон об аренде. Применение его, как показал опыт, могло дать большой эффект, но закон заблокировали на всех уровнях – от колхозов до министерств. Подобная участь постигла и другие принятые в 1989–1990 годах законы по вопросам экономики (к примеру, о кооперации, о земле и др.). Так что не перестройка, не кооперативы повинны в дальнейшем ухудшении экономического положения страны во второй половине 80-х годов.

Мы разделяем мнение тех экономистов, которые считают, что советской экономике была присуща специфическая форма рынка с особыми условиями реализации продукта. Общесоюзный национальный рынок существовал. Однако продукт на этом рынке реализовывался по преимуществу не как товар, подлежащий купле-продаже, а в процессе централизованного распределения. Вероятно, будет точнее говорить о едином советском национальном экономическом пространстве, а не о едином советском национальном рынке. Тем не менее, накануне реформ такой рынок был, условия его функционирования диктовались властями и отражали централизованные плановые цели. Реализация продукции имела рыночный характер лишь при смене форм собственности на продукт с государ-

ственной на личную или колхозно-кооперативную, с национальной на иностранную.

Кардинальные преобразования отраслевой структуры российского производства начались в 1991–1992 годах. Россия перешла от «структурной спячки» конца 80-х годов в состояние «структурной ломки» в 1991–1992 гг. и медленно вернулась в исходное положение. К 1997 г. наметилась слишком явная структурная стабилизация, которая очень напоминает очередной структурный застой. В ряде отраслей особенно удовлетворяющие базовые интересы страны сократились более чем в 5 раз. «Мы уничтожили отечественное станкостроение. Объемы производства металлообрабатывающих станков в 2010 году относительно 1990 года рухнули в двадцать пять раз, а доля российских производителей на внутреннем рынке опустилась ниже десяти процентов. Установка начала 1990-х «продадим нефть и купим то, что нам надо, на зарубежных рынках» лишила отрасль будущего» [11].

Это означает, что экономисты-аналитики и управленцы начинают иметь дело все-таки с более или менее стационарной системой на низком уровне. Это позволит реанимировать традиционный аппарат экономической науки и актуализировать весь арсенал отработанных в мировой практике методов государственного регулирования рыночной экономики в условиях кризиса.

Для перехода к рынку важно последовательно решить две взаимосвязанные группы задач. Первая группа связана с формированием равновесной экономики, ибо рынок – это всегда определенное равновесие, система общественных отношений, в которой предложение товаров уравнивает спрос на них. Кстати, для предшествовавшей плановой системы хозяйства было характерно централизованное распределение производственных ресурсов и продуктов, что обычно приводило к их дефициту, т.е. неравновесию.

Можно сказать, первая группа задач самая простая и решается путем ряда макроэкономических преобразований рыночного характера. Здесь мы уже добились определенных успехов: потребительский рынок насыщен различными товарами и услугами, развиваются рынки рабочей силы, недвижимости, ценных бумаг, финансовых ресурсов. Возник валютный рынок внутри страны, происходит активное вхождение в мировой рынок. Кроме того, отдельные секторы рынка в России еще совершенно не развиты: у нас нет рынка земли – отсюда неполноценность рынка недвижимости, слабо раз-

вит финансовый рынок, практически отсутствует рынок инвестиций, только началось становление рынка ценных бумаг, много ограничений при выходе на мировой рынок и т.д. Инфраструктура внутреннего товарного рынка тоже еще недостаточно развита, т.е. вроде бы все где-то продается, но информация о насыщении товарных рынков и доступность товаров пока ограничены. Тем не менее, можно констатировать, что большая часть задач этой группы уже решена или решается.

Есть и другая, более серьезная группа задач в области рыночных преобразований. Ведь настоящий рынок начинается не там, где есть равновесие, а там, где рынок приводит в движение экономику, запускает производство товаров, т.е. там, где рынок превращается в двигатель экономического развития, где рыночный механизм заставляет экономику двигаться вперед, требует, чтобы росла эффективность, снижались затраты, обновлялась продукция, шел технологический прогресс.

Рыночный механизм – это лишь определенный инструмент, двигатель экономического прогресса через использование присущих ему стимулов. В условиях рынка главное, что движет экономическим развитием, – это получение прибыли. Но увеличить прибыль легче всего за счет повышения цен, что вполне позволяет делать переходная экономика вследствие неразвитости рынков и механизма конкуренции. К современному кризису экономики привела, по мнению экспертов, прежде всего «традиционная система хозяйства», которая, исчерпав к концу 60-х годов возможности экстенсивного развития, обусловила «устойчивое снижение темпов роста» с 8% во второй половине 60-х годов до 2–3% и ниже в первой половине 80-х.

Кампании в 1985–1987 гг. снизили фактический темп роста почти до нуля. Концентрация капиталовложений в машиностроение не привела, как надеялись, к его качественному преобразованию, зато приостановила развитие других отраслей. Свертывание выпуска спиртных напитков, раскорчевка виноградников не обеспечили укрепление дисциплины и снижение преступности, зато больно ударили по государственному бюджету и сельскому хозяйству южных регионов страны. Не менее вредной оказалась и политика усиления материального стимулирования за счет нарастания эмиссии бумажных денег. При этом дефицит бюджета возрос с 2,5% валового национального продукта (ВНП) в 1985 г. до 8,5% к 1987 г.

В ходе реформ 1987–1988 гг. были допущены новые серьезные ошибки: контроль над предприятиями (в отношении цен, зарплаты и др.) был ослаблен, а жесткое ограничение на их финансирование (через кредит, бюджет) не было введено. Госбанку не была предоставлена возможность бороться с инфляцией. Дефицит бюджета увеличился в 1988 г. до 11% ВВП. Хотя кредиты предприятиям были уменьшены, ежегодный прирост денежной массы составлял в 1987–1990 гг. в среднем. 14–15%. Началось бегство от ликвидности (т.е. стремление поскорее вложить наличные деньги в материальные ценности).

Темпы роста основных фондов были низки и продолжали сокращаться. Чистые инвестиции в основной капитал (без учета незавершенного строительства) сократились с 14% чистого материального продукта (ЧМП) в 1988 г. до 11% в 1990 г. Долю военных расходов оценивают в 1990 г. в 19% ВВП и считают, что на протяжении 80-х годов она возрастала. Положительный момент состоит в том, что в 1988–1990 гг. производство гражданских товаров оборонными предприятиями увеличивалось на 9% в год и в 1990 г. составило около 40% их продукции.

В 1990 г. сокращение ЧМП составило 4% (а ВВП – 2% ввиду того, что падение материального производства частично компенсировалось некоторым ростом в сфере услуг). Снижение произошло за счет промышленности, строительства и транспорта. Сельское хозяйство в целом осталось на уровне 1989 г.

Прибыли предприятий в 1986–1989 гг. увеличивались в среднем более чем на 10%, а в 1990 г. сократились. Зарплата увеличилась в 1990 г. на 12%, безработица составила 1,5% всей рабочей силы. Предпринимались попытки ужесточить финансовую политику. Бюджетный дефицит сократился с 11 до 8,5% ВВП. Однако инфляция усилилась, ее общий уровень достиг почти 12%. Если общая сумма финансовых активов составляла примерно 750 млрд руб., то «излишних денег» было 250 млрд, из них у населения более 160 млрд руб. (на руках и на сберкнижках).

Кризис смягчается и маскируется тем, что реальное потребление по официальным оценкам в 1990 г. возросло за счет сбережений населения, сокращения капиталовложений на 3% (что лишь немного ниже средних показателей за 1986–1989 гг.). Но по ряду товаров нехватка обострилась.

Традиционная система централизованного планирования потерпела крах, но и не была заменена дееспособной рыночной системой. В результате происходила дезинтеграция основ организации экономики. Об этом говорят переход к бартерной торговле, официальное нормирование распределения предметов потребления.

Внешнеэкономическая сфера играла значительную роль в создании предпосылок для кризиса. Вначале огромный выигрыш от скачков цен на нефть на мировом рынке в 1973–1974 гг. и 1979–1980 гг. сгладил, завуалировал и тем самым как бы загнал вглубь кризисные процессы в советской экономике.

В 1986 г. резкое падение цен на нефть (и вынужденное увеличение физического объема экспорта различного сырья и сокращение импорта товаров) усугубило начавшуюся стагнацию производства.

С того же 1986 г. правительством СССР проводилась политика децентрализации внешней торговли, расширения самостоятельности предприятий в области экспорта, формирования ими собственной валютной выручки в расчете на расширение ассортимента вывозимой продукции. Однако указанные меры «не принесли успеха в стимулировании роста экспорта готовой продукции в страны с конвертируемой валютой».

Дефицит платежного баланса в конвертируемой валюте в 1990 г. составил 14 млрд долл., что привело к увеличению задолженности поставщикам (более чем на 5 млрд долл.), к сокращению валютных резервов (на 5–6 млрд долл.). Доступ к международным рынкам капитала стал возможен лишь на условиях гарантирования кредитов правительствами стран-кредиторов.

Однако первые пять лет перестройки не прошли даром: в обществе все шире распространялась идея о переходе на регулируемую рыночную экономику как единственном выходе.

В результате такой перестройки уже в 1992 году стали проявляться такие явления, как низкая эффективность производства, отсутствие стимулов хозяйственной активности, структурные диспропорции. Все это фактически парализовало способность страны нормально развиваться. Предпринятые в рамках политики перестройки меры привели к подрыву финансовой системы страны, разбалансировали экономику, сформировали товарный дефицит и заложили материальные основы для разрушения СССР.

К началу 90-х годов оказалась почти полностью разрушенной индустриальная экономика, доведенная до такого состояния, когда она лишилась способности адаптироваться к новым условиям воспроизводства. К этому времени были также дискредитированы созидательный труд и социальный статус самого работника. И, наконец, как ни печально, была дезорганизована система управления экономикой. Корпоративные интересы чиновников привели к созданию замкнутых структур, подменявших народно-хозяйственные цели корыстными планами новых групп, стремительно овладевавших всем тем, чем до политики перестройки они только руководили. Стал довольно ощутимо заметен разрыв между тем, что пытались реализовать партийно-государственное руководство, и реальной обстановкой, сложившейся в стране в эти годы.

К концу политики перестройки вопрос о том, куда идет Россия, уже был ясен. Россия вступила в фазу экономического регресса.

«Холодная война» была проиграна Советским Союзом. Осталось немного времени до его распада. И страна – Российская Федерация – с ее природными ресурсами все более превращалась в сырьевой придаток высокоразвитых стран Европы и мира.

5.4. Научно-техническая революция и ее влияние на ход общественного развития

Впервые сформулированная в Советском Союзе научно-техническая революция (НТР) как постоянное внедрение в производство передовых достижений науки и техники становилась основным фактором развития производительных сил и уже меняла представления об экономике и ее эффективности. В международных экономических процессах она становилась все более важным фактором, от которого зависит конкурентоспособность национальной экономики.

Вместе с тем переход к НТР не был одномоментным. При осуществлении ракетно-космических программ были созданы новые специальные виды топлива, жаропрочные конструкционные материалы, исключительно надежные приборы управления, средства радиосвязи и телеизмерений, миниатюрные радиодетали, солнечные батареи.

Лишь в начале 1970-х годов впервые была поставлена задача перехода от отдельных, пусть даже блестящих завоеваний науки и

техники к широкому освоению новинок НТР в народном хозяйстве и выхода советской индустрии на качественно новый технический уровень, «соединения достижений НТР с преимуществами социализма». Новые орудия и средства труда, новые источники энергии ознаменовали полномасштабное вступление в НТР только тогда, когда произошел переход к стадии их технически и экономически целесообразной эволюции. Так, ввод в промышленную эксплуатацию атомных энергоблоков и прочное положение АЭС в энергетике пришлось на конец семилетки. В 1963–1964 гг. были пущены Белоярская АЭС им. Курчатова и Ново-Воронежская АЭС. Мощность каждой из них по сравнению с Обнинской станцией возросла в 20 раз и достигла 100 тыс. кВт. Пуск АЭС на Урале и в центре России доказывал большое значение атомных электростанций как промышленных энергетических предприятий. Если первенец атомной энергетики 1954 г. назывался экспериментальной АЭС Академии наук, то Белоярская и Ново-Воронежская АЭС вошли в состав Министерства энергетики и электрификации СССР. Период создания и освоения промышленных АЭС – отправная точка революционных изменений в индустриальной энергетике. Аналогичные этапные отметки зафиксированы в развитии других отраслей и направлений (освоение космоса, электронно-вычислительная техника и т.д.). Первые искусственные спутники Земли прикладного назначения были выведены на орбиту уже в середине и второй половине 60-х годов: «Молния», «Метеор», спутники серии «Космос». Космические исследования способствовали развитию различных направлений науки и техники, постепенно приобретая прикладное значение. С начала 70-х годов средства на космонавтику стали выделяться тем же порядком, что и на развитие других народно-хозяйственных отраслей.

Даже на примере космонавтики, далекой, казалось бы, от непосредственных нужд экономики сферы научно-технического прогресса, видно, как постепенно и радикально возрастала связь науки с практикой. Научно-техническая революция вызвала ускоренное развитие отраслей науки, непосредственно связанных с народным хозяйством. Внедрение в производство новых технологий и более совершенной техники приносило значительные экономические эффекты.

Изменения охватили самые разные направления внедрения достижений науки. Через 13 лет после появления первой советской цифровой вычислительной машины в СССР начинается серийный

выпуск транзисторных вычислительных машин, а еще через два года (1964) ламповые модели снимаются с производства. Настоящий переворот в производстве ЭВМ произошел на рубеже 60–70-х годов на основе новой элементной базы, появления микропроцессоров и сложных интегральных схем – вычислительная техника третьего-четвертого поколений впервые соединила в себе компактность, быстрдействие, относительную дешевизну, стала доступной значительному кругу учреждений, предприятий, организаций. Это было событие исключительного значения. Не случайно создание производственных автоматизированных систем управления (АСУ) начинается через 20–30 лет после появления первых опытных и серийных образцов вычислительной техники в 1948–1953 гг.

В современных условиях электронная техника преобразует так называемый мягкий товар, или предмет труда (информация), и ЭВМ может рассматриваться как рабочая машина. Следовательно, ЭВМ также может внести революционные изменения, особенно на первом этапе НТР. В целом микропроцессорная революция создала предпосылки для появления новой нематериальной отрасли общественного производства (программирование, накопление «ноу-хау» и т.д.). Под воздействием НТР границы народного хозяйства все больше расходятся с границами традиционного понятия «общественное производство».

Дальнейшее развитие характеризовалось разновременностью и выявило новую сторону НТР как глобального процесса: набрав силу «у них», она сделала неотвратимыми перемены в социально-экономических структурах и «у нас». Однако опосредованное воздействие НТР может вполне проявиться лишь после того, как революционные изменения в науке, технике, производстве произошли в наиболее индустриально развитых странах. Так как это имело место в 60-х годах, то и в СССР опосредование не могло возникнуть раньше 60–70-х годов, исключая военно-техническую область. Преуспев в запуске искусственного спутника Земли, наша страна уступила в области телевидения, производства транзисторов, компьютеров, радаров, полимеров, лазеров, станков с числовым программным управлением (ЧПУ), автоматизированных поточных линий, роботов и т.д. Счет промышленным АЭС также открыла зарубежная индустрия.

Дополнение критериев развертывания научно-технической революции требованиями массового освоения в народном хозяйстве новинок НТР, относительного и абсолютного удешевления науко-

емкой продукции позволяет отнести начальный этап НТР в СССР к 60-м – началу 70-х годов.

В начальной фазе НТР выявляет, прежде всего, свои технические и экономические слагаемые (научные же формируются как их предпосылки и органично входят в основу НТР). На более зрелой ступени эволюции научно-технической революции на первый план входит еще один, пожалуй, коренной критерий НТР – социальный. Современная научно-техническая революция – не только и не столько изменения в науке или технической оснащенности, сколько глубочайшее социальное преобразование, так как всякая революция является таковой лишь в той мере, в какой она изменяет общество. Вне человека и общества термин «революция» лишен смысла. В связи с этим нельзя не отметить порочность методологического приема, закрепившегося в общественном сознании при изучении НТР, – вычленение проблемы социальных последствий научно-технической революции, что ведет к утрате комплексности понятия «НТР».

НТР в военной сфере сразу же заявила о своем глобальном характере. Новое оружие массового уничтожения и баллистические ракеты как уникальные средства его доставки превратили науку в планетарную силу, объединившую различные страны и континенты. Все стали соседями, особенно остро проявилась взаимозависимость мира. Вместе с тем появление атомного оружия и его применение резко ухудшили геополитическое положение Советского Союза. Дороговизна нововведений ограничивала развитие НТР в широком объеме, поэтому очень быстро сложился узкий круг держав с особо весомым голосом в мировом сообществе.

Были достигнуты большие успехи в развитии кибернетики, ядерной физики, астрофизики, в исследовании космоса, изучении земной коры и морских глубин. Количество нобелевских лауреатов было обратно пропорционально степени секретности изучаемых проблем.

В годы «холодной войны» в России создавались целые наукограды, трудившиеся почти исключительно на оборону.

В 1960 г. на месте окской деревни Пушкино появился первый подмосковный наукоград. Усилиями выдающихся отечественных ученых: академиком Несмеянова, Иерусалимского, Белозерцева, в короткие сроки создан мощный биологический центр с восьмью НИИ и информационно-вычислительным комплексом. Пушкинские

ученые были удостоены многих самых высоких отличий, в том числе двух Ленинских, 12 государственных и других премий. С 1966 г. в Пущине развернули работы по радиоастрономии. Через некоторое время Пущино стало одним из 30 наукоградов Подмосковья (Троицк, Черноголовка, Дзержинск и др.). В отличие от Новосибирска эти и другие научные центры не имели производственных мощностей прикладного назначения и непосредственного выхода научных изысканий в практику.

В 70-е годы СССР стал терять ранее завоеванные позиции в сфере освоения космоса (США осуществили престижный проект высадки на Луну, а в 80-е годы – первыми создали возвращаемый на Землю космический корабль многоразового использования – Шаттл), в самолетостроении, ряде других отраслей науки и техники. Далеко позади СССР оказался в области компьютеризации. Даже традиционная политика опережающего развития военных отраслей с максимальной концентрацией в них материальных и кадровых ресурсов в новых исторических условиях стали отставать ввиду нарастающей зависимости этих отраслей от общего технологического уровня народного хозяйства, неэффективности экономических механизмов.

Развитие НТР и даже элементов научно-технического прогресса более ранних стадий сдерживалось действовавшим экономическим механизмом, что имело весьма негативные последствия для развития производительных сил общества, а также социальной сферы. В середине 1980-х гг. свыше 50 млн чел. в промышленности, строительстве и на транспорте были заняты ручным трудом, характерным для доиндустриальных технологий. Продолжавшийся количественный рост работников материального производства отражал низкий уровень производительных сил, не соответствующий современным требованиям.

Основной причиной такого положения дел была невосприимчивость производства к достижениям научно-технического прогресса (НТП).

Предприятия были заинтересованы в производстве более дорогой, материалоемкой продукции. Все достижения науки и техники тщательно обсчитывались, по ним выплачивались премии, согласно критерию «приведенных затрат» вся эта экономия заканчивалась в проектных бумагах, в реальном производстве эти экономии приведенных затрат ни в каких бухгалтерских документах не учитывались. Реальная цель производства была в выполнении объемных

показателей, которые были по существу затратными в своей основе. Фактически в централизованной системе управления основная часть производства планировалась бюрократическими методами, за которыми реальная продукция была не видна, за исключением тех производств стратегического характера, где контролировались отдельные виды или объекты производства – космические корабли, объекты военной техники и т.п. [6].

Научно-технический прогресс – это результат развития науки. Государство вкладывало в науку значительные средства.

Однако наука была организована по отраслевому принципу как отдельная отрасль, выполняющая фундаментальные исследования подразделениями АН СССР, прикладные исследования отраслевыми институтами и разработки научными подразделениями предприятий.

По числу учёных на 1000 населения СССР вышел на ведущее место в мире. В силу ограниченности ресурсов и международной обстановки финансировались в первую очередь направления, связанные с обороной страны – физика и химия; в прикладной и технической сфере – ядерные вооружения, ядерная энергетика и космонавтика. Хорошо развивалась астрофизика и не требующая значительных вложений математика. Советская наука в целом не отличалась высокой организационной эффективностью, но в силу большого числа учёных и качественного образования продемонстрировала значительные достижения (табл. 6).

Таблица 6

Расходы на науку из государственного бюджета СССР и других источников

Показатель, млрд руб.	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
		18,6	24,2	26,5	28,5	32,3	30,8
В % от национально-го дохода	4,0	4,2	4,5	4,8	5,1	4,6	5,0

Примечание: сост. авт. по [17, с. 307].

Бюрократические методы управления наукой также стали доминировать. Не проблемы собственного производства были предметом исследования, а то как наука СССР выглядит на мировой

арене. Стремление получать международные премии и медали, космическая гонка, военные направления, гонка за «индексами цитирования» – все это тормозило реальное массовое внедрение достижений науки в производство. Кризис в науке сопровождался падением престижа высшего образования и работы в науке.

Высшее образование было престижным с царских времен, но в СССР оно не способствовало росту уровня жизни работника. Появилась поговорка: «Чтобы мало получать, нужно много учиться». Так, после 5 лет обучения в вузе заработная плата молодого специалиста или младшего научного сотрудника в европейской части составляла 90–120 руб. в мес. Опытный инженер получал 150–170 рублей. При этом рабочий на заводе 2–3 разряда получал 200–250 руб., а на тяжелых и опасных работах в шахтах, горячих цехах до 800–900 руб. На Дальнем Востоке и Севере применялись региональные коэффициенты 1,4 и 1,5.

Такая дифференциация в заработной плате исторически сложилась с 1950-х, когда заработная плата рабочих в среднем составляла около 50 руб., а инженеров 140 руб. в мес. Затем «возрастающая роль рабочего класса» требовала роста заработной платы, интеллигенция как «прослойка» между классами оставалась на прежнем уровне. К этому также привела массовость получения высшего образования.

В науке зарплата научного работника кандидата наук составляла 250–300 рублей, доктора наук – 300–400 рублей. Средний возраст получения кандидатской степени составляла 30 лет, докторской степени 50–60 лет. Причем этого достигали не все аспиранты, что, естественно, порождало пессимизм, и многие интеллигенты становились диссидентами и проводниками так называемой перестройки и в дальнейшем ее жертвами. Научно-технический персонал вследствие становления науки как непосредственно производительной силы превращался в новый революционный класс. Тем не менее, закостеневшая бюрократическая машина управления уже не в состоянии была это осмыслить и делать правильные управленческие решения в новой социально-политической ситуации.

Состояние науки в СССР на конец 1990 г. характеризуются следующими показателями (табл. 7).

Таблица 7

Численность специалистов, выполнявших научно-исследовательские проектно-конструкторские и технологические работы (по состоянию на 1 января 1991 г.)

Показатель	Число научно-исследовательских организаций	Специалисты, выполняющие НИР и ОКР, тыс. чел.
Организации (предприятия)	7973	1985,6
В том числе организации академического профиля	1244	218,4
Вузы	789	311,7
Отраслевые НИИ и КБ	3476	1054,4
Подразделения на промышленных предприятиях	693	166,8

Примечание: сост. авт. по [17, с. 307].

В 1984 году зарегистрировано 15 крупных научных открытий в ядерной физике, астрофизике, физике твёрдого тела, геофизике, химии, биологии и медицине; в народном хозяйстве использовано более 23 тысяч изобретений и около четырех миллионов рационализаторских предложений. Динамика результатов научной деятельности СССР показана в табл. 8.

Таблица 8

Число открытий, зарегистрированных в Государственном реестре открытий СССР

1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
240	313	328	345	361	377	393

Примечание: сост. авт. по [17, с. 310].

Число создаваемых образцов новых типов машин, оборудования, аппаратов, приборов и средств автоматизации за период 1981–1985 гг. составило 3474, за период 1986–1990 гг. – 2556 единиц. При этом в 1990 году эта величина составила 2165 единиц, что показы-

вает снижающуюся эффективность НИОКР в экономике. Однако в целом экономическая эффективность НТП может быть охарактеризована показателями прироста прибыли и сроком окупаемости затрат на НИОКР. Так, в 1990 г. в целом по промышленности СССР прирост прибыли в расчете на рубль затрат на использование научно-технических достижений составил 0,41 руб., экономия от снижения себестоимости 0,26 руб., срок окупаемости затрат – 2,46 года. Это можно рассматривать как весьма приемлемые показатели эффективности внедрения НИОКР в производство (табл. 9).

Таблица 9

Основные показатели развития промышленности СССР

Показатель	1980	1985	1986	1987	1988	1989	1990
Продукция промышленности млрд руб.	697	811	-	879	913	928	918
Число предприятий, тыс. ед.	44,2	45,7	-	46,8	46,4	45,9	46,7
Численность промышленно-производственного персонала (ППП), млн чел.	36,9	38,1	-	38,1	3734	36,4	35,3
Численность ППП в среднем на одно предприятие, чел.	834	833	-	814	805	793	755
Прибыль, млрд руб.	71,9	98,8	-	116,7	128,9	136,9	131,7
Уровень рентабельности, %	12,2	11,9	-	12,6	13,5	13,7	12,9

Примечание: сост. авт. по [17, с. 348].

Но, как оказалось, превращения науки в непосредственно-производительную силу не произошло, что нарушало теоретическую стройность идеи построения коммунизма. Наиболее эффективными по результатам внедрения НИОКР были химическая, медицинская и микробиологическая промышленности. Однако в целом существовала тенденция снижения роста эффективности НИР и ОКР. Старееющее руко-

водство страны не обращало внимания на такое застойное положение дел в менеджменте страны [17, с. 310].

Ключевой показатель эффективности экономики – производительность труда. В целом по народному хозяйству в конце периода зафиксировано его заметное снижение (табл. 10).

Таблица 10

Темпы роста производительности общественного труда в СССР в последнюю пятилетку перед «перестройкой», 1985 =100%

Показатель	1986	1987	1988	1989	1990
СССР	102,1	103,6	108,5	111,0	107,4
Темпы прироста производительности труда в % к предыдущему периоду	+2,1	+1,5	+4,7	+2,3	-3
РСФСР в пределах современной РФ	102,4	103,6	109,0	111,1	107,1
Темпы прироста производительности труда в РСФСР, в % к предыдущему периоду	2,4	1,2	5,2	1,9	-3,6

Примечание: рассчитано по [Там же].

Эффективность промышленности за рассматриваемый период находилась на среднемировом уровне, хотя заметно, что экстенсивный путь развития, на который опирались представители менеджмента страны, заканчивается. Темпы роста производительности труда промышленности резко замедляются с 6,1% в 1988 г. до 1,9% в 1990 году, то же происходит и с ростом благосостояния населения. Начинается новый кризисный цикл в экономике СССР.

Глава 6. ПЕРИОД 1991–2015 гг.

Первые лица Российской Федерации

Президенты Российской Федерации:

Ельцин Борис Николаевич	(1991–1999)
Путин Владимир Владимирович	(2000–2008, 2012 и по настоящее время)
Медведев Дмитрий Анатольевич	(2008–2012)

Председатели Правительства Российской Федерации:

Силаев Иван Степанович	(1990–1991)
Павлов Валерий Сергеевич	(1991 г.)
Гайдар Егор Тимурович	(1992 г.)
Черномырдин Виктор Степанович	(1992–1998)
Кириенко Сергей Владиленович	(1998 г.)
Примаков Евгений Максимович	(1998–1999)
Касьянов Михаил Михайлович	(2000–2004)
Фрадков Михаил Ефимович	(2004–2005)
Зубков Виктор Алексеевич	(2007 г.)
Путин Владимир Владимирович	(2008–2012)
Медведев Дмитрий Анатольевич	(2012–2015)

Ошибки в управлении: внедрена методология рыночного управления экономикой на основе теории меркантилизма и современного монетаризма. Концепция «шоковой терапии», целью которой заявлялся быстрый перевод экономики на рыночные методы хозяйствования.

Результаты периода: развалены Советский Союз и его экономика. Галопирующая инфляция. Снизился уровень жизни населения, составив в 1994 г. 50% от уровня 1990 г. Обесценились и прекратились выплаты гражданам их денежных сбережений, хранившихся в Госбанке.

Основная роль в процессе перехода к рынку отводилась приватизации (разгосударствлению) собственности, результатом которой должно было стать превращение частного сектора в преобладающий сектор экономики. Однако вследствие политики приватизации в руки частных предпринимателей перешли 110 тыс. промышленных предприятий. Грабительская, по выражению журнала «Economist», ваучерная приватизация 1992–1994 гг. и последующие приватизационные акты привели к утрате государственным сектором ведущей роли в экономике.

6.1. Формирование российской теоретической концепции рыночной экономики 1991–2008 гг.

Идея перехода от социалистической централизованно управляемой экономики к рыночной родилась в результате политических и экономических «ошибок». Здесь и далее под ошибками мы понимаем любые действия лиц, принимающих решения, которые отрицательно влияют на развитие общественного производства. Отвлечемся на время от того, что некоторые «ошибки» были полезны для отдельных слоев общества, и пока не касаемся вопроса, сознательно или целенаправленно польза направлялась в сторону того или иного слоя собственников, как это и произошло. Другими словами, действия, приближающие общество к очередной революции, и есть ошибка в управлении экономикой и обществом.

К ошибкам управления в этом смысле можно отнести и чередование престарелых руководителей, которое происходило в конце 90-х гг. прошлого века. Оно порождало пессимизм и недовольство в обществе, идеи обновления системы управления в целом. Результаты внутрипартийных склок, приведшие к власти М.С. Горбачева, тоже можно считать ошибкой в управлении страной. «Горбачёв по натуре, по характеру не мог быть подлинным главой государства. Не обладая необходимыми для этого качествами, он вообще не любил принимать властные решения, предпочитал долго обсуждать их, охотно выслушивал множество мнений, спорил и при этом легко и с охотой уходил от принятия окончательного решения, растворял свои «за» и «против» в хитросплетении слов... У Горбачёва, к сожалению, отсутствовали начисто способность и готовность взять на себя личную ответственность за принятие и осуществление решений» (Николай Рыжков, председатель Совета Министров в 1985–1990 гг.). Либерально-попустительское «управление», осуществляемое М. Горбачевым, это ошибка, которую можно рассматривать как следствие ошибочного назначения его на должность президента СССР. Процесс ускользания власти из-под его рук он назвал перестройкой, которая привела к распаду СССР. 25 декабря 1991 года объявил о прекращении своей деятельности на этом посту «по принципиальным соображениям». 26 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию о прекращении суще-

ствования СССР «в связи с образованием Содружества Независимых Государств».

В созданном на базе РСФСР новом государстве лидером стал Б.Н. Ельцин, человек, способный что угодно сделать в ущерб страны. Так и было. Окружение его в качестве теоретической основы управления страной использовало (точнее сказать, исповедовало) идеи трехсотлетней давности – меркантилизма и последующего течения в экономике монетаризма. Данная концепция в руководстве страны является основной и до настоящего времени.

Интересно, что если в период расцвета экономики СССР руководители страны неоднократно заявляли, что страна управляется на научных основах, то в последующем новая власть за весь период всего правления ни разу не заявляла, что перестройка управления и вся последующая реализация осуществлялась на научной основе. Ранее мы отмечали, что вообще в экономической теории можно как закон принять тот факт, что каждый новый общественный строй побеждает предыдущий только тогда, когда создает производительность труда общественного производства выше, чем предыдущий. Вот относительно этого показателя как критерия верности «выбора рыночного пути» и будем рассматривать анализируемый период.

Не углубляясь в некоторые недостатки измерения этого показателя, а опираясь лишь на действующие статистические показатели общественного производства, рассмотрим некоторые проблемы развития страны в этот период.

Идея перехода «к рынку» была ненаучная в том смысле, что до ее появления не было выработано консенсуса о причинно-следственной связи между ошибками в управлении экономикой СССР и низкой ее эффективностью. Она образовалась как «новая идея» для страны на основе пропаганды опыта Запада как аналога способа ведения хозяйства. В конце прошлого периода было много идеологических публикаций по поводу необходимости перехода к рынку, которые можно не рассматривать в научном аспекте, поскольку большинство из них содержат сентенции: «рынок лучшее, что придумало человечество», «рынок спасет экономику», «рынок – наиболее эффективное производство». Идеологически это опиралось на идеи свободы, демократии и подобные лозунги.

Нам нужны факты. Сначала рассмотрим, какие теоретические ошибки были допущены в экономической литературе. На наш

взгляд, самым проработанным с теоретической точки зрения в тот период был опубликованный документ «Переход к рынку» [20], более известный под неформальным названием «500 дней» (основные авторы акад. С.С. Шаталин и Г.А. Явлинский). В документе излагался проект программы перехода плановой экономики Советского Союза на рыночную экономику в целях преодоления экономического кризиса 1990 года и реализации «прав граждан на лучшую, более достойную жизнь». Рабочая группа по созданию программы была образована по инициативе и совместному решению М.С. Горбачёва и Б.Н. Ельцина.

В целом программа содержала следующие предложения, которые в разных формах были реализованы в стране:

- приватизация государственной собственности;
- децентрализация управления экономикой;
- предоставление благоприятных условий для развития частного предпринимательства.

Рассмотрим эти предложения с теоретических позиций роста экономической эффективности.

Приватизация как процесс преобразования государственной формы собственности в частную была призвана обеспечить конкурентоспособность предприятий с последующим повышением эффективности производства продукции. Приватизация сама по себе не может гарантировать роста эффективности в экономике, так как производительные силы не меняются. Что было до... то же и осталось после. И качество управления также оказалось не на высоте. Получившие собственность новые менеджеры, как правило неспециалисты в этой области, объективно не были в состоянии сделать что-то лучшее.

Что касается конкурентоспособности, то она может возникнуть только на предприятиях, параллельно выпускающих одинаковую продукцию. В СССР, функционирующем как единый комплекс, фактически не было и нет предприятий с одинаковой продукцией. Так, металлургические производства имели свою специализацию выпуска проката и не дублировались между собой. То же самое можно сказать и обо всех других основных производствах страны. Иначе говоря, организовать конкуренцию производимой продукции с помощью приватизации было объективно невозможно. В условиях последовательных технологических цепочек производства про-

дукции неминуемо должны были бы повыситься цены, что в действительности и произошло.

Еще до распада СССР в России была подготовлена законодательная база для осуществления приватизации. Форсированная приватизация государственной собственности была осуществлена в 1992–1995 годах. На фоне «споров», чем отличается приватизация от разгосударствления, фактически произошла варварская приватизация, т.е. массовая и скоропостижная смена общенародной собственности в интересах отдельных групп населения.

Бурная приватизация всех секторов экономики, находящихся до этого практически в 100%-м государственном владении, вызвала массовую безработицу, сокращение зарплат, усилила коррупцию, вывела из тени криминалитет. Возникла параллельная власть – экономическая, что на фоне ослабления региональной государственной системы управления породило вторую власть – криминальную. Наряду с местными органами власти возникли региональные «смотрящие», которые быстрее и объективнее, чем официальная власть, решают некоторые проблемы бизнеса.

Для сравнения в опытных рыночных странах приватизация происходила более щадяще. В 1980-х гг. в Великобритании «железная леди» М. Тэтчер приватизировала десятки государственных корпораций. Но здесь приватизация проводилась значительно осторожнее, чем в Российской Федерации: продавалось не более 3–4 компании в год. Под каждое предприятие создавался закон. Акции приватизируемых компаний старались размещать среди работников этих компаний, в том числе по льготным ценам. Статистика умалчивает о том, повысилась или нет экономика приватизированных предприятий.

Следующее положение – децентрализация – процесс обратный централизации, т.е. рассредоточение функций управления на низшие иерархические уровни как государства, так и в отраслях промышленности.

Децентрализацию рассматривают как совершенствование системы управления в условиях иерархии посредством внутрисистемных управленческих процессов, при этом часть их переводится на более низкий уровень иерархии. При централизации – на более высокий уровень. В менеджменте децентрализация означает делегирование руководителем функций управления и своих обязан-

ностей подчинённым, наделяя их большей свободой воли, но и вместе с тем большей ответственностью. Как мы видим, такая попытка в истории СССР была в период организации совнархозов и крупных научно-производственных объединений. Вообще тенденция централизации всегда наблюдается при ухудшении экономической ситуации, а децентрализации – при улучшении макроэкономических процессов. Иначе говоря, при кризисных ситуациях всегда происходит централизация в том или ином виде, что не всегда сопровождается переходом собственности. Так, например, в Гитлеровской Германии в условиях мирового кризиса, когда инфляция составляла более 50% в день, был создан «Генеральный Совет хозяйства» и введено централизованное планирование практически по всем отраслям народного хозяйства Германии. Этот орган состоял из двух отделов, которые решали главные задачи отраслевого и регионального управления. В промышленности осуществлялась централизация экономики – «картелирование» и другие формы организации системы управления.

Развитие частного бизнеса в Российской экономике 1990-х годов базировалось на идее, что малые частные предприятия более успешно работают на рынке. Отсюда предполагалось, что оно станет локомотивом роста экономики. Ошибка в управлении состояла здесь в том, что не учитывался капитал как самовозрастающая стоимость. Другими словами, любое предприятие, каким бы малым ни было, всегда стремится быть большим. Концепция малого бизнеса родилась на западе, когда требовалось организовать самозанятость безработного населения. Массовое внедрение малого бизнеса означает консервацию научно-технического уровня производства, так как малый бизнес не в состоянии затратить денежные средства на долговременные научные исследования.

Российская экономика начала 90-х гг. по определению ООН носила характер переходной, т.е. от централизованно планируемой к рыночной. Наверное, точнее было бы сказать, что это экономика, переходная от плановой, функционирующей на основе принципов перераспределения ресурсов государством, к рыночной, основанной на принципах самокупаемости всех субъектов. Значительная протяженность территории, ее недостаточная хозяйственная освоенность за пределами европейской части страны, расположенность основных природных ресурсов в удаленных необжитых районах

обусловили довольно высокие издержки их освоения. Тот факт, что основные земельные ресурсы России расположены в зонах континентального климата, в относительно высоких широтах делает наше сельское хозяйство менее продуктивным, чем в других крупных сельскохозяйственных центрах мира. Требуются большие государственные дотации, чем, скажем, в США или в Западной Европе.

Наконец, почти полностью самодостаточную обрабатывающую промышленность, ориентированную в первую очередь на расширение производства средств производства и вооружений, можно было создать лишь путем постоянного перераспределения ресурсов в пользу весьма энерго- и материалоемких отраслей тяжелой и военной промышленности, что также снижало общую эффективность экономики.

В настоящее время Центр России остается донором по отношению ко многим регионам РФ (из 89 субъектов федерации положительное сальдо межрегионального движения ресурсов имеют лишь 15).

Единый народно-хозяйственный комплекс Советского Союза в таких условиях мог сложиться лишь благодаря широкому межрегиональному перераспределению экономических ресурсов при максимально высоком уровне политической и экономической централизации.

Программа «Основные направления перехода к рынку» была разработана правительством и одобрена Верховным Советом СССР осенью 1990 г. В ней выдвигались задачи по стабилизации экономики и сокращению дефицита государственного бюджета прежде всего за счет повышения цен (лишь частично компенсируемого населению), а также меры по переходу к рынку через постепенное разгосударствление собственности крупных предприятий и приватизацию мелких (особенно в сфере торговли и услуг). Программа предусматривала индексацию доходов трудящихся, введение пособий по безработице, создание системы переподготовки рабочей силы и другие меры социальной защиты населения. «Трансформация советской экономики будет чрезвычайно сложным процессом и потребует для завершения много лет. Ее сердцевину составляют три тесно связанных элемента: макроэкономическая стабилизация, ценовая реформа в условиях возрастающей внутренней и внешней конкуренции и реформа собственности» [6].

В программе упор сделан на изменение отношений собственности, на «разгосударствление» и приватизацию как главное содержа-

ние перехода к рынку. Это вполне соответствует теоретической традиции выводить всю хозяйственную систему из этих отношений. Но главное содержание рыночных отношений в наличии эффективной конкуренции на рынках товаров, услуг и ресурсов. Поэтому и вопросы приватизации необходимо решать, исходя из этого главного критерия.

Кроме того, если одновременно с разгосударствлением и приватизацией не создаются условия для свободной внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, перелива ресурсов между отраслями и регионами, то рыночного механизма не получится. Просто одна форма монополии сменит другую. Можно сформулировать три требования к эффективной рыночной реформе:

- все основные аспекты рынка должны создаваться одновременно и во взаимосвязи;
- процесс реформы должен быть максимально сжат во времени;
- необходимо четкое понимание главного содержания, критерия всех проводимых мероприятий.

Все эти требования в «Основных направлениях» были нарушены. Несовместимость устаревшей исходной базы и качественно новых задач – неизбежное противоречие всякой глубокой реформы. И для каждой страны в конкретную эпоху приходится искать собственное, оригинальное решение. Особенно необходимы «нестандартные» решения для такой гигантской страны, как СССР. Советская правительственная программа «Основные направления» привела к разрушению старого административного хозяйственного механизма, не создавая при этом нового, рыночного. Предусмотренное программой и президентскими указами сохранение системы государственных заказов и сложившихся хозяйственных связей будет ограничивать рыночную самостоятельность предприятий, сдерживать управленческую инициативу и перестройку структуры экономики.

Разрушение СССР в конечном итоге должно было привести к жизни новые концепции развития экономики.

В последнее время появляется огромное количество литературы, оправдывающей мероприятия «рыночных реформ». Это естественно для ЛПР любого уровня. Вообще во всяком управленческом решении предварительно необходимо провести анализ сложившейся ситуации, изучить, каково положение дел на момент принятия

решений, а потом только предлагать пути решения проблемы, имея в виду модель будущего экономического устройства. В медицине это закон: сначала диагноз, а потом лечение, хотя бы и «шоковая терапия». В менеджменте 90-х гг. преобладала концепция: сначала сделать «шоковую терапию», а потом «посмотрим, что будет».

6.2. Первые итоги трансформации экономики в 1991–1999 гг. («полупериод» Б. Ельцина)

В нашей стране реформы, направленные на трансформацию планово-распределительной централизованно управляемой системы в рыночную многоукладную экономику, проводятся уже более 20 лет. В этот немалый срок включаются попытки решить проблемы трансформации экономики по социал-демократическому варианту, по модели «рыночного социализма» (1987–1990), а затем и период праворадикальных преобразований по либерально-монетаристской модели (после 1991 г.).

В конце 1991 г. правительство, возглавляемое Е.Т. Гайдаром, разработало программу радикальных реформ в области народного хозяйства. Предлагавшиеся программой меры «шоковой терапии» нацелены были на перевод экономики на рыночные методы хозяйствования болезненно, но быстро. «Люди будут жить плохо, но не долго», – эти слова Б. Ельцина еще будут аукаться в народе России.

Личность Б.Н. Ельцина как первого Президента РФ играет ключевую роль в экономике страны рассматриваемого периода. После выборов Б.Н. Ельцин надолго «выключился» из управления страной из-за плохого состояния здоровья (инфаркт, который скрывали от избирателей). Некоторое время он не появлялся перед избирателями.

На высшие государственные должности были назначены лица, возглавлявшие и финансировавшие предвыборную кампанию Б. Ельцина: А. Чубайс стал руководителем администрации Президента РФ, В. Потанин – первым заместителем председателя Правительства РФ, Б. Березовский – заместителем секретаря Совбеза РФ. Именно эти люди выполняли роль «коллективного президента» РФ в период длительного отсутствия Б. Ельцина.

5 ноября 1996 года Ельцину была проведена операция аортокоронарного шунтирования сердца, во время которой обязан-

ности президента исполнял В.С. Черномырдин. На фоне вызывающей сомнение проведенной выборной кампании и длительного отсутствия первого лица на каналах ТВ и радио появились слухи, что эта операция была неудачной и что к работе вернулся в начале 1997 года двойник Ельцина. В конце 1999 года он принял решение об отставке, оставив В.В. Путина исполняющим обязанности главы государства.

Важное место в программе «шоковой терапии» экономики занимала либерализация цен – освобождение их из-под контроля государства. Переход на свободные (рыночные) цены и тарифы был начат с января 1992 г. За государством сохранилось регулирование цен лишь на некоторые товары и продукцию производственно-технического назначения. Либерализация цен вызвала резкий скачок инфляции (более 2000% в год). За год потребительские цены в стране выросли почти в 26 раз. Снижился уровень жизни населения: в 1994 г. он составил 50% от уровня начала 90-х годов. Обесценились денежные сбережения граждан и были прекращены их выплаты, хранившиеся в Госбанке.

Основная роль в процессе перехода к рынку отводилась приватизации (разгосударствлению) собственности. Ее результатом должно было стать превращение частного сектора в преобладающий сектор экономики. Приватизация госсобственности охватила, прежде всего, предприятия розничной торговли, общественного питания и службы быта. В результате политики приватизации в руки частных предпринимателей перешли 110 тыс. промышленных предприятий. Ваучерная приватизация 1992–1994 гг. привела к потере государственным сектором ведущей роли в экономике и возрастающей роли криминалитета в приватизации за счет средств разного уровня «общаков». Население из-за отсутствия денег было практически выведено из процесса приватизации.

Однако изменение формы собственности не повысило эффективности экономики. В середине 1993–1994 гг. падение промышленного производства составляло 21%, в том числе в машиностроении – 31%, в производстве предметов широкого потребления – 30%. Свыше половины товаров российского рынка приходилось на долю импортной продукции. Одним из последствий приватизационной политики стал распад энергетической инфраструктуры.

Гайдаровские реформы, призванные преодолеть негативные тенденции в экономике, еще больше усугубили ситуацию в стране. К началу 1992 года дала о себе знать либерализация цен. В числе ее последствий – значительное подорожание товаров и услуг и стремительный рост задолженности по зарплатам. Особенно тяжело кризис ударил по высокотехнологичной промышленной продукции и, в частности, по машиностроению (табл. 11).

Таблица 11

Динамика производства некоторых видов машиностроительной продукции за период 1990–2000 гг.

Виды продукции	1990	1995	2000
Легковые автомобили, тыс. шт.	1103	835	969
Троллейбусы, шт.	2302	340	969
Автобусы, тыс. шт.	51,9	39,8	54
Грузовые автомобили, тыс. шт.	665	142	184
Электровозы магистральные, шт.	206	15	19
Тракторы на колесном ходу, тыс. шт.	92,6	10,8	6,9
Тракторы гусеничные, тыс. шт.	121,0	10,4	12,4
Бульдозеры самоходные с поворотным отвалом, тыс. шт.	14,1	2,4	3,0
Комбайны зерноуборочные, тыс. шт.	65,2	6,2	5,2
Станки металлообрабатывающие, тыс. шт.	74,2	18,0	8,9
Станки деревообрабатывающие, тыс. шт.	25,4	11,2	10,2
Станки ткацкие, тыс. шт.	18,3	1,8	0,09

Отечественная наука как непосредственная производительная сила экономики перестала существовать. Многие ученые эмигрировали за рубеж, были распроданы архивные данные большинства отраслевых институтов прикладного профиля. Численность занятых в научном труде также резко снизилась (рис. 2).

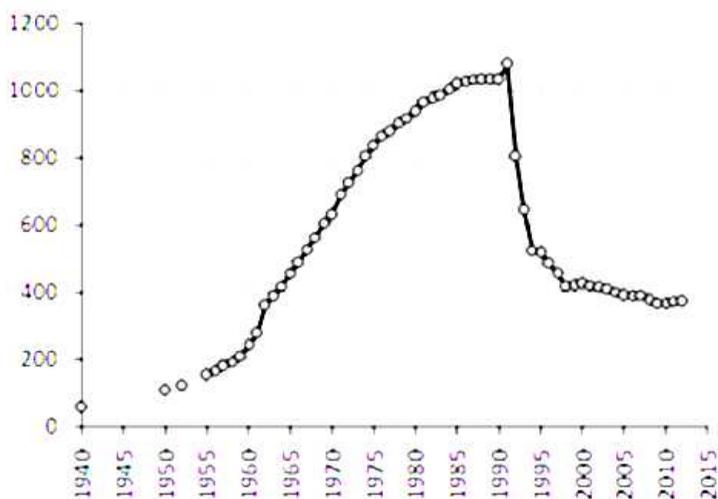

Рис. 2. Численность научных работников, тыс. чел.

Статистика показывает, что «шоковая терапия» привела к полному упадку и деградации промышленного производства. Структурная перестройка промышленного производства отражает, что все отрасли, которые опираются на достижения науки, практически свернули свое производство. Остались производства с простейшей продукцией или той, которую называют «отверточным производством»: сельское хозяйство, пищевая промышленность, производство энергоресурсов. Все, что относится к продукции средних и высоких переделов, оказалось в крайне кризисном состоянии. По некоторым важнейшим стратегическим позициям высокотехнологической продукции произошел фактически коллапс.

В крайне тяжелом положении оказались работники научной и социальной сферы. К примеру, заработная плата научных сотрудников к концу 1990-х составляла 12–14 долларов при прожиточном минимуме в 50 долларов. Еще ниже оказались пенсии по старости и инвалидности.

подавляющей части населения России пришлось максимально ужать свои расходы. Так, в 1992 году потребление мяса сократилось на 80%, молока – на 56%, овощей – на 84%, рыбы – на 56% от уровня

и без того скудного 1991 года. К лету 1998 года ситуация немного выправилась, однако продолжала оставаться удручающей.

К концу 1990-х годов отечественное здравоохранение вынуждено было отказаться от бесплатной полноценной медицинской помощи. По основным показателям его уровень скатился на 131-е место в мире. Все это не могло не сказаться на демографической ситуации в стране.

По данным Росстата, за 17 лет с 1992 по 2008 годы прямая убыль населения составила 12 млн 757 тыс. человек (больше, чем потери России в Первой мировой войне). Известно, что в 1991 году в России проживало 148 миллионов граждан, значит, на начало 2009 года в стране осталось немногим более 135 миллионов. Правда, согласно официальной статистике в России на 2009 год проживал 141 миллион человек. Дополнительные 6 миллионов, очевидно, приписали за счет мигрантов, прибывших преимущественно из стран СНГ. По данным Росстата, в 2009 году миграционный прирост «на 82,9% компенсировал численные потери населения».

Демограф В. Тимаков сообщает, что в 1999 году суммарный коэффициент рождаемости в России (итоговое количество детей на одну женщину) составлял 1,14, что является самым низким показателем рождаемости в нашей истории. При этом у этнически русских женщин он был еще ниже, чем в целом по стране, – всего 1,08. В. Тимаков убежден, что сталинская коллективизация и ельцинская приватизация во многом похожи. И та, и другая оставили катастрофически отрицательный след на демографических процессах. Но если 30-е годы были отмечены большим числом насильственных жертв, то в 90-е вымирание происходило в мирных условиях.

Возникает вопрос: а не было ли это целью той знаменитой «перестройки»? Можно привести несколько фраз известных политиков: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок. Не думайте об этом – новые вырастут» (А.Б. Чубайс). «На территории СССР экономически оправдано проживание 15 миллионов человек» (М. Тэтчер) [3].

Отношение руководства страны к проблемам промышленности и населения страны характеризуется следующим примером. Посещая в 1993 году крупнейший промышленный центр Дальневосточного региона г. Комсомольск-на-Амуре, где расположены большие стратегические предприятия страны: авиазавод, судостроительный,

нефтеперерабатывающий и металлургический заводы, Е. Гайдар обмолвился, что в здешних краях достаточно оставить 30 тысяч населения для заготовки леса.

В результате безумной приватизации ко второй половине 90-х годов большинство крупных и средних предприятий России превратились в частные, коммерческие и акционерные общества, иногда попавшие в руки зарубежных «хозяев». Возникли и активно действовали многочисленные коммерческие банки, фондовые биржи и торговые дома, что привело к окончательной потере государством возможности управлять новыми производственными и финансовыми структурами с помощью прежних административных методов. Однако теперь в руках государства находились значительные пакеты акций заводов и фабрик, играющих ведущую роль в российской экономике. Велась разработка системы управления этими пакетами акций с целью воздействия на деятельность предприятий негосударственного сектора.

Программа экономических реформ включила серьезные преобразования в сельском хозяйстве. 90-е годы стали временем интенсивного развития новых форм хозяйствования. В агросекторе экономики преобладающую роль играли открытые и закрытые акционерные общества, товарищества с ограниченной ответственностью, сельскохозяйственные кооперативы. В 1999 г. их удельный вес в структуре сельскохозяйственных предприятий составлял 65,8%.

Экономический кризис тяжело отразился на состоянии аграрного сектора. Не хватало минеральных удобрений, автомашин и сельхозтехники. В 1996 г. предприятия сельхозмашиностроения произвели 14 тыс. тракторов, в 1998 г. – 9,8 тыс., зерноуборочных комбайнов 2,5 и 1 тыс. соответственно. В последующие годы их выпуск продолжал уменьшаться. Недостаток сельхозтехники, особенно для фермерских хозяйств, организационная перестройка форм хозяйствования повлекли за собой падение уровня урожайности. Объем сельскохозяйственного производства в середине 90-х годов упал на 70% в сравнении с 1991–1992 гг. На 20 млн голов уменьшилось поголовье крупного рогатого скота. К концу 90-х годов число убыточных хозяйств в государственном секторе составляло по официальным данным 49,2%, в частном – 57,9% [17].

Радикальные преобразования в российской экономике обернулись значительными потерями (табл. 12).

Таблица 12

**Основные экономические показатели развития России
в 1990 и 1997 гг.**

Показатель	1990	1997
ВВП, млрд долл.	990	580
ВВП на душу населения	6,7	4,0
Производство промышленной продукции, млрд долл.	315	155
Доля России в мировом промышленном производстве, %	4,6	1,8

Очевидно, что объем внутренней валовой продукции (в стоимостном выражении) в постсоветской России по сравнению с годами «перестройки» сократился в 1,7 раза. В два раза упало производство промышленной продукции.

Формирование новых имущественных отношений сопровождалось углублением социальной дифференциации населения. Увеличивалась численность лиц, живущих за чертой бедности (по разным подсчетам их удельный вес в обществе составлял 35–65%).

Кризис власти. После распада СССР началась ликвидация прежних структур власти и управления. Некоторые бывшие союзные учреждения и ведомства передавались в распоряжение российских управленческих структур. Резиденцией президента страны стал Московский Кремль. 21 апреля 1992 г. было изменено официальное название российского государства. РСФСР была переименована в Российскую Федерацию – Россию (при равнозначности обоих названий).

У многих россиян вызывали недовольство продолжение курса на развитие рыночной экономики, продолжавшийся экономический кризис и отсутствие социальных гарантий. В декабре 1992 г. под давлением законодательной власти ушло в отставку правительство Е.Т. Гайдара. Новым премьером кабинета министров стал В.С. Черномырдин, ранее находившийся на руководящей хозяйственной работе. Но это не сняло напряженности в обществе и во взаимоотношениях президента Б.Н. Ельцина и парламента.

В апреле 1993 г. по инициативе Съезда народных депутатов был проведен референдум о доверии президенту, о досрочных выборах президента и народных депутатов. Из 69 млн человек, участвовавших в выборах, свыше половины поддержали президента и проводимую им социально-экономическую политику (соответственно 58,7 и 53%). За досрочные выборы депутатов проголосовали 67,6% избирателей. Итоги референдума, означавшие победу президентских сил, углубили политический кризис.

Противостояние ветвей власти усилилось осенью 1993 г. К этому времени президентом и его советниками был подготовлен проект новой Конституции РФ. Однако парламентарии, стремясь ограничить всевластие президента, откладывали ее принятие. 21 сентября 1993 г. Б.Н. Ельцин объявил о роспуске представительных органов власти – Верховного Совета РФ и Съезда народных депутатов. На 12 декабря были назначены выборы нового парламента. Часть депутатов отказалась признать законность действий президента и заявила об отстранении его от власти. Был приведен к присяге новый президент – А.В. Руцкой, до того момента занимавший пост вице-президента РФ.

В ответ на антиконституционный президентский акт силами оппозиции в Москве были организованы демонстрации, в ряде мест возведены баррикады (2–3 октября). Была предпринята неудачная попытка штурма мэрии и Останкинского телевизионного центра. Стремление изменить курс социально-экономических реформ объединило несколько десятков тысяч человек. В столице было объявлено чрезвычайное положение, введены войска.

С установлением единовластия президента начался слом действовавшей до тех пор системы Советов. В октябре 1993 г. были приняты несколько указов о реформе представительных органов власти и местного самоуправления. В соответствии с ними прекращалась деятельность Советов всех ступеней. Их обязанности передавались в руки местной администрации и выборных дум.

Следует отметить важные с точки зрения формирования хозяйственного порядка рыночного типа изменения: преодолены тотальная централизация экономики и монопольное положение государства в организации экономической жизни общества; хозяйство стало многоукладным с равноправным положением субъектов рынка различных форм собственности и преобладанием частной собст-

венности; начали складываться отношения конкурентности между предприятиями в борьбе за рынок, доступ к ресурсам, покупателя товаров и услуг; созданы институты инфраструктуры рынка, обслуживающие взаимоотношения его субъектов; динамика и изменения структуры производства в основном подчиняются объему и структуре платежеспособного спроса. Вследствие преобразования отношений собственности и либерализации хозяйственных отношений изменилась социальная структура общества (появились класс предпринимателей и класс наемных работников, который, естественно, переместился в частный, негосударственный, сектор хозяйства), изменилась структура источников доходов населения, формируется рынок труда с таким его признаком, как резервная армия труда (безработица), с углублением дифференциации населения по доходам.

Вместе с тем экономические результаты реформ по либерально-монетаристской модели оказались в целом негативными, а в некоторых отношениях и катастрофическими: небывалый спад производства, резкое снижение реальных доходов подавляющей части населения, потеря управляемости хозяйством и социальными процессами.

Более двадцати лет страна живет в условиях «инвестиционных каникул», в значительной мере за счет «проедания» ресурсов, мощностей, запасов прочности, сформировавшихся в советское время. Не удалось войти в стабильный режим экономического роста, масштабных инвестиций и планомерно ориентируемых структурных сдвигов. Утеряны ранее занимаемые позиции в мировом равнении по объему ВВП. Россия теперь стала занимать 16 место в мире, а в расчете его на душу населения – 110-е место.

Возникла противоестественная ситуация: находящаяся в экономическом нокдауне Россия является финансовым донором для внешнего мира, если иметь в виду вывоз капитала и импорт валютной наличности. Иностраный капитал направляется преимущественно в топливно-сырьевые и перерабатывающие сырье отрасли, а также в важнейшие оборонные и ключевые гражданские промышленные предприятия. Происходит интенсивный отток из страны научно-технических и технологических знаний, имеющих стратегически важное значение. Россия же получает не самые новые (и уж во всяком случае не стратегически важные) технологии для отраслей распределения и производства потребительских товаров и услуг.

Неуправляемость экономики и инвестиционно-финансовый кризис. Реализация неолиберальных доктрин привела к разрушению механизмов управления производственными процессами в отраслевом и общественном масштабе. Продолжающиеся попытки атомизировать некогда высококонцентрированную промышленность вызвали распад многих существовавших ранее технологических цепочек и, соответственно, распад внутренних рынков на постсоветском экономическом пространстве. Это стало следствием не только ликвидации централизованного функционального управления промышленностью, но и отсутствия комплексной промышленной политики, имеющей целью сохранить и развить индустриальный потенциал страны в условиях реформ.

Провозглашенная в конце 80-х и практически реализуемая до сих пор так называемая политика адаптации промышленных предприятий к новым условиям (открытость рынков, мировые цены, самокупаемость) поставила большинство этих предприятий в условия, близкие к катастрофическим и банкротству.

В нашей стране стратегическими национальными целями объявлены чисто институциональные перемены, связанные со сменой собственности во всех сферах хозяйства. Произошла своеобразная подмена понятий – не реформы ради улучшения экономики, а либерализация, несмотря на кризис экономики. В результате вопросы руководства и управления хозяйством были отодвинуты на задний план.

Произошло «утяжеление» структуры народного хозяйства: возросла доля производства средств производства, преимущественно топлива и сырья в продукции промышленности и ВВП. Несмотря на попытки форсировать развитие потребительского сектора в первые годы реформ, страна во все большей степени живет за счет экспорта энергоносителей, металлов, химической продукции (например, удобрений, несмотря на их нехватку на полях страны).

Доля потребительского сектора в ВВП уменьшилась из-за разрушения отечественного производства продовольствия и промышленных потребительских товаров.

Отечественное машиностроение, в том числе гражданское, уменьшило свое производство в 4–5 раз, многие предприятия остановлены. Происходит деиндустриализация страны, Россия во все большей степени становится производителем сырья, живет за счет

продажи других национальных ресурсов, например, нефтегазовых ресурсов, а также основных фондов и городской недвижимости.

Чрезвычайно расширился спекулятивно-посреднический бизнес, в котором определяющую роль до последнего времени играли коммерческие банки, фактически обслуживавшие не производственное накопление, а перераспределение собственности и ресурсов в интересах меньшинства населения и вывоза этих ресурсов за границу. Этому способствует (фактически являясь основой перераспределения) допущение свободно конвертируемой валюты в качестве меры стоимости, платежного средства, кредитных денег.

К перераспределению национального достояния до последнего времени были допущены и значительные слои мелких собственников, что делало их заинтересованными участниками перераспределительных процессов. Вследствие чего резко усилилась коррупция, так и не устраненная до сегодняшнего дня.

Программы развития потребительского сектора и социальные программы не выполняются в полном объеме, прежде всего из-за сокращения платежеспособного спроса. До сих пор продолжается падение уровня и качества жизни основной массы населения, хотя, казалось бы, предел этого падения уже достигнут.

Таким образом, фактическими результатами либеральных реформ экономики стали:

- потеря позитивных ориентиров национальной промышленной политики, фактическое отсутствие такой политики;
- обескровливание экономики вследствие оттока финансовых ресурсов за границу, блокирующего нормальный инвестиционный процесс внутри страны;
- критическое уменьшение государственных финансовых ресурсов, что чрезвычайно ограничивает возможности реализации перспективной промышленной политики, создает основу для постоянного дефицита бюджета и роста государственного долга.

Иными словами, кризис либеральной политики реформ и вызванный ею общий кризис экономики России при их продолжении обрекают национальную промышленную политику на неэффективность практически во всех ее разновидностях.

Сложившийся в стране хозяйственный порядок крайне несовершенен (даже уродлив) в сравнении с мировыми образцами развитой рыночной социально ориентированной экономики. «Уродство»

российского рынка выражается в том, что он в течение ряда лет существовал без платежеспособного спроса (вследствие спада доходов населения и разорения значительной части предприятий реального сектора), без внутреннего предложения (поскольку отечественное производство сокращалось десятилетие), без достаточной денежной массы (ввиду жесткой денежной политики, крайне низкого коэффициента монетизации ВВП, сосредоточения денежного обращения в транзакционном секторе и денежного голода в реальном секторе). Хозяйственный порядок поражен зияющими правовыми и институциональными пустотами, образовавшимися после разрушения организационно-экономических структур планово-распределительной системы и не заполненных из-за вялости институциональных преобразований. Многие из созданных рыночных институтов оказались неработоспособными в условиях относительной финансовой стабилизации, поскольку изначально рассчитывались на спекулятивную деятельность, снятие «сливок» с инфляции, другие – непрочными, неустойчивыми и разрушались под ударами финансового кризиса осени 1998 г. (значительная часть банковской системы, фондовый рынок).

Хозяйственные отношения (да и вся общественная жизнь в стране) деформированы под давлением антирыночных, антилиберальных, рэкетных по своей природе сил. Прежде всего, это организованная преступность, орудующая повсеместно и в широком диапазоне – от выбивания незаконной платы с лавочника на городском рынке до заказного физического устранения конкурентов (банкиров, руководителей компаний). Это бюрократический произвол, коррупция в государственном аппарате на всех его уровнях. По данным Мирового банка, аналитики которого по 50 странам мира рассчитали индекс коррумпированности, Россия находится на 46-м месте. В числе наименее коррумпированных стран – Дания, Финляндия, Швеция. США занимали 16-е место в двадцатке наиболее благоприятных стран.

Российская общественность, да и многие представители политических и деловых кругов за рубежом дают резко негативную оценку указанным выше результатам праворадикального «эксперимента» над нашей экономикой. Всеобщим стало требование выработать новые подходы к углублению и обеспечению позитивного характера рыночных преобразований в стране, придать им страте-

гический характер и довести до полного соответствия национальным интересам. Политическая ситуация дает подтверждение и одновременно важные предпосылки реализации этого требования: прошли выборы в Государственную думу, избран новый президент действующих институтов социально ориентированного рыночного хозяйства.

Задача и предназначение нового этапа рыночной реформы – преодоление застоя в институциональных преобразованиях. Предстоит перейти от простейших и преимущественно административных по своей сути решений относительно либерализации и дерегулирования экономики к тщательно выверенному выстраиванию хозяйственного порядка. Речь идет о таком порядке, который учитывал бы общие закономерности рынка и особенности страны и при котором самостоятельность субъектов рынка сочеталась бы с консолидацией их усилий в интересах всего общества. Индивидуальная инициатива и стремление хозяйствующих субъектов к увеличению своих доходов должны в конечном счете приводить к стабилизации и повышению эффективности общественного производства и, как следствие, к росту благосостояния населения.

Важнейшее направление реформаторской деятельности – создание определенной системы институтов, правил хозяйствования, юридических законов и кодексов поведения субъектов рынка и самого государства в экономике. Предназначение этой системы – защита позитивных либеральных ценностей в экономике (многоукладного и хозяйственного равноправия различных по формам собственности субъектов рынка, конкуренции, свободы предпринимательства, внешней открытости, роста доходов предпринимателей на основе их созидательной деятельности по удовлетворению общественных потребностей), содействие отладке механизмов регулирования национального хозяйства – рыночного, корпоративного, государственного.

Решающее значение в период рыночной трансформации экономики приобретает преобразование и упорядочение такого общественно-экономического и правового института как отношения собственности. Легитимная постприватизационная корректировка отношений собственности в целях повышения экономической и социальной эффективности народно-хозяйственного комплекса возможна на основе конкуренции, выявляющей структуры, неспособные

рационально использовать отчужденное от государства имущество, с применением процедур банкротства под наблюдением государственных органов.

Наряду с государственным весьма существенно также формирование и корпоративного сектора экономики (производственно-коммерческих объединений – концернов, холдингов, финансово-промышленных групп, других форм объединений производителей и потребителей). Крупные корпорации в смешанной экономике способны выступать стратегическими партнерами государства в проведении реформ, взять на себя функции планирования и организации обмена деятельностью предприятий в ключевых народно-хозяйственных сферах, используя как рыночные, так и планово-распределительные методы (последнее практикуется, прежде всего, в рамках внутрикорпоративного оборота).

Ведь соответственно идеологии либерально-монетаристского толка приоритет экономической политики – это финансовая стабилизация. А судьба реального сектора должна складываться в зависимости от уровня и динамики основных макропоказателей. Теоретически предполагалось, что преодоление в основном инфляции, достижение бездефицитности государственного бюджета, устойчивость национальной валюты есть необходимые и вполне достаточные условия для возобновления экономического роста и активной инвестиционной деятельности в условиях рынка.

Такая реструктивная политика имела временные положительные результаты с точки зрения финансовой стабилизации, но оказалась недостаточной для возобновления экономического роста. Она была самодостаточной для транзакционного сектора, но не давала положительного эффекта для реального сектора и социальной сферы. Более того, чем жестче была денежно-кредитная и финансовая политика, тем негативней были ее следствия для общественного производства и благосостояния основной массы населения. Страна заплатила за жесткость монетарной политики разрушением значительной (минимум 50%-й) части производства и обнищанием основной массы населения. Инфляцию как бы разменяли на рост государственного долга (внутреннего и внешнего), переведя страну в режим жизни взаимности. Средства иностранных займов использовались на неотложные текущие нужды (выдачу зарплат и пенсий, обслуживание накапливавшихся задолженностей) и в реальный сектор

не попадали. Произошла «порча» качества национальной денежной системы: решающую роль в обслуживании оборота ВВП стали играть бартер и суррогаты рубля. Жертвы оказались напрасными, а достигнутая, казалось бы, финансовая стабилизация – крайне ненадежной.

6.3. «Путинский полупериод» развития российской экономики с 2000 г.

Первым указом, подписанным В. Путиным на посту Президента РФ, стал Указ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи». В нем обеспечивается неприкосновенность Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку.

Данный Указ предопределяет всю последующую деятельность молодого тогда президента. Главная цель его деятельности – удержаться у власти как можно дольше. При этом в менеджменте страны доминировала концепция управления экономикой на основе меркантилизма и монетаризма, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным, опираясь на рыночные интересы. При этом никак не ставилась задача роста эффективности производства и роста благосостояния населения. Разумеется, в этом направлении были соответствующие политические заявления, но по факту дело происходило совсем не так. Причина этого в нежелании сменить парадигму менеджмента или непонимании того, что при действующей парадигме не может быть роста эффективности экономики. Практика реализации рыночной экономики оказалась далека от теоретических построений «младореформаторов», начиная с провала результатов «шоковой терапии».

Россия попала в перманентный системный кризис, наступление которого предопределяется несоответствием целей, стоящих перед народным хозяйством, и методов управления. Изменение, которое в условиях всеобщей и глубокой веры в рыночную доктрину управления в аппарате управления невозможно без смены верующих. Кроме того, на первое место вышла политическая сторона деятель-

ности президента как на внешнем, так и на внутреннем направлении.

Особенности изучаемого «полупериода» (с 2000 г. по настоящее время) состоят в крайней ограниченности выбора целевых направлений конструктивной антикризисной стратегии. Масштабы угроз и располагаемые ресурсы достаточно жестко определяют параметры и качественное содержание экономического развития, необходимые для преодоления нового обострения системного кризиса. Рассмотрим основные направления, декларируемые в программных заявлениях, далее фактическое положение дел с привлечением официальной статистики.

Первое направление – повышение уровня и качества жизни основной массы населения. В ближайшее десятилетие эта задача является императивом антикризисной стратегии по целому ряду причин. С одной стороны, уход от ситуации, когда, по разным оценкам, 35–50% населения имеет доходы ниже прожиточного минимума, необходим для того, чтобы сохранить «человеческий капитал», демографический, образовательный и культурный потенциал общества и создать благоприятную социальную среду для мотиваций к труду и предпринимательской деятельности. С другой стороны, рост благосостояния необходим и как фактор экономического оживления: запустить российскую экономику невозможно, если не будет создан эффективный платежеспособный спрос на массовую потребительскую продукцию отечественных товаропроизводителей.

В конечном счете реализация рыночной доктрины требовала создать российский «средний класс» как массовый слой обеспеченного населения с уровнем потребления выше уровня 1990 г. Теоретически он должен был бы охватить по крайней мере 40% населения. Одновременно следовало резко, до 10–15%, сократить долю населения с доходами ниже прожиточного минимума. Для реализации таких условий средний уровень потребления должен был возрасти в 1,8 раза. Цель не была достигнута. К среднему классу, согласно опросам, отнесли себя люди с высшим образованием, но не со средним даже достатком.

Второе направление – резкая активизация инвестиций для качественной модернизации производственно-технологического аппарата и поддержания сырьевой базы экономики. Здесь главная цель –

качественное преобразование экономики России. В 2012 году сразу после официального вступления на пост главы государства В. Путин дал новому правительству ряд амбициозных поручений, включая создание в стране 25 миллионов модернизированных рабочих мест в течение шести лет. Она, естественно, не была выполнена [25]. Иначе говоря, ежегодно требовалось внедрение порядка 4 млн прогрессивных станков, что при существующей производственной базе машиностроения (ежегодный суммарный выпуск около 25 тыс. станков) было заведомо невозможно.

Для сохранения необходимых производственных мощностей и одновременной нормализации процесса их качественного обновления объем производственных инвестиций должен возрасти в 2,4 раза. При этом необходимо:

- расширить внутренние финансовые источники инвестиций, прежде всего, за счет роста доходов и накоплений предприятий реального сектора;

- перейти к режиму интенсивного обновления производственного аппарата;

- обеспечить структурный маневр инвестициями в пользу обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства;

- восстановить и развить собственную базу инвестиционных ресурсов (машин, технического оборудования), максимально задействовав имеющийся инновационный и технологический потенциал.

Третье направление – обеспечение военной безопасности страны. Снижение внешних военных угроз, а также военно-технологическая безопасность требуют увеличения расходов на национальную оборону. Нормализация расходов на оборону подразумевает, в частности:

- поддержание численности вооруженных сил, необходимой для ведения одного-двух вооруженных конфликтов средней интенсивности на различных театрах военных действий, то есть не менее 1,2 млн человек (это потребует не менее 54 млрд руб., исходя из ежегодных расходов на одного военнослужащего в 45 тыс. руб.);

- значительное увеличение в структуре военного бюджета доли инвестиционной компоненты – закупок вооружений и военной техники, оборонных НИОКР, капитального строительства. Модерниза-

ция вооружений четвертого поколения, доработка и начало закупки образцов пятого поколения для отдельных видов войск (авиация, танковые войска), начало разработки вооружений шестого поколения потребуют увеличения расходов на инвестиционные статьи военного бюджета как минимум в три раза.

Интересно отметить, что именно так называемое «ручное управление» военно-промышленным комплексом страны внесло существенный вклад в рост показателя ВВП. Отдельные подотрасли этого комплекса имели в последующем темпы роста около 15%. Такое управление должно было бы подтолкнуть к развитию новой парадигмы управления, однако этого не произошло.

Четвертое направление – поддержание и развитие социальной инфраструктуры, обеспечивающей воспроизводство человеческого капитала. Чтобы сохранить систему отраслей социально-культурной сферы (образование, здравоохранение, культура), поддержать ее развитие и обеспечить проведение необходимых реформ, необходимо увеличить расходы на конечное потребление государственных учреждений, оказывающих индивидуальные услуги, как минимум на 40%.

Пятое направление – сохранение и развитие научного и инновационного потенциала. Фактическое положение науки иначе, как кризис, не назвать.

В начале перестройки экономики в 1990-х годах главным направлением критики централизованной экономики был тезис о том, что государство не может в принципе создать передовую экономику. После проведенной глобальной приватизации практически во всех сферах производства жизнь (согласно статистической информации, а также наблюдаемой действительности) демонстрирует ошибочность этого тезиса. Прежде всего, в современном хозяйственном механизме отмечены консерватизм, инерционность и слабая востребованность достижений науки в производстве. Кроме того, за последнюю четверть века наблюдается отсутствие внимания Правительства РФ в отношении развития науки и технического прогресса в стране. Рассмотрим общий анализ состояния научных организаций (табл. 13, 14).

Таблица 13

Число организаций, выполнявших исследования и разработки

Организация	1992	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Число организаций – всего	4555	4099	3566	3492	4175	4032	3944
В том числе:							
научно-исследовательские	2077	2686	2115	1840	1708	1673	1577
конструкторские	865	318	489	362	322	304	273
проектные и проектно- изыскательские	495	85	61	36	29	26	23
опытные (эксперимен- тальные) предприятия	29	33	30	47	61	62	63
образовательные организа- ции высшего образования	446	390	406	517	1040	979	970
организации промышлен- ности, имевшие научно- иссле-довательские, про- ектно-конструкторские подразделения	340	284	231	238	371	363	380
прочие	303	303	234	452	644	625	658

Таблица 14

**Численность персонала, занятого исследованиями
и разработками (на конец года; тыс. чел.)**

Персонал	1992	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Численность персонала – всего	1532,6	887,7	813,2	736,5	738,9	722,3	707,9
в том числе:							
исследователи	804,0	425,9	391,1	368,9	379,4	370,4	359,8
техники	180,7	75,2	66,0	59,3	62,8	60,4	59,7
вспомогательный персонал	382,2	240,5	215,6	183,7	174,1	171,9	170,3
прочий персонал	165,7	146,1	140,5	124,6	122,6	119,6	118,1

Численность персонала научных организаций за четверть века сократилась более чем два раза, а количество исследователей, т.е. наиболее активного состава работников, генерирующих научно-исследовательскую продукцию, сократилось на 56%. Средний возраст кандидатов наук, занятых в научных организациях, превышает 50 лет, докторов наук – 60 лет. Это свидетельствует об отсутствии воспроизводства наиболее творческой части научного персонала. В науке процесс передачи опыта практически приостановился.

Развитие научного и инновационного потенциала страны означает не только субсидирование этой сферы деятельности, но, прежде всего, стимулирование эффективного спроса на результаты научных исследований и инновации. В обозримом будущем в условиях санкций, наложенных на Россию, это может быть обеспечено только в рамках повышения инвестиционной активности и развертывания технической реконструкции научно-производственного аппарата на базе новой отечественной техники. Напомним, что современная экономика науку рассматривает как непосредственно производительную силу (табл. 15, 16).

Таблица 15

Финансирование науки из средств федерального бюджета

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Расходы федерального бюджета, млрд руб.:	17,4	76,9	237,6	439,4	402,7	377,9
в том числе:						
на фундаментальные исследования	8,2	32,0	82,2	120,2	105,2	117,0
на прикладные научные исследования	9,2	44,9	155,5	319,2	297,5	260,9
в процентах:						
к расходам федерального бюджета	1,69	2,19	2,35	2,81	2,45	2,30
к валовому внутреннему продукту	0,24	0,36	0,51	0,53	0,47	0,41

Примечание: сост. авт. по [31].

Таблица 16

Внутренние затраты на научные исследования и разработки

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017
Внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб.	76,7	230,8	523,4	914,7	943,8	1019,2
в процентах к валовому внутреннему продукту	1,05	1,07	1,13	1,10	1,10	1,11

Примечание: сост. авт. по [31].

Расходы на науку составляют всего 2,3% от федерального бюджета, в затратах ВВП эта величина едва превышает 1,5%. Необходимо резкое повышение расходов на науку. За последнее десятилетие валовой продукт науки и научного обслуживания снизился с 3% ВВП (1989–1990 годы) до 0,6–0,8% в 2008 г. Для того чтобы обеспечить нормальное функционирование гражданских и военных НИОКР, соответствующие расходы должны быть увеличены не менее, чем в три раза.

Шестое направление – обеспечение внешней платежеспособности страны. Для гарантированного обеспечения платежеспособности страны и наращивания валютных резервов (не прибегая к чрезвычайным мерам в валютной и внешнеэкономической сферах) необходимо иметь активное сальдо торгового баланса по товарам и услугам на уровне не менее 15–20 млрд долл. США при сокращении вывоза капитала, как минимум, вдвое.

Реализация отмеченных шести целевых направлений определяет параметры необходимого увеличения объема ВВП – на 60–65%. Другими словами, для решения указанных проблем принципиально важно не только добиться оживления экономики, но и перейти к ее росту с темпами не ниже 10% в среднем за год, постоянно поддерживая такой режим. Наука, как известно, представляет в современной экономике непосредственно-производительную силу. От нее зависят темпы роста экономики, только такие параметры позволят одновременно решать неотложные задачи повышения благосостояния, развития социальной сферы, обновления производственного аппарата, обеспечения оборонной достаточности, обслуживания государственного долга.

Сложившаяся под влиянием политических событий в период с 1990 по 1999 гг. модель управления российской экономикой привела ее к стагнации. Еще более радикально она не соответствует новым объективным требованиям (вызовам), возникшим в последующем «полупериоде». По многим конкурентным позициям российская экономика в нынешнем виде уступает не только промышленно развитым странам, но и даже ведущим экспортерам сырьевых товаров. Темпы роста экономики за длительный срок начиная с 2000 г. – начала «второго полупериода» близки к стагнации. Модель управления практически не изменилась, а жизнь идет вперед. Экономика отстает (табл. 17).

Таблица 17

Основные социально-экономические показатели российской экономики за период с 2000 г.

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Численность населения (на конец года), млн чел.	146,3	143,2	142,9	146,5	146,8	146,9	146,8
Естественный прирост, убыль (-) населения, тыс. чел.	-958,5	-846,5	-239,6	32,1	-2,3	-135,8	-224,6
Миграционный прирост населения, тыс. чел.	213,6	107,4	158,1	245,4	261,9	211,9	124,9
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	64517	66683	67493	72425	72065	71843	71726
Численность безработных, тыс. чел.	7700	5242	5544	4264	4243	3967	3657
Численность безработных, зарегистрированных в органах службы занятости населения (на конец года), тыс. чел.	1037	1830	1589	1001	895	776	693
Численность пенсионеров, тыс. чел.	38411	38313	39706	42729	43177	43504	43872
Среднедушевые денежные доходы населения, руб. в месяц	2281	8088	18958	30254	30865	31745	33010

Продолжение табл. 17

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Среднедушевые денежные расходы населения, руб. в месяц	2218	7968	18529	27513	28161	29582	31789
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	2223	8555	20952	34030	36709	39167	43445
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694,3	2364	7476	11986	12391	12887 ⁸⁾	13360
Валовой внутренний продукт:							
всего, млрд руб.	7306	21610	46309	83094	86014	92101	103876
на душу населения, руб.	49835	150571	324177	567561	586429	627212	707453
Расходы на конечное потребление млрд руб.	4476,8	14438,2	32514,6	58240,5	61389,8	65165,5	69333,0
Основные фонды в экономике по полной учетной стоимости на конец года, млрд руб.	17464	41494	93186	160725	183404	194649	206487
Объем отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по видам экономической деятельности, млрд руб.:							
добыча полезных ископаемых					11740	13916	18490
обрабатывающие производства					34967	38733	43950
обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха					5052	5380	5563

Продолжение табл. 17

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений					903	1022	1075
Продукция сельского хозяйства, млрд руб.	742,4	1380,9	2465,4	4794,6	5112,3	5109,5	5119,8
Ввод в действие общей площади жилых помещений, млн м ²	30,3	43,6	58,4	85,3	80,2	79,2	75,7
Грузооборот транспорта, трлн т/км	3,6	4,7	4,8	5,1	5,2	5,5	5,6
Пассажиروоборот транспорта общего пользования, млрд пассажиро-километров	496,2	473,3	484,0	530,0	519,8	560,7	594,4
Оборот розничной торговли, млрд руб.	2352	7041	16512	27527	28241	29746	31579
Платные услуги населению, млрд руб.	603	2272	4943	8051	8636	9211	9413 ¹³⁾
Доходы консолидированного бюджета:							
млрд руб.	2097,7	8579,6	16031,9	26922,0	28181,5	31046,7	36916,9
в процентах к валовому внутреннему продукту	28,7	39,7	34,6	32,4	32,8	33,7	35,5
Расходы консолидированного бюджета:							
млрд руб.	1960,1	6820,6	17616,7	29741,5	31323,7	32395,7	33880,7
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	1165	3611	9152	13897	14749	16027	17595
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года), %	120,2	110,9	108,8	112,9	105,4	102,5	104,3
в процентах к валовому внутреннему продукту	26,8	31,6	38,0	35,8	36,4	35,2	32,6

Окончание табл. 17

Показатель	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Профицит, дефицит (-) консолидированного бюджета:							
млрд руб.	137,6	1759,0	-1584,7	-2819,5	-3142,1	-1349,1	3036,2
в процентах к валовому внутреннему продукту	1,9	8,1	-3,4	-3,4	-3,7	-1,5	2,9
Сальдированный финан- совый результат (прибыль минус убыток) в экономи- ке: млрд руб.	1190,6	3225,9	6330,6	7502,7	12801,6	9036,8	13797,2
Объем средств Стабили- зационного фонда Россий- ской Федерации (на нача- ло года), млрд руб.		522,3	-	-	-	-	-
Объем средств Резервного фонда (на начало года), млрд руб.			1830,5	4945,5	3640,6	972,1	0,0
Объем средств Фонда национального благосос- тояния (на начало года), млрд руб.			2769,0	4388,1	5227,2	4359,2	3752,9
Международные резервы Российской Федерации, включая золото (на конец года), млрд долл. США	28,0	182,2	479,4	368,4	377,7	432,7	468,5
Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	1165	3611	9152	13897	14749	16027	17595

Примечание: сост. авт. по [26].

Производительность как характеристика отдачи трудовых ресурсов определяется отношением объема производства в расчете на одного занятого. В современной статистике он рассчитывается как отношение ВВП в действующих ценах в расчете на одного занятого в производстве. Методологически грамотно применять фиксированные цены в оценке ВВП.

Динамика экономических показателей демонстрирует сложное положение экономики современной России на рис. 3.

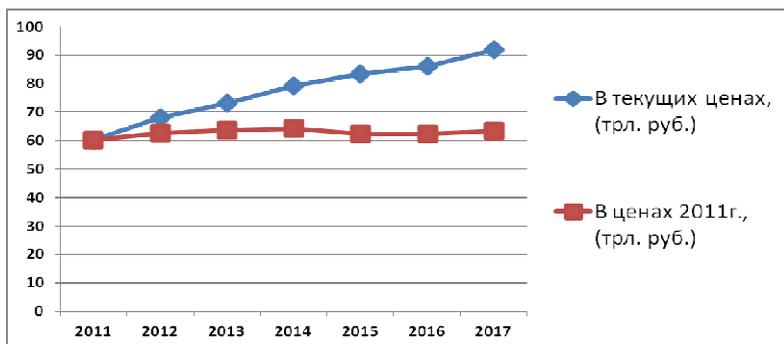

Рис. 3. Динамика ВВП Российской Федерации за период 2011–2017 в текущих ценах и фиксированных ценах 2011 г.

При этом динамика производительности труда как главного критериального показателя, отражающего эффективность экономики, показана на рис. 4.

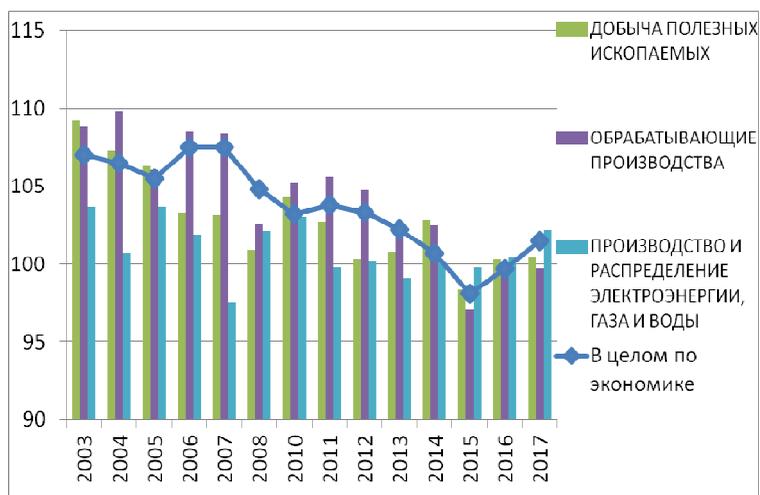

Рис. 4. Индексы производительности труда по России и основным отраслям промышленности РФ за период 2003–2017 гг. (в % к предыдущему году) [20]

Для сравнения темпов отставания экономики России от передовых стран ниже приводится динамика ВВП США, Китая и России, измеренная по паритету покупательной способности (рис. 5).

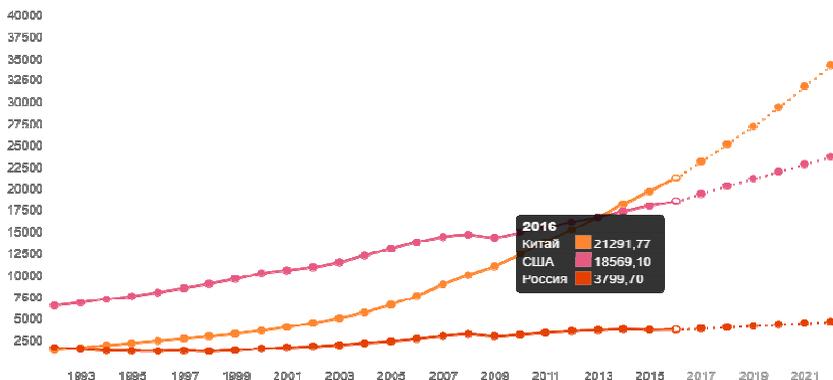

Рис. 5. Уровень и динамика ВВП России, США и Китая

С начала перестройки 1990-х годов китайская и российская экономика находились на одном уровне. После «революций» Дэн Сяо Пина и Б.Н. Ельцина произошли существенные изменения в отставании российской экономики от китайской. Теперь КНР – это передовая страна как по объёму производства, так и техническому уровню производимой продукции. Основная причина этого кроется даже не в «трудолюбии китайцев», как это часто представляют публицисты, а в системе управления национальной экономикой.

Объективно назревает необходимость формирования новой парадигмы управления российской экономикой, которая, в отличие от сложившейся, должна обладать потенциалом долгосрочного динамичного роста. Это позволит решать задачи повышения уровня жизни населения, эффективности и конкурентоспособности производства, сохранения целостности и обеспечения безопасности страны. Данные условия задают минимальные пределы повышения эффективности экономики, которого можно добиться благодаря увеличению темпов развития обрабатывающей промышленности и сохранению инерционной динамики в первичных секторах. Такой режим развития на протяжении длительного времени способен обеспечиваться только за счет мобилизации всех источников повыше-

ния эффективности – структурных, технологических, организационных.

Создание новой модели экономики и выход на траекторию динамичного роста потребуют изменений основных макроструктурных пропорций:

1. Переориентация производства на внутренний спрос и сокращение доли импорта в его покрытии. В ближайшие один-два года основным источником роста со стороны конечного спроса останется импортозамещение, в дальнейшем – производственные инвестиции, далее в процессе ослабления финансовых ограничений – государственный спрос, во второй половине десятилетия – потребительские расходы.

2. Разблокирование источников роста внутреннего спроса – увеличение доходов и накоплений реального сектора, замороженных в неденежных формах расчетов. В течение ближайших лет доля валовой прибыли товаропроизводителей (без учета банков) в совокупных доходах экономики должна оставаться стабильно высокой на уровне 30–35%. Необходимо изменение ценовых пропорций между первичными и конечными секторами экономики, обеспечивающее ускоренное формирование накоплений в обрабатывающей промышленности и аграрном секторе.

3. Обеспечение опережающего, по сравнению с конечным потреблением, роста валовых сбережений и инвестиций. Продолжить свой рост до конца пятнадцатилетия (до 20–23% ВВП) за счет снижения нагрузки на валовые сбережения со стороны вывоза капитала и других отрицательных капитальных операций с внешним миром.

4. Изменение структуры товарного производства в пользу обрабатывающей промышленности. Основными очагами роста на разных этапах рассматриваемого периода станут: отрасли потребительского комплекса, обеспечивающие импортозамещение; отрасли машиностроения, производящие инвестиционное оборудование; отрасли высокотехнологичного машиностроения, позволяющие обновлять оборудование на современном качественном уровне.

5. Опережающий по сравнению с динамикой производства и инфляции рост денежной массы с одновременным изменением её структуры в пользу средств на счетах предприятий. Основными факторами замедления скорости оборота денег в экономике станут: снижение уровня неплатежей, вытеснение бартера и денежных сур-

рогатов, ужесточение требований к платежеспособности предприятий; дедолларизация национального хозяйства и повышение склонности населения к сбережению.

Формирование качественно новой модели российской экономики предполагает осуществление ряда ключевых условий. Следует подчеркнуть, что эти условия сами по себе еще не создают импульс динамичного экономического развития, они лишь образуют требуемый формат конструктивной среднесрочной стратегии:

1) формирование субъекта экономической политики, интересы и возможности которого соответствовали бы системным целям конструктивной антикризисной стратегии. Для этого, прежде всего, необходимо задать жесткий формат «правил игры», направляющий взаимодействие ключевых экономических игроков в конструктивное целеориентированное русло. А это возможно исключительно в рамках консолидации одновременно на трех социальных уровнях: власти (групп элиты); власти и общества; самого общества (основных социальных групп). Таковую консолидацию можно практически обеспечить одним способом, а именно: превратить повышение уровня жизни граждан в реально работающий критерий для действий властей всех уровней, корпоративных структур (предпринимателей, профсоюзов) и социальных групп;

2) концентрация банковского и промышленного капитала, формирование крупных производственно-финансовых корпораций и мощных банковских структур. Выполнение данного условия абсолютно необходимо для решения целого ряда задач:

– обеспечения конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей на внутреннем и внешнем рынках, где разрозненные российские предприятия, как правило, многократно уступают своим иностранным конкурентам по масштабам капитала, организационным и ресурсным возможностям и т.д.;

– создания целостных производственно-технологических комплексов, восстановления технологической кооперации;

– реструктуризации отдельных предприятий, их финансовой санации и вывода из эксплуатации устаревших производственных мощностей;

– реализации крупных инвестиционных проектов, направленных на техническую реконструкцию производственного аппарата;

- восстановления единой управленческой вертикали, создания партнеров для государства при формировании и реализации крупных государственных проектов и программ;

- создания противовеса, препятствующего экономическому сепаратизму регионов;

- укрепления платежеспособности и ликвидности предприятий;

3) создание эффективной вертикали государственной, а главное – экономической власти, без чего невозможна никакая последовательная экономическая политика.

В сегодняшних российских условиях формула сильного государства включает:

- экономический союз между государством и национальным капиталом, основанный на единстве цели – преодолении кризиса и достижении экономического благополучия страны (такой союз предполагает, в частности, развитие партнерских отношений между государством и крупными корпорациями);

- социальную ответственность крупного капитала, развитие социального партнерства;

- реальную ответственность всех уровней власти за поддержание и рост благосостояния населения;

- безусловное сохранение и усиление федеративного формата вплоть до введения региональной системы управления экономикой и территориальной целостности государства;

- укрепление демократических механизмов контроля за исполнительной властью и местного самоуправления;

- подавление коррупции и криминализации государственного аппарата;

- подавление контроля преступности за региональным развитием общества;

4) развитие эффективных механизмов реализации государственной экономической политики. В настоящее время текущая экономическая политика государства на федеральном уровне осуществляется преимущественно в двух формах:

1) принятия нормативных актов, регламентирующих деятельность экономических агентов;

2) операций Центрального банка, связанных с регулированием денежного обращения и финансовых рынков.

По мере реализации четырех предшествующих условий механизм государственной экономической политики на федеральном уровне должен быть расширен, по крайней мере, в следующих направлениях:

- превращение федерального бюджета в активный инструмент управления государственным спросом;
- развитие государственного целевого программирования как инструмента решения системных задач;
- качественное повышение управления государственной собственностью;

5) осуществление социальных реформ, направленных, прежде всего, на усиление адресности социальной поддержки, а также на сохранение и качественное развитие общедоступной социальной инфраструктуры (образование, здравоохранение, культура, социальное обеспечение).

В ближайшие годы необходимо одновременно решить две трудно совместимые задачи: 1) согласовать социальные расходы государства с реально имеющимися ресурсными возможностями; 2) сохранить общедоступную систему социальных институтов, повысив при этом качество оказываемых ими услуг. Решение обозначенных задач состоит в том, чтобы, с одной стороны, повысить приоритетность финансирования социальных расходов, наложив запрет на снижение в реальном выражении соответствующих бюджетных статей, с другой – усилить адресность социальной поддержки и обеспечить строго целевое использование финансовых ресурсов, направляемых на социальные нужды;

б) сокращение оттока капитала и конвертация валютных активов резидентов в инвестиции.

Ключевая особенность перехода к новой модели экономики состоит в том, что в первоочередном порядке требуется форсированное наращивание инвестиций.

В среднесрочной перспективе существует три основных ограничения для перехода к наращиванию инвестиций:

1. Недостаток экономических и финансовых институтов, ориентированных на расширение инвестиций. Одним из главных факторов, сдерживающих рост капиталовложений, является не нехватка ресурсов, а низкий инвестиционный спрос со стороны предприятий и отсутствие мотиваций со стороны потенциальных инвесторов.

Для того чтобы ослабить данное ограничение, необходима концентрация капитала – создание мощных хозяйственных структур, способных в рамках реализации крупных проектов замкнуть весь инвестиционный цикл. Кроме того, важно обеспечить реальную защиту прав инвесторов и создать механизмы снижения инвестиционных ограничений (страхование, предоставление гарантий).

2. Социальные ограничения. Критически низкий уровень жизни основной массы населения не позволяет увеличивать инвестиции за счет снижения потребления. Более того, в среднесрочной перспективе решение неотложных социальных задач потребует значительных экономических ресурсов, сокращающих инвестиционные возможности экономики. Не менее 20% ВВП должно направляться на финансирование социальных нужд: социальные трансферты, содержание социальной сферы, субсидии жилищно-коммунальному хозяйству и т.п.

3. Недостаток свободных финансовых ресурсов для инвестиций. Имеющийся финансовый потенциал российской экономики позволяет удвоить ресурсы капиталовложений.

Важнейшим преимуществом российской экономики является наличие собственного инновационного и высокотехнологичного машиностроительного потенциала, сосредоточенного, главным образом, в отраслях оборонного комплекса. Его использование позволит в перспективе наполнять инвестиционный спрос за счет развертывания собственного производства конкурентоспособной машиностроительной продукции.

Прогнозные расчеты показывают, что реализация отмеченных базовых условий способна обеспечить в среднесрочной перспективе экономический рост с темпами, значительно более высокими, чем в «потребительски ориентированном» и «экспорт-ориентированном» вариантах – на уровне 4,5% в среднем за год. Еще больше увеличить темпы роста оказывается практически невозможно из-за ограничений со стороны снижающихся производственных мощностей, инерционного развития сырьевой базы (сельское хозяйство, топливный сектор), нагрузки со стороны внешнего долга и необходимости поддерживать социальные и оборонные расходы.

Такая экономическая динамика создаст все предпосылки для того, чтобы избежать развертывания угроз и развития событий по катастрофическому варианту. Практически во второй половине

десятилетия удастся выйти на объем инвестиций, требуемый для качественного обновления производственно-технологического аппарата и предотвращения дальнейшей деградации сырьевых отраслей. Объем ВВП позволит также решить проблему оборонных расходов и поддержания социальной инфраструктуры.

К сожалению, не удастся решить в требуемых масштабах проблему повышения уровня жизни населения. Хотя потребление домашних хозяйств возрастет, его уровень будет ниже того, который необходим для формирования массового «среднего класса». По-видимому, окончательное решение проблемы благосостояния будет вынесено за пределы периода.

Объективные цели, ограничения и ресурсные возможности определяют общую схему реализации антикризисной стратегии.

Правительство Российской Федерации в течение ряда лет ожидало, что частный капитал даст резкий скачок эффективности экономики. Однако ожидания оказались напрасными и завершились колоссальным кризисом, дополнительно обесценившим национальные ресурсы в 5 раз. Процесс обесценения продолжается и будет нарастать, пока не будет закреплена наметившаяся тенденция роста производства и не придет, наконец, осознание того, что дополнительный стимул развитию должно дать само государство.

В этом случае придет и понимание необходимости весьма существенного, отвечающего национальным условиям усиления роли государства в экономическом процессе путем целенаправленных влияний не только через денежно-финансовую политику, политику инвестиций, налогов, цен и доходов, но и организации прямых воздействий на промышленность в интересах экономической безопасности и развития страны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Общественная жизнь «как способ существования белковых тел» в виде совокупности отдельных личностей не прекращается при смене любых парадигм управления обществом. (Конечно, Фридриха Энгельса покорила бы такая трактовка его классического определения жизни). История человечества продолжится при любой парадигме менеджмента в отдельных обществах. Несомненно только то, что побеждать в будущем будут, как это было в прошлом, более эффективные организации (в том числе, и государственные). Именно производительность труда в целом определяет победу каждого нового общественного строя. Примером могут служить современные тенденции опережающего развития стран – «новых тихоокеанских тигров».

Вернемся к современной России. Здесь экономико-политическая жизнь в условиях демократии неумолимо ориентируется на электоральные циклы. В этом состоит смысл, что прямая демократия непосредственно влияет на изменение парадигмы управления в заданных конституцией пределах, т.е. парадигма «привязывается» к системе воззрений первого лица. Последние выборы президента, а также Государственной думы показывают, что существенной смены парадигмы управления экономикой не произойдет. Однако существуют некоторые тенденции постепенного качественного изменения системы управления.

Либеральный стиль управления, сложившийся во время президентства В.В. Путина, который осуществлялся последние 20 лет, скорее всего, в целом продолжится. Почему либеральный стиль? Многие политики так не считают. Можно подробно описывать теоретические особенности процесса современного менеджмента, но посмотрим на главное – на результаты достижения поставленных

целей. В майских указах президента от 2012 г. содержались конкретные цели, которые, по мнению многих экономистов, выполнены всего на 70%, но мы не видели отставок 30% министров.

С развитием экономики и внешней среды, естественно, стиль управления будет корректироваться в зависимости от внешнеполитических и внутривластных процессов. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 01.03.2018 г. [18] акцентируется необходимость уделять усиленное внимание военно-промышленному комплексу, который вследствие этого фактически выпал из круга отношений чисто рыночных процессов. Возникает некая структура централизованного управления по отраслевому принципу.

Россия в мировой экономике уже давно «съехала» из передовых в группу второсортных, если не третьесортных ресурсных стран. Только экспортная ориентация торговли углеводородами доминирует в концепции участия России в мировой экономике. Со времен незабвенного Л.И. Брежнева, кому подфартило с открытием сибирских углеводородов, началось реальное торможение развития экономики СССР и, следовательно, уровня жизни народа. Сейчас этим уже не удивить никого. Выросло целое поколение экономистов, как теоретиков, так и практиков, которые эту идею всосали с молоком современных «альма матерей» различного профиля. Для многих норма – жить и работать по указкам зарубежных концепций, идей воспитывающих компрадорскую буржуазию и быть ресурсным придатком всего мира.

Но реальная жизнь – это не идеи, экономическая жизнь – это потребление продуктов, которые образуются путем преобразования природы. И управление экономикой – это процесс организации движения всех видов природных ресурсов, т.е. производства. Чем меньше затрат осуществляется на этот процесс преобразования природы, тем эффективнее производство. Не прибыль – первоначальный двигатель производства, а продукт, используемый для потребления. Чем меньше стоит этот продукт, тем больше производительность труда по его производству, а она, в свою очередь, зависит от того оборудования, на котором производятся товары.

В отчете Дмитрия Медведева в Госдуме о работе правительства 11.04.2018 за предыдущий электоральный срок президента были приведены следующие данные по экономике:

«...за шесть лет валовой внутренней продукт вырос на 5%» (это главный позор правительства, поскольку с учетом инфляции – это реальное падение производства);

«Мы вернули себе статус ведущей аграрной державы» (по сути, это не достижение в развитии производительных сил, а шаг назад);

«...основные наши усилия сосредоточены на строительстве жилья. Это действительно важнейшая задача. 2015 год вообще стал пиковым – более 85 млн кв. м. Напомню, что в РСФСР, которая тоже активно строила, в рекордном 1987 году было 72,8 млн кв. м».

В отчете не упомянуто, как выполнялась программа о 25 млн передовых рабочих мест. Однако фактические данные по этому вопросу приведены в табл. 18.

Таблица 18

Прирост высокопроизводительных рабочих мест (в %)

2012	2013	2014	2015	2016
12,7	6,9	4,5	-9,1	-4,8

Примечание: сост. авт. по [24].

Первые итоги 2019 г. также не радуют. Объем ВВП (в 1 квартале 2019 г.) в текущих ценах составил 24 487,1 млрд руб. Индекс физического объема относительно 1 квартала 2018 г. составил 100,5%, относительно IV квартала 2018 г. – 82,3%. Индекс-дефлятор ВВП за 1 квартал 2019 г. по отношению к ценам 1 квартала 2018 г. составил **108,5%** [Там же]. **Он реально отражает индекс цен по экономике страны в целом.** Следовательно, снижение уровня жизни населения продолжается.

Задачи на следующий «плановый период» сформулированы в Указе Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Разработка национальных программ как формы программно-целевого метода управления – это явное совершенствование системы управления страной. Во многих частях рассмотрены социальные цели.

Президент постановил на период до 2024 г. обеспечить достижение следующих **национальных целей развития** Российской Федерации:

а) обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации;

б) повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 году – до 80 лет);

в) обеспечение устойчивого роста реальных доходов граждан, а также роста уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции;

г) снижение в два раза уровня бедности в Российской Федерации;

д) улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно (заметим, что это потребует примерно 270–300 млн кв. метров ежегодно вводить жилья, сейчас вводится примерно 75 млн м²);

е) ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации (до 50% от их общего числа);

ж) обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере;

з) вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в том числе инфляции на уровне, не превышающем 4% (это потребует темпов роста производительности труда и практически роста объёма производства на 7–8% в год);

и) создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Здесь фактически образуются зародыши новой системы управления экономикой «по целям». Это шаг вперед к централизованной системе управления. Можно было бы подробнее проанализировать содержание всех пунктов рассматриваемого Указа, но и так можно поставить вопрос: а как это сделать, какими силами? И главный вопрос: кто будет ответственным за выполнение или невыполнение поставленных задач?

На данный момент происходит существенная корректировка Конституции Российской Федерации. В Послании Президента Рос-

сийской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию 15 января 2020 г. сформулирована идея преобразования высшей системы власти [35]. Другими словами, формируется новая парадигма управления. Вслед за этим произошла скоростная отставка всего (!) Правительства РФ. Поскольку формально она не связана с Посланием, в котором никакого намека не было на такое существенное изменение в системе управления.

Кроме того, никаких публичных предварительных мероприятий: выражение недоверия Правительству со стороны Государственной думы, которое предписано ст. 117 Конституции, не было. Понимая, что подобные мероприятия не делаются спонтанно, «секретная подготовка» была проведена и, судя по спокойной и единообразной реакции членов правительства, для них это не было великой тайной. Равно как и то, что решение об этом принял один человек. В противном случае это был бы саботаж со стороны старого Правительства.

Однако такие изменения просто так не происходят. Казалось бы, что это, скорее всего, результат осознания итогов позорно долгого и позорно слабого роста экономики РФ в целом и катастрофического невыполнения национальных целей (проектов, программ) по результатам (а не по затратам). Эта организационная мера была ожидаема.

На сегодняшний момент известен новый состав Правительства, который наполовину обновлен. Однако в «экономическом блоке» изменения незначительны. Кроме Председателя Правительства, которого можно отнести к экономистам, обращает на себя внимание Максим Решетников, занявший пост министра экономического развития. Это кандидат экономических наук с опытом регионального стратегического управления. На встрече с членами нового правительства В. Путин отметил, что важнейшая задача нового кабинета – «повышение благосостояния наших граждан и укрепление нашей государственности и позиций нашего государства в мире». Кажется все логично. Бытует мнение, что М. Мишустин поставлен премьером для выполнения национальных проектов. Но у него объектом управления должна быть ВСЯ Россия, ВСЯ экономика.

В Послании главная идея – совершенствование Конституции Российской Федерации. Можно было предполагать, что по критической ситуации в экономике и наличию авторитета В.В. Путина будет более мощная корректировка конституции. Вплоть до замены ее на новую. В конце концов, дело не в названиях должностей и отде-

лов, а в управленческих функциях, которые должны быть прописаны в Положениях о структурной единице и соответствующими должностными инструкциями и средствами этого обеспечения. Конечно, когда возникнет вопрос, необходимость потребует и соответствующего научно-методического подхода.

В целом следует нормально относиться к более длительным периодам правления первого лица. Если у претендента «на первое место» есть серьезная цель, допустим качественного изменения развития страны, то это потребует периода времени равного времени смены одного поколения работающих людей (опыт Японии, Кореи) и определенного единоначалия. Идеально, каждый новый руководитель хотел бы сделать что-то значительное для страны, для этого лидер делает новую конституцию «под себя». Это естественно: новая задача, новое понимание – новая система управления. В нашей стране цепь смены руководителей сопровождалась и сменой конституций (ленинская, сталинская, проект хрущевской, брежневская, ельцинская). Теперь будет «Путинская корректировка». Каждая конституция закрепляла новую парадигму управления, которые эти лидеры предполагали осуществить. В конце электорального периода правления менять конституцию бессмысленно. Разве что есть надежда стать у руля на последующий срок.

Объективно все лидеры стран хотят удлинить свое пребывание у власти. Привычные нам электоральные циклы 4–6 лет слишком короткие для того, чтобы что-то серьезное можно было сделать со страной. Кроме того, из периода следует убрать время «вхождения во власть», когда вновь избранный президент фактически изучает систему управления государством, набирается опыта и т.п. В конце периода лидер, как правило, осуществляет «затраты на удержание власти», перевыборы. При 4–6-летнем электоральном цикле получается, что первые два года новый президент осваивается в руководящем кресле, приобретает авторитет, потом в конце периода два года борется за свои перевыборы. Работать некогда.

Сегодня примером начальной стадии электорального цикла служат наблюдаемые призывы В. Зеленского управлять страной – современной Украиной. Второй пример – Д. Трамп: в конце электорального цикла он большую часть времени уделяет борьбе за удержание власти, а не выполнению обещанного в предвыборной программе.

Совершенно другой путь «революционного» обновления парадигм управления, когда существенно удлиняются сроки правления лидера. В качестве примера можно привести существование долгосрочной управленческой парадигмы в СССР И.В. Сталина, Ли Куан Ю (Сингапур), Дэна Сяопина (Китай).

Председатель Совета безопасности РФ – вот перспективная и несменяемая должность для В.В. Путина. Следует только конституционно изменить функции для этой управленческой структуры.

Выборность предполагает, что выборщики должны знать цели, долгосрочную программу претендента, а также реальную возможность достижения цели. При обсуждении кандидатуры нового руководителя страны важно знать, какая программа будет у него, а также реальную возможность импичмента в случае невыполнения программы.

Великий, не побоюсь этого слова, управленец А. Файоль в книге «Общее и административное управление» отмечал: «Чтобы удержать единство и правильность функционирования, руководитель должен устранить или предложить устранение всякого функционера, ставшего по каким-либо причинам не способным выполнять возложенные на него задачи. Это требование долга, всегда сложное, часто тягостное. Эта обязанность взывает к высшим нравственным качествам начальника и, в частности, к известному гражданскому мужеству, которое подчас труднее осуществлять, чем военную храбрость».

Итак, сформулируем основные выводы:

1. Главная причина больших кризисов в России в XX в. всегда крылась в недостатках управления экономикой, под которыми в данной работе понимаются широкий спектр ошибок управления, приводящих к понижению эффективности экономики, ошибочные концепции, положенные в систему управления, подмена критериев эффективности, приход к власти слабых руководителей, неверные стратегические или политические решения, непреодолимые обстоятельства в принятии решений.

2. Все кризисы в XX в. пришли в Россию извне, военным, идеологическим путем и формированием западного экономического мировоззрения у руководства (в частности, монетарные методы управления).

3. Основной особенностью кризисов в России является не кризис перепроизводства, как на западе, а кризис «недопроизводства», снижения потребления и, как следствие, недовольство масс.

4. В России традиционным способом управления (в условиях постоянного ожидания какой-нибудь войны или кризиса) всегда было и, скорее всего, останется стремление к централизации управления.

5. Самый последний системный кризис был порожден неверными решениями, которые породили «рыночную систему хозяйствования» и сам переход к рыночной экономике. На этом пути менеджмент (руководство, истеблишмент) перешёл все мыслимые пороги «реформирования» экономики, например, с приватизацией ключевых для безопасности страны отраслей. Вследствие этого более двух десятилетий экономика страны «развивалась» на уровне 1–2% в год. Даже без учета качественных структурных сдвигов это означает стагнацию экономики.

6. Следует признать позорность такого менеджмента, а не успокаивать себя и население. Когда нация в целом осознает ошибки в менеджменте (или хотя бы «прогрессивная национальная элита»), тогда она научится их исправлять (например, опыт Японии, Южной Кореи, Сингапура и даже Германии, которые после позора проигрыша в войнах массово осознали необходимость перестройки всей парадигмы национального менеджмента).

7. Монетарные меры, принимаемые правительством страны по выводу России из кризиса, не приводили и, скорее всего, не приведут к существенному улучшению экономики. Они загоняют проблему в тупик, что чревато возобновлением их в будущем.

8. Глубина будущего кризиса покажет степень реформирования всей парадигмы менеджмента в России.

В ближайшие пять лет России предстоит выбрать один из двух крайних вариантов изменения парадигмы управления (по мере нарастания проблем или в зависимости от осознания потерь в экономике): 1) сохранить современную парадигму управления с перспективой ее затяжного упадка и в перспективе, без сомнения, социальных потрясений; 2) реформировать или даже предложить новую парадигму управления, позволяющую развивать экономику современными методами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. А. И. Фурсов о реальной численности населения в России. – Видеозапись: электронная // Федеральный общественный виртуальный медиахолдинг «Россия-Сегодня»: [сайт]. – URL: http://rustod.ru/rossiya_itv/a-i-fursov-o-realnoy-chislennosti-naseleniya-v-rossii/
2. Аукуционек, С.П. Теория перехода к рынку / С.П. Аукуционек. – Москва, 1993. – 350 с.
3. «Большая двадцатка» в цифрах. – Диаграмма: электронная // РИА Новости: [сайт]. – URL: <https://ria.ru/infografika/20170706/1497087791.html?inj=1> (дата обращения: 6.07.2017).
4. Бузгалин, А. В. Переходная экономика / А. В. Бузгалин. – Москва: БЕК, 1994. – 435 с.
5. Время правления Брежнева – «застой» или «золотая эпоха» (часть 1)? – Текст: электронный // Информационно-аналитический центр: inance.ru: [сайт]. – URL: <https://inance.ru/2016/04/breznev-01/>(дата обращения 6.04.2016).
6. Жабько, Л.Л. История экономики России. XX век / Л.Л. Жабько, В.А. Осипов. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2008. –158 с.
7. История России. XX век: энциклопедия: в 5 т. Т. 3 / сост. С.Т. Измаилова. – Москва: Авантаж, 1996. – 580 с.
8. История экономических учений: учебное пособие / под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – Москва: ИНФРА-М, 2000.
9. Кун, Т. Структура научных революций. – Текст: электронный, 1962 / Т. Кун. – URL: http://leftinmsu.narod.ru/library_files/books/Kun.html#0
10. Ленин, В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений, 1981. Т. 41.

11. Ленин, В. И. Очередные задачи Советской власти / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений, 1954. Т. 36.
12. Лето 1990 г. – разработка проектов перехода к рынку. – Текст: электронный // Студопедия: [сайт]. – URL: https://studopedia.su/13_129926_letu--g--razrabotka-proektov-perehoda-k-rinku.html (дата обращения: 11.09.2019).
13. Маркс, К. Капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2-е изд., 1960. Т. 23.
14. Народное хозяйство СССР в 1965 г.: стат. ежегодник. – Москва: Статистика, 1966. – 910 с.
15. Народное хозяйство СССР в 1985 г.: стат. ежегодник. – Москва: Финансы и статистика, 1986. – 655 с.
16. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: стат. ежегодник / Госкомстат СССР. – Москва: Финансы и статистика, 1991. – 752 с.
17. Научный макет новой Конституции России. – Москва: Научный эксперт, 2011. – 456 с.
18. История России / А.С. Орлов, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва, 2006. – 528 с.
19. Осипов, В. А. Эффективность машиностроительного производства / В.А. Осипов. – Владивосток: Изд-во ДВГТУ, 2003. – 295 с.
20. Ослунд, А. Россия: рождение рыночной экономики / А. Ослунд. – Москва, 1996. – 505 с.
21. Переход к рынку. – Москва, 1990. – 430 с.
22. Переходы и катастрофы: опыт социально-экономического развития. – Москва: Экономика, 1994. – 431 с.
23. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 01.03.2018. – Текст: электронный // Президент России: [сайт]. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/42902 (дата обращения: 01.03.2018).
24. Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. / Росстат. – Москва, 2019. – 549 с.
25. Почему население России сократилось в 1990-е. – Текст: электронный // Рамблер: [сайт]. – URL: <https://weekend.rambler.ru/read/39930089-pochemu-naselenie-rossii-sokratilos-v-1990-e/> (дата обращения: 24.05.2018).
26. Прирост высокопроизводительных рабочих мест. – Текст: электронный // ЕМИСС: государственная статистика: [сайт]. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/44084> (дата обращения: 29.07.2018).

27. Путин создает еще 25 миллионов рабочих мест для некалифицированных рабов. – Текст: электронный // Миллион работ: [сайт]. – URL: <http://www.mjobs.ru/news/25-millionov-rabochih-mest-k-2020-gody/> (дата обращения: 06.05.2019).

28. Развал советской науки. – Текст: электронный // Руксперт: [сайт]. – URL https://ruxpert.ru/%D0%A0%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%B8 (дата обращения: 26.11.2019).

29. Российское станкостроение: состояние и перспективы. – Текст: электронный // Оборудование и инструмент для профессионалов: международный информационно-технический журнал. – URL: <http://www.informdom.com/novosti/rossiiskoe-stankostroenie-sostoyanie-i-perspektivy.html> (дата обращения: 07.05.2019).

30. Сакс, Дж. Рыночная экономика и Россия / Дж. Сакс. – Москва, 1994. – 456 с.

31. Стенограмма: отчет Дмитрия Медведева в Госдуме о работе правительства. – Текст: электронный // Российская газета rg.ru [сайт]. – URL: <https://rg.ru/2018/04/11/stenogramma-otchet-dmitriia-medvedeva-v-gosdume-o-rabote-pravitelstva.html> (дата обращения: 11.04.2018).

32. Файоль, А. Общее и промышленное управление. – Текст: электронный / пер. на рус. яз. Б.В. Бабина-Кореня. – Москва, 1923 // Центр гуманитарных технологий: [сайт]. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/5783> (дата обращения: 28.08.2012).

33. Федеральная служба государственной статистики: официальный [сайт]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/46880c804a41fb53bdceb78e6889fb6 (дата обращения: 05.02.2019).

34. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. – Москва: Гардарики, 2004.

35. Философский словарь. – Москва: Палимпсест: Этерна. Андер Конт-Спонвиль, 2012.

36. The International Bank for Reconstruction and Development // The World Bank. Oxford University Press, Inc. N.Y. – 236 p.

37. Послание Президента Федеральному Собранию. – Видеозапись: электронная // Президент России: [сайт]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 16.01.2020).

Научное издание

Осипов Виктор Алексеевич

**ЦИКЛИЧНОСТЬ СМЕНЫ
ПАРАДИГМ УПРАВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ
В XX ВЕКЕ**

Монография

Редактор М.А. Шкарубо
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 11.03.2020. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать цифровая. Усл.-печ. л. 11,63.
Уч.изд.л. 12,4. Тираж 600 [I–100] экз. Заказ 98

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41